

2023

Том 14. № 1

2023. Vol. 14. No. 1

DOI: [10.19181/vis.2023.14.1](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Трансформации
российского общества
в социологической
ретроспективе**

/Социологическая ретроспектива

/Темпоральность травмы

/Проблемы трудоустройства молодёжи

/Homo Ludens в мире «постправды»

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 1'2023

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2023. Том 14. № 1

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2023

© Vestnik instituta sotziologii, 2023

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D, ассоциативный профессор, главный научный сотрудник отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

Email: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D, Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

О выпуске.....	8
<i>Аксенова О. В.</i> Социология российских перемен.....	8
Тема номера: Трансформации российского общества в социологической ретроспективе	13
<i>Беляева Л. А.</i> Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX вв.....	13
<i>Андреев А. Л.</i> «Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества	29
<i>Капицын В. М.</i> Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего)	45
<i>Ярская-Смирнова В. Н.</i> Темпоральность травмы (размышляя о книге Ж. Т. Тоценко).....	67
Молодёжь в современном обществе	78
<i>Марин Е. Б.</i> Представление молодёжи о мерах противодействия пандемии COVID-19 (на примере Приморского края).....	78
<i>Присяжная Н. В., Вяткина Н. Ю.</i> Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы	101
Дискуссионная трибуна	115
<i>Мамедов А. К., Комиссаров С. Н., Коркия Э. Д.</i> Номо Ludens в игровом мире постправды.....	115
Риски дестабилизации и противодействие им.....	137
<i>Найденко В. Н.</i> Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки.....	137
Развитие в регионах России: тенденции и проблемы	155
<i>Монгуш С. П.</i> Качественная составляющая индивидуальной программы социально-экономического развития региона, входящего в состав Енисейской Сибири	155
Научные форумы	166
<i>Бийжанова Э. К.</i> От однополярности до бесполярности: к вопросу об изменениях в геополитической конфигурации мира ...	166

Contents

About the Issue.....	8
<i>Aksenova O. V.</i> The Sociology of Russian Change.....	8
Topic of the Issue: Transformation of Russian Society in Sociological Retrospective.....	13
<i>Belyaeva L. A.</i> Eastern Vector of Mass Migrations in Russia in Domestic Studies of the 19th – First Half of the 20th Centuries.	13
<i>Andreev A. L.</i> "The Andropov Problem": To a Sociological Characterisation of the Soviet Society.....	29
<i>Kapitsyn V. M.</i> Stigmatisation as a Threat to National Identity (Lessons for the Present from the Past)	45
<i>Yarskaya-Smirnova V. N.</i> Temporality of Trauma (Reflecting on the Book by Zh. T. Toshchenko)	67
Youth in Contemporary Society	78
<i>Marin E. B.</i> Young People Assessment of Measures to Counteract the COVID-19 Pandemic (On the Example of Primorsky Region).....	78
<i>Prisyazhnaya N. V., Vyatkina N. Yu.</i> Employment of a Young Medical Specialist: Levels of Manifestation of the Problem.....	101
Discussion Platform.....	115
<i>Mamedov A. K., Komissarov S. N., Korkiya E. D.</i> Homo Ludens in the Post-Truth Game World.....	115
Destabilisation Risks and Counteraction to Them	137
<i>Naydenko V. N.</i> Suppression of Manifestations of Violent Ethno-Religious Extremism: Expert Assessments.....	137
Development in the Regions of Russia: Trends and Problems	155
<i>Mongush S. P.</i> The Qualitative Component of the Individual Programme for the Socio-Economic Development of One of the Regions of the Yenisei Siberia	155
Scientific Forums.....	166
<i>Biyzhanova E. K.</i> From Unipolarity to Unpolarity: To the Question of Changes in the Geopolitical Configuration of the World.....	166

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.0

EDN: EBHIJW

Тема этого номера [«Трансформации российского общества в социологической ретроспективе»](#) посвящена осмыслению прошлого нашей страны. Социология изучает современность и иногда пытается прогнозировать будущее. Былое для нашей науки предмет крайне сложный, трудноуловимый. Даже воспоминания свидетелей достоверны относительно: человек меняется вместе со временем и смотрит на собственную историю через множество новых, уже современных фильтров. Не менее трудно изучать тексты: релевантность данных, полученных при помощи смыслового анализа, контент-анализа и прочих инструментов, ограничена без знания широкого исторического контекста, прежних значений слов и их восприятия в давно ушедшую эпоху. И тем не менее социологическое осмысление прошлого необходимо для понимания устройства современного социума. Разорванность российской истории в XX веке – не более чем кажимость. Настоящее всегда есть продолжение существовавших ранее тенденций и феноменов, оно возникает прежде всего как результат действия их собственных механизмов, развёртывания и снятия внутренних дихотомий в меняющихся условиях. Исследование прошлого важно поэтому не только уроками и историческими аналогиями, но и возможностью указанные механизмы выявить. Поэтому чем более полным будет знание и социологическое осмысление истории, тем более качественным будет знание и о настоящем моменте.

В теме номера представлены статьи, в которых рассматриваются разные аспекты и разные периоды российской и советской истории. Открывает выпуск статья [Беляевой Л. А. \(Москва\) «Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в.»](#). Обращение автора к истории обусловлено остротой одной из современных проблем России: чётко обозначившимся трендом последних десятилетий – движением населения с востока и севера в центрально-европейскую и южную части страны. А имевшие место в прошлом стихийные и организованные перемещения больших масс людей, в основном в восточных направлениях, происходили в связи с непрерывным расширением границ страны. В статье рассмотрены работы российских исследователей XIX – начала XX в., посвящённые массовым миграциям населения из Центра России на Восток. Выделены два типа работ. Первые из них знакомят публику с природными, этнографическими, санитарными условиями на новых территориях, излагают историю завоевания и заселения этих мест. В других работах исследуются уже сами миграционные практики с изучением информации о переселенцах, их состава, социально-демографических

и других характеристик. С середины 1930-х годов изучение миграции свёртывается, хотя в этот период происходили интенсивные добровольное и принудительное перемещения жителей страны, самодеятельные и организованные миграции в связи с урбанизацией и индустриализацией страны. По мнению автора, сегодня разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселённости мегаполисов европейской части страны.

Статья [Андреева А. Л.](#) (Москва) [«Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества»](#) посвящена проблеме «понимания» советского общества, трактуемой с точки зрения «портретного» подхода к описанию конкретных социумов, позволяющего выявить их характерные черты и особенности. На основе сформулированного Н. Бором принципа дополнительности в статье рассматриваются методологические вопросы реализации такого подхода, преимущественно в плане интеграции дискурсов и языков описания социальной реальности. Социальная природа советского общества характеризуется на основе сопоставления материалов социологических исследований, статистических данных, оценок видных советских деятелей и суждений «простых советских людей», а также собственных наблюдений. Автор доказывает, что системообразующие мотивации советской повседневности, если оценивать их с позиций марксистско-ленинской социальной теории, – это буржуазные по своему характеру мотивации. В то же время на общем фоне буржуазной *modernity* советское общество выделялось особенными характерологическими чертами, преимущественно связанными с особенностями российской модели просветительской модернизации. Отношение к образованию как к терминальной ценности в значительной мере определило логику внутренней эволюции советского общества, в ходе которой в СССР сложились специфические формы социальности, которые предлагается определять как общество образования.

В работе [Капицына В. М.](#) (Москва) [«Стигматизация как угроза национальной идентичности \(уроки прошлого для настоящего\)»](#) исследуются дискурсы стигматизации. Используется опыт советской «перестройки», советские, российские и зарубежные материалы, документы КПСС, советских органов, общественных организаций и движений, воспоминания очевидцев, свидетельства СМИ, личные воспоминания. Раскрываются содержание и механизмы стигматизации как процесса и средства борьбы против СССР и России, выделяются внешние и внутренние составляющие процесса стигматизации, рассматривается механизм стигматизации, включающий образование негативных контр-идентичностей и феномен «самостигматизации». Контр-идентичности могут сопровождать социальную дифференциацию общества, формирование различных социальных (профессиональных, этнических, территориальных) различий. В результате действия указанного механизма перевес получает дискурс отторжения ценностей общества, его исторического нарратива (завоеваний народа, героев войны и труда), достижений настоящего, а на первый план массового сознания выходят исторические травмы, обиды, злоупотребления, ошибки государственной власти. Так

обесценивается исторический опыт поколений; для миллионов людей теряется смысл понятий «служение», «героизм», «присяга», «долг», «гражданство», а вместе с этим разрывается национально-государственная идентичность, приоритет приобретает конгломерат негативных контр-идентичностей, соединённых временной идейной платформой, оправдывающей победу дискурса «новых» ценностей. В заключении рассмотрены задачи стигматизации как средства «гибридной войны» на современном «витке» противостояния России с НАТО.

Статья [Ярской-Смирновой В. Н.](#) (Москва) [«Темпоральность травмы \(размышляя о книге Ж. Т. Тощенко\)»](#) написана в жанре рецензии-размышления. В ней представлено осмысление автором фундаментальной научной работы Ж. Т. Тощенко. Статья содержит анализ раскрытия в монографии категорий прогресса, эволюции и революции, определения родовых и специфических черт общества травмы в отсутствие стратегии развития и государственной идеологии, а также демонстрирует пример революции в дискурсе преломления времени отечественной истории как пёстрой нелинейной темпоральности 1917 г. и всего XX в. В работе выявлено драматическое травмирующее пересечение исторического времени событием революции, взбудоражившей мировое сообщество и перевернувшей устоявшуюся систему социальных координат. Автор подчеркивает вывод Ж. Т. Тощенко о русской травме как результате исторических потрясений, обнаживших кризис цивилизации, отношений России и Запада, народа и интеллигенции, власти и общества. В статье показано, что темпоральный поворот оказывается для понимания концепции травмы общества полезным инструментом, оказавшимся в тренде современных научных направлений.

Рубрика [«Молодёжь в современном обществе»](#) содержит две статьи, в которых рассматриваются разные аспекты проблем современной российской молодёжи. Статья [Марина Е. Б.](#) (Владивосток) [«Представление молодёжи о мерах противодействия пандемии COVID-19 \(на примере Приморского края\)»](#) представляет результаты исследования, в ходе которого была проведена реконструкция представлений респондентов о трёх основных профилактических мерах борьбы с пандемией COVID-19: самоизоляции, масочном режиме и вакцинации, с применением анкетирования, интервью, ассоциативного эксперимента, а также частного семантического дифференциала. Проведённые интервью показали наличие в молодёжной среде двух групп, отличающихся по своим личностным характеристикам, жизненной позиции и стратегии решения проблем здоровья. Для первой, «активной» группы характерно в основном пассивное отношение к вопросам здоровья. Принятие вакцины было осуществлено этой группой под давлением государства и работодателя. Для второй группы молодёжи свойственна активная жизненная позиция, рационализм, личностная зрелость. Это определяет и более рациональные стратегии решения проблем в вопросах здоровья. Вторая группа владеет более широким и научным кругом источников. Автор полагает, что большую роль в выборе стратегий поведения в данной ситуации играет как социальное влияние, так и личностные характеристики респондентов. Применение метода ассоциативного эксперимента позволило определить

характеристики представлений о государственной политике по противодействию пандемии в сознании студентов на образном, эмоционально-аффективном уровне.

В статье [Присяжной Н. В., Вяткина Н. Ю. \(Москва\) «Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы»](#) обсуждается тема трудоустройства выпускников медицинских вузов и молодых медицинских специалистов. Опираясь на данные экспертных фокус-групп (2016 г.) с преподавателями и выпускниками медицинских вузов и руководителями фармацевтических компаний, а также нарративных интервью с молодыми медицинскими специалистами (2021 г.), авторы выделяют ряд проблем, возникающих при первом трудоустройстве и препятствующих успешной профессиональной социализации вчерашних выпускников на отраслевом рынке труда. Среди них несогласованность реализации кадровых потребностей отрасли, отставание содержания образовательных программ вуза от актуальных требований работодателей, а также слабая ориентированность соискателей в возможностях трудоустройства по профессии. При этом сложности трудоустройства выпускника медицинского вуза преимущественно связаны с недостаточностью практических навыков у молодых специалистов – что актуализирует необходимость сотрудничества вузов и организаций-работодателей. Для более глубокого понимания негативных факторов, осложняющих трудоустройство, рассматривается специфика проявления этих проблем на трёх уровнях – рынка труда в целом, системы «вуз – работодатель» и личностном.

Наша традиционная рубрика [«Дискуссионная трибуна»](#) представлена статьёй [Мамедова А. К., Комиссарова С. Н., Коркия Э. Д. \(Москва\) «Homo Ludens в игровом мире постправды»](#). В ней анализируются характеристики феномена постправды как термина, обозначающего радикальную трансформацию глобальных СМИ, отказавшихся от свободы слова и объективности информации в угоду геополитическим интересам отдельных игроков, рассматривается содержательное наполнение концепции «постправды» в современном научном дискурсе; отмечается, что вступление цивилизации в эпоху освоения информации как ведущего ресурса требует от научного сообщества осмысления проблематики, связанной с конечностью связи семантических объёмов публичной информации с реальностью, что отражено в феномене постправды. Постправда рассматривается авторами как системное явление, являющееся следствием взаимоотношений элементов трёх социальных процессов: игризации бытия, невротизации социальной жизни, трансформации СМИ. В статье представлены способы концептуального рассмотрения феномена постправды в рамках соотнесения различных исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся мотивацией коммуникативной деятельности. Четыре таких состояния (Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus) устойчиво демонстрируются условиями социального развития, однако чёткое представление о том, к какому из этих видов можно отнести человека того или иного исторического периода или социально-политической группы, отсутствует.

Дискуссионным, с нашей точки зрения, является само деление человека на перечисленные виды, поскольку в любой исторический период Homo Sapiens является целостностью одновременно биологической и социальной. Выделение эволюционных состояний Homo на основании коммуникационных мотиваций, с одной стороны, фокусирует внимание на определённых его свойствах, но с другой – указанную целостность разрушает, как, впрочем, и категории «человека рационального» или «человека экономического». Возникает вопрос о возможностях и ограничениях использования столь абстрактного понятия в качестве теоретического инструмента исследования.

Работа [Найденко В. Н.](#) (Москва) [«Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки»](#) представляет рубрику [«Риски дестабилизации и противодействие им»](#). В статье рассмотрены проблемы эффективности деятельности государственных и общественных структур по пресечению акций этноэкстремизма и проанализирована практика использования в этих целях добровольных общественных формирований. Исследование показало, что 75% опрошенных экспертов считают оправданным использование добровольных общественных формирований правоохранительной направленности (казачества, ДНД и др.) для пресечения насильственных этнорелигиозных проявлений и прежде всего сепаратистской направленности. При этом 35% экспертов полагают правильным такое использование практически в любых межэтнических конфликтных ситуациях, а 40% – выступают за их использование только в экстренных обстоятельствах, когда государственные службы не могут самостоятельно пресечь внезапную угрозу. Вместе с тем 25% опрошенных экспертов считают неоправданным использование добровольных формирований, поскольку только государство имеет право на легитимное применение насилия.

Рубрика [«Развитие в регионах России: тенденции и проблемы»](#) содержит статью [Монгуш С. П.](#) (Кызыл) [«Качественная составляющая индивидуальной программы социально-экономического развития региона, входящего в состав Енисейской Сибири»](#), посвящённую анализу обоснования разработки и реализации индивидуальных программ социально-экономического развития (ИПСЭР), который проводился авторами с позиции качества ИПСЭР и её реального влияния на экономику региона с низким уровнем социально-экономического развития. ИПСЭР рассмотрена как один из возможных путей улучшения социально-экономического положения региона с низким уровнем развития. При этом трендовой основой разработки рассмотренного стратегического документа выступает его «неповторимость/индивидуальность», то есть действенность программных мероприятий подстроена под потенциальное хозяйственное развитие региона с низким уровнем развития.

Выпуск завершает рубрика [«Научные форумы»](#), содержащая обзор заседания Научного совета ОН РАН [«Новые идеи в социологической теории и социальной практике»](#), представленный [Э. К. Бийжановой](#) (Москва).

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1

EDN: SLVADH

Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в.

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Восточный вектор массовых миграций в России в отечественных исследованиях XIX – первой половины XX в. // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

For citation: Belyaeva L. A. Eastern vector of mass migrations in Russia in domestic studies of the 19th – first half of the 20th centuries. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

Беляева Людмила Александровна¹

Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 614677

Аннотация. В современной России четко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны. Лица всех возрастов мотивированы на перемещение в регионы, где развитая образовательная и культурная среда, есть перспективы для полноценной социальной жизни семьи, особенно для детей. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселённости мегаполисов европейской части страны. Но, как показывает государственная статистика, процесс оттока населения из восточных регионов пока только затормозился, но не прекратился. Нужны более активные действия для закрепления и привлечения людей на восток страны. В истории России в связи с непрерывным расширением её границ и необходимостью освоения новых территорий происходили стихийные и организованные перемещения больших масс людей, в основном в восточных направлениях. Особенно активизировались эти процессы в XIX в. Сначала как самостоятельное переселение малоземельных крестьян, в середине века как организованное с поддержкой государства. В начале XX в. организованные миграции ускорились в связи с проведением Столыпинской реформы. Только за 4 года (1907–1911) на Восток России переселились 2,6 млн человек. В статье представлены работы российских исследователей XIX – начала XX в., посвященные массовым миграциям населения из Центра России на Восток. Выделены два типа работ. Первые из них знакомят публику с природными, этнографическими, санитарными условиями на новых территориях, изла-

гают историю завоевания и заселения этих мест. В других работах исследуются уже сами миграционные практики с изучением информации о переселенцах, их состава, социально-демографических и других характеристик. Стали применяться опросные методики, фиксирующие причины переселения, оценки новых мест, психологические мотивы переселения. Революционные изменения в России в 1917 г. ускорили миграцию населения. В первые пятнадцать лет после революции эти процессы исследовались довольно активно (О. В. Квиткин, С. Г. Струмилин). С середины 30-х годов изучение миграции свертывается, хотя в этот период происходили интенсивные добровольное и принудительное перемещения жителей страны, самодетельные и организованные миграции. Основной поток мигрантов направлялся из деревни в город, из Центра на Восток, что было связано с ускоренной урбанизацией и индустриализацией страны.

Ключевые слова: отечественные исследования миграций, причины массовых переселений, возвратная миграция

В современной России проблемы депопуляции населения большинства регионов в значительной мере рождаются миграционными процессами, а не только за счёт естественной убыли населения, которая характерна для большинства территорий. Сейчас чётко обозначился тренд последних десятилетий – движение населения с востока и севера в европейскую центральную и южную части страны, прежде всего в регионы с развитой социальной сферой, наличием хорошо оплачиваемых рабочих мест, благоприятными климатическими условиями. Особенно остро эти проблемы стоят в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах, где в 2019 г. отрицательный коэффициент миграционного прироста (убыли) на 10 тыс. человек составил соответственно –7 и –13. Лишь в некоторых регионах этих округов зафиксирован положительный коэффициент: в Республике Алтай и Томской области, в Чукотском крае, Бурятии и Приморском крае, т. е. из 21 региона этих округов положительный прирост наблюдался только в пяти [13, с. 91–92]. При этом характерно, что для долговременной невозвратной миграции наиболее важную роль играет социальное развитие региона, наличие развитой образовательной и культурной среды, перспектив для полноценной социальной жизни семьи, особенно для детей. Миграция в отстающие регионы недостаточно устойчива, несмотря на высокие заработки мигрантов.

Накопление негативных последствий выезда с мест постоянного жительства связано с разрушением демографического и трудового потенциалов в удалённых от центра регионах. Между тем этот потенциал создавался десятилетиями и даже столетиями, в советские годы он соответствовал отраслевой структуре экономики, население имело соответствующие компетенции, было адаптировано к суровым природным условиям. Покидание обжитых территорий бывшими советскими гражданами и их потомками негативно сказывается на экономическом и социальном развитии территорий, способствует их обезлюдиванию и угасанию на них активной деятельности. Привлечение внешних мигрантов, в том числе

из Китая, не решает эту проблему, поскольку они не становятся в своем большинстве постоянными жителями, для них эта территория остается чужой, и они отстранённо воспринимают перспективы развития этих регионов.

По мнению специалистов, решение проблемы переселения в восточные и северные регионы требует специально разработанных программ привлечения внутренних мигрантов. Сейчас массовые административные организованные внутренние миграции российского населения ушли в прошлое, сделан упор на стимулировании добровольного, индивидуального переселения в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики. Массовые организованные миграции предусматриваются только для внешних мигрантов. Для жителей России обеспечена свобода перемещений в соответствии с Конституцией и Законом «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»¹, чему содействовала отмена прописки и введение уведомительной практики регистрации.

Концепция миграционной политики предусматривает создание фондов стимулирования переселения граждан, развитие социальной и транспортной инфраструктуры, снижение транспортной оторванности удалённых регионов от Центральной России. Итогом реализации Концепции должно было стать приостановление миграционного оттока населения из районов Сибири и Дальнего Востока к 2021 г., а к 2026 г. должен быть обеспечен миграционный приток населения в эти районы страны. Разворот миграционных потоков в восточном направлении мог бы постепенно решить проблему перенаселённости мегаполисов европейской части страны, а также обезлюдения удалённых территорий. Но, как показывает государственная статистика, скорее всего заниженная, этот процесс пока только затормозился, но не прекратился. Всю последнюю четверть XXI в. продолжается отток населения из восточных регионов страны. Очевидно, что для прекращения «оттока» и для дальнейшего «миграционного разворота» необходимо выстраивание социокультурной инфраструктуры территорий, приближение стандартов социальных, медицинских, образовательных услуг к столичным образцам, расширение рынка труда за счёт новых, интеллектуальных профессий, которые будут привлекательны для молодёжи и людей средних возрастов, задерживая их от миграции. Сейчас в тех характеристиках своих регионов, которые респонденты дают в массовых опросах, часто подчеркивается, что здесь красивая природа и отзывчивые люди, но при этом отсутствуют перспективы для личного развития. Не только отдалённость от Центра страны, но и отсутствие местных центров развития и культуры создаёт ощущение периферийности, бесперспективности жизни на этих территориях. Отдельные центры притяжения, такие как Томск, Новосибирск, Красноярск не могут восполнить этот дефицит и изменить настрой молодёжи к переезду в другие регионы.

¹ URL: <http://base.garant.ru/10102748/> (дата обращения: 05.05.2021).

При рассмотрении вопросов миграции в этой части России нужно учесть своеобразие формирования основной части населения восточного региона в течение двух столетий. Эта часть государства длительное время была местом «каторги и ссылки» как в досоветское, так и в советское время, а также местом массовых перемещений, организованных государством. Столыпинская реформа и эвакуация на Восток в годы Великой Отечественной войны, организованные наборы на всероссийские стройки, обеспечивавшие индустриализацию страны, создавали восточный вектор массовых миграций. Все советские годы численность населения этих регионов не сокращалась, а постоянно прибывала. Важной частью вновь прибывающего населения был контингент спецпоселенцев. Советская миграционная политика была преемницей дореволюционной системы, часто осуществляла регулирование миграционных потоков репрессивными методами [14, с. 221–229]. В дореволюционный период добровольные массовые миграции на Восток наблюдались при проведении реформ П. А. Столыпина, когда основным стимулом для переселения было получение земли и помощи при устройстве на новом месте [3]. В современный период такие массовые перемещения невозможны, происходит в основном точечное добровольное переселение, очень незначительное по объему. В связи с этим стоит прислушаться к мнению специалистов, которые говорят о сокращении доли восточных районов России во всем населении азиатского контингента [5], что может иметь негативные глобальные последствия для России.

В связи со сказанным, думаю, будет полезно ознакомиться с опытом, который существовал в истории российских миграций в XIX – начале XX в., получившим отражение в трудах отечественных исследователей этого периода. Возможно, он будет интересен не только с познавательной точки зрения, но и иметь практическое значение.

Массовые миграции населения в отечественных исследованиях XIX века

Важной отличительной особенностью существования России было непрерывное расширение в течение столетий границ государства, освоение новых территорий и перемещение – стихийное и организованное – больших масс людей по пространствам страны. По выражению В. О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной её территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [10, с. 20]. Потоки миграции населения меняли свое направление в разные периоды развития России и сейчас в связи изменившейся геополитической ситуацией приняли новый характер.

Решавшиеся властями России задачи расширения территории страны невозможно было осуществить без переселения на новые территории миллионов людей из центральной части страны и хозяйственного

освоения новых владений. Особенно активизировались эти процессы с начала XIX в. При этом власти стремились решать и проблемы аграрного перенаселения Центра, особенно черноземных районов, где крайняя бедность населения вызывалась малоземельем. Но чтобы организовать переселение, необходимо было знать местные условия, включая климат, хозяйство и занятия местного населения, возможности для развития тех или иных производств и труда переселенцев. Эти сведения имели жизненно важное значение для удачного выбора места въезда переселенцев, так как жители степной России более приспособлены жить в подобной же местности на новом месте, занятые рыболовством предпочитали селиться около рек и т. д. Эти факторы старались учесть при определении мест расселения, когда в начале XIX в. началось самостоятельное переселение, а в середине этого века организованное, с поддержкой государства, переселение малоземельных государственных крестьян из Центра России. Потоки переселенцев усилились в 1880-е гг., в результате в 1883–1905 гг. в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток переселились более 1 млн 640 тыс. человек.

Организаторы и руководители переселений были, как правило, и исследователями новых территорий, дававшими самые разнообразные сведения и рекомендации для лучшей организации переселенческих движений. Очень часто ими оказывались официальные лица – губернаторы, чиновники, статистики. Упомянем два таких исследования из длинного ряда вышедших в то время публикаций. Характерный пример такого наиболее раннего исследования – книга губернатора Томской губернии В. Хвостова, вышедшая в 1809 г. [16]. В книге дается описание губернии, характеристика населяющих губернию народов, их верования. Подробно рассказывается о природных условиях, промыслах и занятиях населения всех уездов губернии, излагается история заселения отдельных земель, рассказывается, как идёт экономическое освоение края. При этом автор конкретно описывает, как происходит расселение и обеспечение переселенцев на новых местах в Томской губернии.

Упомянем и другое исследование подобного рода, вышедшее в свет в 1885 г. Его автор – Франц Шперк, врач по образованию, работал на Дальнем Востоке страны и профессионально увлекался географией, этнографией, историей, антропологией и климатологией [17]. В книге излагается история завоевания и заселения Амурского края, приводятся его топография, краткий геологический очерк, гидрография, климат, флора и фауна и этнографические сведения о населении. Подробно описываются жилища, пища, одежда аборигенов и пришлого населения, описываются крестьянские и маньчжурские селения и казачьи станицы. Делаются предупреждения о распространённых в крае болезнях. К такому же типу трудов можно отнести книги «Азиатская Россия», «Атлас Азиатской России», вышедшие в 1914 г., которые были подготовлены по заказу Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. Эти исследования имели приклад-

ную направленность – они знакомили публику с новыми российскими территориями и проживающими там народами, позволяли оценить возможности и перспективы переселения в эти местности.

Особо следует остановиться на труде Д. А. Давидова «Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии» [8], поскольку здесь уже ставятся и решаются некоторые методологические вопросы изучения миграции населения. В ней даётся определение понятий – переселение и колонизация. Так, говорится, что переселение – это свободное передвижение оседлого населения из одного в другое место постоянного жительства, без какого-либо активного и планомерного участия государственной власти по отношению к дальнейшей судьбе эмигрирующего элемента. Колонизация – это «свободное передвижение оседлого населения в определённую область в целях государственных, и потому при участии активной и планомерной деятельности государственной власти по отношению и к дальнейшей судьбе населения. Переселение есть акт частной жизни, а колонизация – государственной» [8, с. 24].

Но книга Давидова интересна не только этими определениями, по поводу которых будет в течение многих десятилетий дискутировать научная общественность, но и тем, что она посвящена колонизаторской политике Китая в Маньчжурии и Монголии. Осуществление этой политики соседнего государства не было безразлично для России в те далекие времена, да и сейчас весьма поучительно. Давидов подробно рассматривает практику колонизации Китаем Маньчжурии и северо-восточной Монголии, которая предпринималась для укрепления влияния на окраины, издавна политически связанные с китайской империей. Автор изучил деятельность Главного колонизационного бюро Китая, осуществлявшего разные проекты заселения, характеризует размеры переселения, пути движения переселенцев, места выхода основного потока переселенцев. Он подробно описывает принципы колонизационной политики китайского правительства и меры поощрения к переселению, основные районы колонизации и плотность населения в них. Им анализируются различные системы и техники заселения: самовольный захват земель, заселение ссыльными, заселение вольными колонистами, колонии, образуемые акционерными компаниями или торговыми ассоциациями, заселение пограничными караулами и проч. Давидов специально показывает основные занятия населения в колонизационных районах и состояние торговли с Россией. По проанализированным Давидовым данным видно, что колонизационная политика Китая более рациональна, чем политика России на Дальнем Востоке, а торговый баланс между этими районами неизменно складывается для России неблагоприятно.

Несмотря на описательный характер подобного рода исследований, в них проблемы колонизации и переселения тесно увязывались с социально-экономическим развитием края и всей России и помимо познавательного имели и научное значение для решения проблем переселения. Часто в них содержались данные о причинах успешности либо

провале переселенческих мероприятий, определялись сроки, когда переселения можно назвать состоявшимся ввиду укоренения вновь прибывших на новых территориях и т. д.

В связи со спецификой состава переселенцев в Сибирь, среди которых высока доля сосланных в этот край, представляет интерес исследование, которое провёл на весьма специфическом объекте – сосланных в Сибирь преступниках, Е. Н. Анучин. Он был выдающейся личностью и крупным учёным, окончил медицинский факультет Московского университета, работал в статистических органах Тобольской и Самарской губерний, впервые в отечественной науке применил термин «демография» в работе «Значение статистики как науки и Международный статистический конгресс» (1872 г.).

Книга Д. Н. Анучина «Исследование о проценте сосланных в Сибирь» впервые была издана в Тобольске в 1866 г. За эту работу Анучин получил высшую награду Русского географического общества – медаль, а работа была переиздана в 1873 г. в Санкт-Петербурге [2]. Е. Н. Анучин проделал огромную работу, сведя вместе и проанализировав данные о сосланных в Сибирь с 1823 по 1846 г. включительно. Именно с 1823 г. все лица, назначаемые на каторгу, на поселение и на водворение в Сибирь, проходили через Тобольский Приказ, где они записывались в особые книги с указанием пола, возраста, звания, религии, рода преступления, степени наказания и местности, из которой они прибыли. Анучин проанализировал состав сосланных по видам преступлений и показал, что главную массу составляют разного рода бродяги, беглые крестьяне, военные дезертиры и т. п. Одна треть сосланных совершили преступления против собственности, а в их числе $4/5$ – мелкие мошенники и обыкновенные воры. Лишь $1/11$ часть сосланных объединяет тех, кто совершили преступления против жизни и здоровья. Анучин рассмотрел в динамике состав сосланных по всем вышеуказанным признакам и, отдавая должное методам А. Кетле, проанализировал зависимость тех или иных видов преступлений от возраста, пола, звания, религии, давая обоснованные выводы относительно выявленных зависимостей. В частности, он определил, что преступления, совершаемые лицами дворянского звания в процентном отношении к числу дворян, значительно превышают такие же пропорции в других сословиях. Так, по вероятности сделаться государственным преступником дворянство превосходит солдат в 19 раз, мещан в 30,5 раза, крестьян в 122 раза. После воровства, которое стоит на первом месте во всех сословиях, второе место у дворян занимает подделка документов и государственные преступления.

В эти годы замечательное исследование проблем переселения крестьян в Сибирь осуществил И. А. Гурвич [7]. Разработанная им методика включала применение разнообразных инструментов – разного типа опросов (лично Гурвичем было опрошено 1200 семей, или 7400 душ), анализ статистических данных, документов, метод изучения биографий. Эти методы и сейчас входят в арсенал социологических исследований. Были раскрыты экономические причины переселения крестьян в Сибирь,

показано, как происходило устройство крестьян на новом месте (этой проблеме посвящено несколько глав труда). Картину дополняет живописный рассказ одного пермского крестьянина (история одной семьи), записанный И. А. Гурвичем. Сформулированные выводы имели широкое социальное значение, поскольку они касались положения крестьянства в Центре России после реформы 1861 г., которая не решила многих проблем наделения крестьян землей, и это вызвало усиление перемещения крестьян на Восток. Гурвич пишет: бывали в нашей истории такие особенные периоды политического и общественного нестроения, когда это обычное движение принимало как бы эпидемический характер, и «подлого звания людишки», по летописному выражению, «брели розно» [7, с. I–II]. Гурвич анализирует состав переселенцев по зажиточности, показывая, что в нём преобладают крестьяне со средним достатком. Им были выявлены экономические причины переселения крестьян в зависимости от места их прежнего жительства. Он доказывает, что причины для выходцев из центральных районов – малоземелье, а вот жителями зауральской части Пермской и Оренбургской губерний движет дух предпринимательства. Об этих переселенцах Гурвич пишет, что «места они стремятся выбирать такие, где ранее их никто еще не занимался земледелием, где, стало быть, для земледельца открыт еще полный, ничем не ограниченный простор» [7, с. 59]. Характерно, что Гурвич не ограничивается изучением социально-экономических причин переселений, но и изучает психологические мотивы переселения, включая специальный пункт в Программу обследования.

В приложении к своему труду Гурвич публикует Программу для исследования крестьянских переселений в Сибирь из 97 вопросов, объединенных в 5 разделов: 1. Быт переселенцев до выселения; 2. Выход из поселения; 3. Путешествие; 4. Положение переселенцев в местах водворения; 5. Старые колонии. Программа вызвала живой интерес у исследователей внутренней миграции в России.

Исследования начала XX века

В начале XX в. интенсивность переселений в России нарастала. Стали появляться работы, обобщающие опыт переселенческого движения за многие годы. Такое исследование опубликовал в 1912 г. И. Л. Ямзин [18]. Он проанализировал миграционные процессы за большой период – с момента освобождения крестьян до 1912 г. Ямзин использовал многочисленные материалы статистического характера, данные Переселенческого комитета, земские исследования, материалы регистрации переселенцев в Челябинске, материалы двух экспедиций, проведенных для исследования кочевого хозяйства в Средней Азии (статистиков Щербины и Кузнецова). В книге даётся периодизация переселенческого движения: первый период – до начала работы Комитета Сибирской железной дороги, занимавшегося переселением, т. е. до

1893 г. Второй период – это время после его учреждения. Комитет просуществовал до 1904 г. и усиленно занимался переселением крестьян для осваивания прилегающих к дороге местностей. Кроме того, он защищал самостоятельных переселенцев, в частности, выступил против предложения министра внутренних дел И. Н. Дурново о насильственном их возвращении. При содействии Комитета переселенцы наделялись по определенным нормам землей, обеспечивались кредитами, материальной помощью на переезд и обзаведение хозяйством. За время существования Комитета в Сибирь переселилось около полутора млн человек. В книге анализируются также переселения на Алтай, на Кавказ и Приамурье. Как пишет Ямзин, в отличие от Сибири колонизация Дальнего Востока и Кавказа была менее успешной.

Ямзин обстоятельно изучает причины переселения, отмечая среди главнейших малоземелье и большие крестьянские семьи. Останавливается он и на последствиях переселения в местах выхода крестьян. Переселенцу после указа 9 ноября 1906 г., разрешившего отчуждение надельной земли, стало выгодно продать свою землю, и большинство переселенцев предпочли это сделать. В местах выхода крестьян во многих случаях наблюдается сокращение лиц работоспособного населения, особенно мужского пола.

Обсуждая уровень благосостояния переселенцев на новых местах, Ямзин на фактических данных показывает, что он напрямую зависит от срока жизни на новом месте. Исследователь посчитал, что в среднем десять лет достаточно, чтобы переселенческое хозяйство вдвое превысило уровень жизни на месте исхода.

Несмотря на содействие в обустройстве на новом месте часть переселенцев предпочитала возвращаться. В разные годы от 2,2 (1894 г.) до 46,2% (1911 г.) от общего числа переселенцев возвращались в места исхода. Опрос возвращенцев из Сибири показал, что на первом месте среди причин возврата считаются неподходящие естественные условия – 27,2%. Вторая причина – недостаток рабочих сил или средств в пути и на устройство хозяйства – 23,3%. Третья причина – отсутствие разрешения на переселение – 21,4%. Остальная доля падает на прочие причины. Тем не менее только за 1907–1911 гг. на восток России переселились 2,6 млн человек.

Серьезную проблему успеха переселенческого движения – земельную политику в колониях – обсуждает в своей книге Г. Гинс «Переселение и колонизация» [6]. Называя земельную политику «фундаментом колонизации», Гинс останавливается на следующих проблемах: как, на каких условиях обеспечить землёю местное, в частности, туземное население; на каких основаниях передавать землю колонистам; какое право на землю передавать колонистам, а какие права сохранять за государством; какие формы земельного оборота пригодны для колоний. Анализируя опыт других стран мира, в частности США и Австралии, Гинс рассматривает разные способы решения земельного вопроса: недостатки и преимущества даровой раздачи земли и продажи за низкую цену

(США), за высокую цену (Австралия), долгосрочной аренды (Голландия) и другие способы. Гинс пишет, что этот опыт нужно изучать и использовать в России при колонизации Дальнего Востока и Средней Азии.

Ставит Гинс и такой вопрос: какими способами привлечь в Сибирь на вновь осваиваемые земли капитал, как ускорить появление крупных капиталистических хозяйств. По его мнению, один из главных способов – введение собственности на землю. Он пишет: «Возможность покупать земли – это первое могучее средство привлечь денежные элементы. Начнется, конечно, спекуляция землей, против которой, быть может, следовало бы принять некоторые меры, но главным последствием введения собственности на землю будет постепенное образование более крупных хозяйств с интенсивной обработкой земли. Вслед за тем явится скопление денежных средств в руках более предприимчивых и удачных хозяев. Одновременно пойдет неизбежный и необходимый процесс обезземеления части населения и образования класса сельскохозяйственных рабочих... Осторожность требует введения её (собственности на землю, – Л. Б.) постепенно, с некоторыми ограничениями, так как слишком резкий переход от одной правовой системы к другой, хотя бы и более прогрессивной, является действием, ломающим психологию и привычки быта» [6, с. 23]. Звучит актуально и сейчас.

Революционные изменения в России в 1917 г. ускорили миграцию населения по территории страны. В первые пятнадцать лет после революции эти процессы исследовались довольно активно. При этом прослеживается преемственность исследовательских подходов, существовавших до революции. В 1922 г. был создан Государственный научно-исследовательский колонизационный институт, преобразованный в 1926 г. в Государственный научно-исследовательский институт землеустройства и переселения. Институт провёл ряд исследований в Сибири, на Урале, других районах. Но просуществовал он недолго – всего 8 лет, и был расформирован в 1930 г.

Большую информацию о миграционных процессах дала перепись населения 1926 г., включавшая вопросы о пространственных перемещениях населения. По её данным, в территориальных перемещениях принял участие каждый четвертый житель России. По сравнению с 1897 г. (годом первой переписи) интенсивность этого процесса значительно усилилась.

Исследования 1920-х годов обнаруживали новые тенденции в миграционных процессах – большой приток населения в города, в том числе и рост числа городов на востоке страны. На это первым обратил внимание О. В. Квиткин [9, с. 15]. В эти же годы проблемы миграции исследует С. Г. Струмилин, связывая её с перераспределением трудовых ресурсов между городом и селом, между отраслями народного хозяйства. Струмилин анализирует экономические причины и последствия миграции – её связь с уровнем цен, оплатой труда, ёмкостью потребительского рынка.

С середины 1930-х годов изучение проблем миграции свёртывается, хотя в этот период происходили интенсивные добровольное и принудительное перемещение жителей страны, самодеятельные и организованные миграции. Основной поток миграции направлялся из деревни в город, из Центра на Восток, что связано с ускоренной урбанизацией и индустриализацией народного хозяйства.

Только спустя несколько десятилетий этот период миграций был проанализирован, в частности, В. М. Моисеенко [11]. Он провёл анализ миграционного прироста в городах СССР в 1928–1935 гг. и показал, что максимальный прирост падает на 1931 г., когда он составил 4 100 тыс. человек, а минимальный произошел в 1933 г. – 772 тыс. человек. Сильное влияние на сокращение притока в города – за два года почти в 6 раз – оказали меры по государственному регулированию движения населения. Так, в 1932 г. была введена единая паспортная система и обязательная прописка по месту жительства. Они были обязательны только для жителей городов, рабочих посёлков и новостроек. Этими мерами передвижение сельского населения ставилось под контроль государства. Практически в это же время – с 1931 г. вводится организованный набор рабочей силы для промышленности и строительства, в том числе на восточные территории страны. За девять предвоенных лет путем оргнабора было перераспределено около 29 млн человек, основную часть которых составляли сельские жители [15, с. 182].

Трудно обойти вниманием вопрос о тех, кто был переселён в восточные регионы страны насильственно, подвергшись репрессиям со стороны властей в первые десятилетия советской власти. Общая численность таких людей не известна, оценки разнятся, поскольку отсутствуют достоверные данные. Но некоторый свет на масштаб этих переселений и вызванных ими смертей проливает Всесоюзная перепись населения 1937 г.

Она задумывалась как демонстрация результатов социалистического строительства и успехов страны в увеличении численности населения и роста его образовательного и культурного уровня. Перепись была проведена 6 января 1937 г., её предварительные итоги, спустя только 10 дней после проведения, были представлены руководству страны, в том числе Сталину, объявлены «вредительскими», а ответственные за её проведение работники и многие рядовые исполнители были арестованы и репрессированы. Организация переписи проводилась под прессингом руководящих органов и лично Сталина, заранее провозгласившего успехи Советской страны в повышении рождаемости, увеличении общей численности населения, росте численности рабочего класса и городского населения, в повышении грамотности и образовательного уровня жителей, всеобщего атеизма. Сталин редактировал анкету, по которой проводилась перепись, вносил такие коррективы, которые затушёвывали острые проблемы социально-экономического развития общества и в значительной степени упрощали и примитивизировали переписной лист. В частности, анкета в конечной редакции была утверждена в таком виде, что завышались данные об уровне образования в угоду мнениям руководителей

государства, желавшим показать достижения советского периода в повышении культурного уровня населения; упрощались сведения о миграционных процессах, чтобы скрыть депортацию неугодных лиц. Были и другие упрощения и «исправления» анкеты, которые снижали информационную ценность переписи для характеристики социальной структуры общества, миграционных и демографических процессов. История подготовки переписи рассматривается в некоторых публикациях [4].

По окончании переписи её материалы обнародованы не были, но теперь мы знаем, что она учла 162 млн человек, включая контингенты Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и НКВД. Последние переписывались с учётом заключённых, которые были учтены, как тогда говорилось, в особом порядке. При предыдущей переписи 1926 г. в общем порядке было переписано 146 млн 413,6 тыс. человек и в особом порядке всего – 614,6 тыс. человек. За десять лет – к 1937 г. доля переписанных в особом порядке возросла больше чем в 7 раз (с 0,4% населения в 1926 г. до 3,1% в 1937 г.). Общее число учтенных заключенных, спецпоселенцев и прочих составило 2 млн 390 тыс. человек [1, с. 27–28]. Материалы переписи не были подвергнуты статистической обработке, не публиковались и были засекречены на несколько десятилетий¹. Сейчас, сопоставив данные о заключённых и переселенцах советского периода и результаты добровольного переселения в результате реформ Столыпина, можно сказать, что количественно они сопоставимы, но с точки зрения гуманности и экономической целесообразности это полярные стратегии привлечения населения на восточные территории страны.

Вместо заключения

С 1960-х годов начала восстанавливаться прерванная традиция изучения проблем миграций населения восточных регионов страны. Большую роль в этом сыграло образование Сибирского отделения АН СССР, в котором сложилось несколько научных школ, в том числе по этой проблеме. Основным направлением работы школы было развитие теории миграции и её социологическое изучение. Исследования проводились преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке. Лидер школы Виктор Иванович Переведенцев опубликовал в 1965 г. монографию «Современная миграция населения Западной Сибири» [12], в которой рассматривается история заселения Западной Сибири выходцами из различных районов России. Было показано, что в течение 1926–1963 гг. происходило неравно-

¹ Лишь в последние десятилетия молчание вокруг переписи 1937 г. было нарушено, а на исходе 1980-х годов стало известно о том, что материалы переписи хранятся в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В начале 1990-х годов материалы переписи были опубликованы сотрудниками Института российской истории РАН отдельным изданием, очень ограниченным тиражом и стали библиографической редкостью. Из всего массива данных переписи обнаружено лишь несколько десятков таблиц, большая часть данных переписи была утрачена, в том числе по различным регионам страны // Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. М.: Наука, 1996.

мерное распределение населения по отдельным областям. Рост населения Кемеровской области (более чем в 2 раза) сопровождался сокращением населения в Алтайском крае. Уже в 1960-е годы в Западной Сибири сложился недостаток трудовых ресурсов из-за того, что организованный поток мигрантов в область был ниже, чем неорганизованный отток из этого района. Недостаток рабочей силы остро ощущался в сельском хозяйстве, из-за чего потенциальные возможности земли в Западной Сибири сильно недоиспользовались. В этом исследовании были глубоко раскрыты причины миграции и территориального перераспределения населения. Основную причину составлял комплекс жизненных условий – оплата труда, жилищные условия, медицинское и культурное обслуживание и т. д.

* * *

Краткий очерк восточного дрейфа миграционных потоков в России в XIX – первой половине XX в., отражённый в публикациях этнографов, социологов, статистиков, которые стали предметом рассмотрения в статье, показывает, что эта проблема была отмечена глубоким интересом дореволюционных ученых и практиков, привлекала к себе внимание и в первые годы советской власти. Решение современных проблем сохранения и прироста человеческого капитала восточных территорий также требует комплексного междисциплинарного анализа.

Библиографический список

1. Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993. 143 с.
2. Анучин Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. СПб.: тип. Майкова, 1873. 508 с.
3. Беляева Л. А. Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития // Вестник Института социологии. 2021. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736.
4. Волков А. Г. Перепись населения 1937 года: вымыслы и правда // Перепись населения СССР 1937 года. История и материалы / Экспресс-информация. Серия История статистики. 1990. Вып. 3-5 (часть II). С. 6–63.
5. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
6. Гинс Г. «Переселение и колонизация». Вып. I, II. СПб.: Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершунина, 1913. 142 с.
7. Гурвич И. А. Переселение крестьян в Сибирь. М.: Типография Левенсона, 1888. 103 с.

8. Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток: Вост. ин-т, 1911. 187 с.
9. Квиткин О. В. Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927. № 1. Январь. С. 13–19.
10. Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть I. Лекция II. М.: ГСЭИ, 1937. 395 с.
11. Моисеенко В. М. Территориальное движение населения. Характеристика и проблемы управления. М.: Мысль, 1985. 120 с.
12. Переведенцев В. И. Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: ЗСКИ, 1965. 94 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2020. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.
14. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука. 1987. 200 с.
15. Сонин М. Я. Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Госпланиздат, 1959. 345 с.
16. Хвостов В. О Томской губернии и о населении большой сибирской дороги, до иркутской границы. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1809. 197 с.
17. Шперк Ф. Россия Дальнего Востока. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885. 503 с.
18. Ямзин И. Л. Переселенческое движение в России. Киев: Тип. Ун-та св. Владимира, 1912. 198 с.

Получено редакцией: 12.12.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, и.о. руководителя Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1

EDN: SLVADH

Eastern Vector of Mass Migrations in Russia in Domestic Studies of the 19th – First Half of the 20th Centuries

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Eastern vector of mass migrations in Russia in domestic studies of the 19th – first half of the 20th centuries. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 13–28. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.1; EDN: SLVADH

Abstract. Modern Russia clearly demonstrates the trend of recent decades – the movement of the population from

the East and North to the European Central and Southern part of the country. The main reasons for relocation to these regions are the developed social and socio-cultural infrastructure, employment and professional opportunities that would allow families to lead a full life. An eastward turn of migration flows could gradually solve the problem of overpopulation in the megacities of the European part of the country. But, as statistics show, the process of outflow of the population from the eastern regions has only slowed down so far, but has not stopped. In the history of Russia there were various spontaneous and organised movements of large masses of people, mainly in eastern directions, in connection with the continuous expansion of its borders and the need to develop new territories. These processes became especially active in the 19th century. First, as an independent resettlement of peasants with small allotments, later in the middle of the century with the state support. At the beginning of the 20th century organised migration accelerated in connection with the implementation of the Stolypin reforms. In just four years (1907–1911), 2.6 mln people moved to the East of Russia. The article presents the works of Russian researchers of the 19th – early 20th centuries, dedicated to mass migrations of the population from the Center of Russia to the East. The works can be organised in two groups. One group introduces the public to the natural, ethnographic, and sanitary conditions in the new territories, and tells the history of the conquest and settlement in these places. In other works, migration practices themselves are studied, with the study of information about migrants, their composition, socio-demographic and other characteristics. Questioning methods were used, tracing the reasons for resettlement, assessments of new places, psychological motives for resettlement. The revolutionary changes in Russia in 1917 accelerated the migration of the population. In the first fifteen years after the revolution, these processes were studied quite actively (O. V. Kvitkin, S. G. Strumilin). Since the mid-1930s, the study of migration has been curtailed, although this was a period of intensive voluntary and forced displacement of the country's inhabitants, amateur and organised migrations. The main flow of migrants was directed from the village to the city, from the Center to the East, that was associated with the accelerated urbanisation and industrialisation of the country.

Keywords: domestic studies of migration, causes of mass migrations, return migration

References

1. Andreev E. M., Darsky L. E., Kharkova T. L. *Naseleniye Sovetskogo Soyuzha: 1922–1991* [The population of the Soviet Union: 1922–1991]. Moscow, Nauka, 1993: 143 (in Russ.).
2. Anuchin E. N. *Issledovaniya o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov* [Studies on the percentage of exiled to Siberia in the period 1827–1846]. St. Petersburg, tip. Maykova, 1873: 508 (in Russ.).
3. Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 3: 27–53 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736.
4. Volkov A. G. *Perepis', naseleniya SSSR 1937 goda: vymysly i pravda* [Census, the population of the USSR of 1937: Fictions and truth]. In *Perepis' naseleniya 1937 goda: Istoriya i materialy*. Ekspres-informatsiya. Ser. "Istoriya statistiki" [Census of the population of 1937: history and materials. Express information. Ser. "History of statistics"]. Moscow, 1990: 6–63 (in Russ.).
5. Vorobyova O. D., Rybakovsky L. L., Rybakovsky O. L. *Migration policy of Russia: history and modernity*. Moscow, Econ-inform, 2016: 192 (in Russ.).
6. Gins G. «Pereseleniye i kolonizatsiya» ["Migration and colonization"]. Iss. I, II. St. Petersburg, tip. F. Vaysberga i P. Gershunina, 1913: 142 (in Russ.).
7. Gurvich I. A. *Pereseleniye krest'yan v Sibir'* [The relocation of peasants to Siberia]. Moscow, tip. Levensona, 1888: 103 (in Russ.).
8. Davidov D. A. *Kolonizatsiya Man'chzhurii i Severo-Vostochnoy Mongolii* [Colonization of Manchuria and North-East Mongolia]. Vladivostok, Vost. In-t, 1911: 187 (in Russ.).
9. Kvitkin O. V. *Pervyye itogi perepisi 1926 g.* [The first results of the 1926]. *Statisticheskoye obozreniye*, 1927: 1: January: 13–19 (in Russ.).
10. Klyuchevsky V. O. *Kurs russkoy istorii. Chast' I. Lektsiya II* [The course of Russian history. Part I. Lecture II]. Moscow, IGSEI, 1937: 395 (in Russ.).
11. Moiseenko V. M. *Territorial'noye dvizheniye naseleniya. Kharakteristika i problemy upravleniya* [Territorial movement of the population. Characteristic and management problems]. Moscow, Mysl', 1985: 120 (in Russ.).
12. Peresvedentsev V. I. *Sovremennaya migratsiya naseleniya Zapadnoy Sibiri* [Modern migration of the population of Western Siberia]. Novosibirsk, ZSKI, 1965: 94 (in Russ.).
13. *The regions of Russia. Socio-economic indicators-2020*. Moscow, Rosstat, 2020: 1242 (in Russ.).

14. Rybakovsky L. L. Migratsiya naseleniya: prognozy, faktory, politika [Migration of the population: forecasts, factors, politics]. Moscow, Nauka, 1987: 200 (in Russ.).
15. Sonin M. Ya. Vosproizvodstvo rabochey sily v SSSR i balans truda [The reproduction of labor in the USSR and the balance of labor]. Moscow, Gosplanizdat, 1959: 345 (in Russ.).
16. Khvostov V. Tomskoy gubernii i o naselenii bol'shoy sibirskoy dorogi, do irkutskoy granitsy [About the Tomsk province and about the population of the Big Siberian Road, to the Irkutsk border]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1809: 197 (in Russ.).
17. Shperk F. Rossiya Dal'nego Vostoka [Russia of the Far East]. St. Petersburg, Tip. Imp. akad. nauk, 1885: 503 (in Russ.).
18. Yamzin I. L. Pereselencheskoye dvizheniye v Rossii [The resettlement movement in Russia]. Kyiv, Tip. Un-ta sv. Vladimira, 1912: 198 (in Russ.).

The article was submitted on: December 12, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Belyaeva, Doctor of Sociological Sciences, Acting Head of the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy RAS

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.2

EDN: POPCJZ

«Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества

Ссылка для цитирования: Андреев А. Л. «Проблема Андропова»: к социологической характеристике советского общества // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 29–44. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.2; EDN: POPCJZ

For citation: Andreev A. L. “The Andropov problem”: to a sociological characterisation of the Soviet society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 29–44. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.2; EDN: POPCJZ

Андреев Андрей Леонидович^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

²Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

sympathy_06@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 72609

Аннотация. Тема статьи – проблема «понимания» советского общества, трактуемая, однако, не в русле так называемой «понимающей социологии», а с точки зрения «портретного» подхода к описанию конкретных социумов, позволяющего выявить их характерологические черты и особенности. На основе сформулированного Н. Бором принципа дополнительности рассматриваются методологические вопросы реализации такого подхода, преимущественно в плане интеграции дискурсов и языков описания социальной реальности. За отправную точку характерологической модели того или иного конкретного общества в статье предлагается взять доминантные для него мотивации и поддерживающие их социокультурные среды, в связи с чем вводится понятие мотивирующей среды социума. Социальная природа советского общества характеризуется на основе сопоставления материалов социологических исследований, статистических данных, оценок видных советских деятелей и суждений «простых советских людей», а также собственных наблюдений. Опираясь на анализ этих материалов, автор доказывает, что системообразующие мотивации советской повседневности – это буржуазные по своему характеру мотивации. В то же время на общем фоне буржуазной *modernity* советское общество выделялось особенными характерологическими чертами, преимущественно связанными с социокультурными трендами последних десятилетий существования Российской империи и особенностями российской модели просветительской модернизации. В первую очередь это отношение к образованию и образованности, которые воспринимались у нас не как инструментальные,

а как терминальные ценности. Прослеживая динамику интеллектуальных и духовных запросов российского общества на длинных исторических интервалах, автор рассматривает формирование такого отношения к образованию как культурную революцию. При этом в статье обосновывается принципиально новая трактовка культурной революции, согласно которой её начало предшествовало политическим революциям 1905 и 1917 гг. Отношение к образованию как к терминальной ценности в значительной мере определило логику внутренней эволюции советского общества, в ходе которой в СССР сложились специфические формы социальности, которые предлагается определять как *общество образования*.

Ключевые слова: советское общество, менталитет, ценности, культурная революция, образование, образованность, общество образования

Постановка проблемы

Столетие создания СССР послужило поводом для публикаций, заново возвращающихся к событиям не столь уж далекого советского прошлого. Их авторы снова и снова рассуждают о судьбе огромного государства, во многом определившего весь ход истории XX века. Но в основном – в рамках уже известных нам парадигм. Рассмотреть же советское общество с каких-то новых «точек» наблюдения пока в целом не получается. Соответственно, и в публикациях, навеянных недавно прошедшим «юбилеем» Советского Союза, не так уж много было сказано о нем такого, чего бы мы не слышали ни от советских обществоведов, ни от их оппонентов – западных советологов.

Между тем ещё Ю. В. Андропов откровенно признал, что мы, в сущности говоря, не знали того общества, в котором жили. Разумеется, он имел в виду не его «институциональную схему». Речь, очевидно, шла о другом – о том, «чем живёт» общество, о каком-то более глубоком горизонте его понимания. Можно было бы выразить суть проблемы и по-другому, сформулировав её как *характерологическую проблему*, т. е. проблему *индивидуального своеобразия* общества, отличающего его от других обществ, сопоставимых с ним по уровню социально-экономического и технологического развития.

Обращает на себя внимание то, что попытка определить место советского общества в социальной истории через его соотнесение с некой стандартной типологией общественных систем (в том числе и марксистской) с самого начала требовала оговорок. Это отчётливо проявилось уже при осмыслении социального и политического опыта его становления. Во второй половине 1930-х гг. в СССР в основном сложился унифицированный дискурс, закрепивший трактовку Октября 1917 года как социалистической революции – не рабоче-крестьянской, которая лишь открывает путь к социализму (как считал, в частности, Ленин), а прямо *социалистической*. Тем не менее и в романтический период советской истории даже многие большевики сознавали, что на социальную реаль-

ность, которую эта революция создала, можно смотреть и с совершенно другой стороны. В стране, казалось бы, в полном соответствии с идеями Маркса была установлена диктатура пролетариата (в конкретных российских условиях – в союзе с беднейшим крестьянством); политическая воля строить социализм, безусловно, также была. Но на той социальной почве, которую создавал этот курс, произрастали не только «фиалки социализма», но и разного рода «плевелы», воспроизводившиеся в неразрывной связи с теми новыми социальными формами, которые стремилась вышестовать взявшая в руки рычаги власти большевистская партия. Публицистику 1920-х – 1930-х гг. особенно беспокоил неуклонный рост бюрократизма с очевидной тенденцией к отрыву бюрократической прослойки от основной массы населения, а с другой стороны так называемое «мещанство», постоянно соблазнявшее массы якобы ложными ценностями и отвлекавшее их от беззаветной борьбы за лучшее будущее человечества. Ведь, в сущности говоря, выходило, что социализм в России получался каким-то... не вполне социалистическим. Влиятельный в кругу симпатизировавших большевизму интеллектуалов А. А. Богданов, ещё по горячим следам Октябрьских событий высказал мысль, что они открывают путь не к социализму, а к некоей новой форме буржуазного общества, где главную роль будет играть технократическая элита [3]. Ленин, разумеется, решительно выступал против подобных взглядов. Но он сталкивался с теми же проблемами и, пытаясь их решать, приходил к весьма парадоксальным формулам. Особенно интересно отметить те ленинские работы и выступления, в которых он сначала чисто теоретически рассуждает о *буржуазном государстве без буржуазии (!)* [7, с. 99], а затем, исходя уже из реального советского опыта, обосновывается совместимость социалистического вектора развития страны с определенными формами капитализма – в частности с госкапитализмом [9]. Многие, включая оппозиционно настроенных по отношению к советскому руководству коммунистов, рассматривали сформировавшуюся в СССР бюрократическую номенклатуру как новую касту эксплуататоров и угнетателей, а Л. Троцкий в этой связи искал путь для того, чтобы «спасти» первое в мире рабочее государство для социалистического будущего¹.

С течением временем поиски и сомнения вытеснялись монументальными идеологическими конструктами, по сути своей исключаящими какую-либо амбивалентность в социальных и политических характеристиках. Это создавало ситуацию, в которой политически мотивированная саморепрезентация занимала место знания. И как итог: «мы не знаем общества, в котором живём...». Думается, и сегодня, спустя 30 лет после того, как была перевернута последняя страница истории СССР, мы все ещё не разрешили «проблему Андропова». Но, не разобравшись в ней, нельзя до конца уяснить себе и логику становления постсоветских обществ, а стало быть, и ту наличную социальную реальность, в которой нам довелось жить и действовать сегодня.

¹ Заключительная фраза его книги «Преданная революция: что такое СССР и куда он идет?».

Эпистемологические аспекты проблемы

Выработка эмпирически обоснованной характерологической модели советского общества затруднена тем, что грань между сущностью и явлением скрывает от глаз густая завеса мифологий, создававшихся как идеологическими работниками правившей в Советском Союзе ВКП(б) – КПСС, так и их антисоветски настроенными оппонентами (разумеется, с совершенно противоположными намерениями и задачами). Мифы эти воспроизводятся и сегодня, отражаясь, как в осколках разбитого зеркала, в публицистике, различных популярных изданиях и, в особенности, в произведениях экранных искусств, где создающее «эффект присутствия» скрупулёзное следование деталям предметной обстановки («Эмки» и «Победы» на улицах, чёрные старомодные телефоны и столы с зелёным сукном, хорошо знакомые старшему поколению будки телефонов-автоматов и т. п.) сочетается с надуманными сюжетами и совершенно невозможными в советские времена мизансценами.

Есть, однако, и объективные сложности, вытекающие из природы научной рациональности. Они, в частности, связаны со специфическими эффектами так называемого принципа дополнительности, характеризующего обширный класс познавательных ситуаций, в рамках которых средства наблюдения и позиция наблюдателя неотделимы от предмета наблюдения. Очевидно, что общество принадлежит к числу таких объектов. Причём применительно к социальным системам принцип дополнительности может значительно усложняться по сравнению с первоначальной его формулировкой, предложенной Н. Бором в контексте исследований по квантовой физике. А именно: в социумах эпохи модерна, для которых чрезвычайно значимыми становятся «эффекты сложности», всегда формируется несколько не совпадающих и даже несовместимых друг с другом идеологических и аналитических перспектив. Такая «сложностная» реальность [10] в принципе не может быть представлена в рамках какой-либо одной из них, при том, что число необходимых для её анализа дескриптивных языков и, соответственно, теоретических дискурсов, может быть существенно большим, чем требуется для описания квантовых объектов (для этих последних, как известно, достаточно дискурсов двух типов, один из которых использует язык пространственно-временных отношений, а другой язык энергетически-импульсных характеристик). Это в полной мере касается и социологии советского общества, а также его теоретико-социологических определений: для кого-то это была «весна человечества», волнующий порыв к светлему будущему, для кого-то огромный ГУЛАГ, для кого-то скудная, однообразная жизнь, «империя зла», ответственная едва ли не за все беды XX века, а для кого-то впечатляющий пример практической реализации принципа социальной справедливости.

Возникает вопрос: как может быть устроено множество описаний «сложностной» социальной реальности. Может ли оно принимать форму упорядоченной иерархии, или же все языки описания имеют одинаково-

вый статус, и, как следствие этого, соответствующие дискурсы являются абсолютно равноправными и равноценными? В отличие от восходящей ещё к Бору стандартной версии принципа дополнительности, мы утверждаем, что отношения между различными языками описания социальной реальности и, соответственно, между социологическими дискурсами не могут быть совершенно паритетными: ведь когда предметом рассмотрения становится история культуры, умственная жизнь человечества, такой релятивизм приводит к совершенно абсурдным следствиям, когда научная картина мира становится равноценной мифологической на том основании, что они обе представляют собой просто разные способы миропонимания. С нашей точки зрения, для множества языков, описывающих некую конкретную социальную систему, должна строиться опорная языковая платформа – язык (дискурс), выполняющий функции *интерконнектора* и представляющий собой своего рода промежуточное концептуальное поле, в рамках которого можно свести в некоторое рационально понимаемое единство все теоретически и фактологически обоснованные описания исследуемых объектов, включая те, которые, на первый взгляд, несовместимы друг с другом. В этом случае мы получаем уже не россыпь «частичных истин», а связную концептуальную структуру, в которой задана процедура перехода от какого-либо произвольно взятого дескриптивного языка к любому другому по схеме $\{X_1, X_2, \dots, X_n\} \rightarrow \{L_1, L_2, \dots, L_m\} \rightarrow \{Y_1, Y_2, \dots, Y_k\}$, где $\{X_i\}$ – множество высказываний на дескриптивном языке X , $\{Y_j\}$ – множество высказываний на дескриптивном языке Y , L – язык-интерконнектор (который в свою очередь также является одним из дескриптивных языков, относящихся к данному предметному полю).

Строгая операционализация связи разных дескриптивных языков и использующих эти языки аналитических дискурсов – это очень специальная философско-методологическая задача, обсуждение которой выходит далеко за рамки настоящей статьи. Не будем разбирать её подробно, а лишь поясним суть дела на одном наглядном примере из истории познания, который, по нашему мнению, можно рассматривать как парадигмальный образец выхода из сходной и притом, казалось бы, тупиковой эпистемологической ситуации.

Мы имеем в виду ситуацию, когда в ходе развития античной философской мысли возникли два совершенно противоположных друг другу и одновременно претендующих на универсальность онтологических дискурса – условно говоря, «гераклитовский» («все течёт, все изменяется») и «парменидовский» (бытие неподвижно и не подвержено изменениям). Противоречие между этими вроде бы несовместимыми онтологиями удалось достаточно эффективно разрешить – но не в результате однозначного опровержения какой-то одной из них, а посредством формирования нового дискурса, содержащего в себе своего рода «логические проекции» как гераклитовской, так и парменидовской онтологии и потому выступающего в роли интерконнектора. В качестве такого онтологического дискурса выступил, в частности, атомизм, в котором есть смысловые

аналоги как парменидовского, так и гераклитовского способа описания реальности. При этом, однако, устранялась их логическая несовместимость, поскольку эти противоположные друг другу способы описания закреплялись за разными уровнями сущего: первый за чувственно не воспринимаемыми неделимыми частицами – атомами, а второй – за чувственно воспринимаемыми вещами, представляющими собой как бы «комки» из слипшихся между собой атомов.

Приведённый пример даёт нам своего рода методологический ключ для поиска интегрирующих подходов к пониманию многосложного и многоликого жизненного мира советского общества. Решение и в интересующем нас случае состоит, по-видимому, не в утверждении какой-то «единственно верной» характеристики этого общества (социалистическое? рабоче-крестьянское? репрессивное? неоимперское? идеократическое? патерналистское? общество тотального дефицита? и т. д.), а в том, чтобы выстроить как бы поверх всех этих разноречивых определений некоторую новую аналитическую перспективу. На наш взгляд, – такую, в рамках которой все такие определения могут быть представлены как частные «проявления характера» данного общества, по-разному раскрывающегося занимающим разные позиции и придерживающимся разных установок наблюдателям. Соответственно, язык, позволяющий говорить о «характере» общества, развертываемся в многообразных, в том числе и не согласующихся друг с другом, определениях, может рассматриваться в качестве естественного интерконнектора, опосредствующего логико-смысловые отношения между различными способами описания. Причём использование данного языка позволило бы сличать эти описания с тем, что мы можем принять за их интенциональный коррелят (в смысле Гуссерля), или, если угодно, соотнести их с субстанциальными основаниями социальной реальности, данной нам одновременно в нескольких ипостасях – и как совокупность «социальных фактов», и как переживаемая реальность, и как особого рода конструкт, и как укорененное в коллективной практике становящееся бытие.

Мотивирующая среда социума

Если принять за аксиому, что элементарной «клеточкой» социальной реальности является ориентированное на определённый результат социальное действие (вариант: взаимодействие), то социологический «портрет» любого общества, взятого в его конкретной индивидуальности, было бы логично начинать с того, с чего начинается каждое такое действие, – а именно, с мотивации. При этом, разумеется, речь должна идти не о сугубо индивидуальных, а о типичных, устойчиво воспроизводимых в данном социуме, мотивациях. Выстраивая нашу линию рассуждений, будем исходить из того, что «черты характера» того или иного общества, а также обусловленные ими коллективные реакции на разного

рода воздействия и изменения условий жизни в основе своей задаются массовыми поведенческими ориентациями и массовыми же мотивациями. Именно мотивации и их трансляция определяют доминирующие в том или ином социуме модели *повседневного целеполагания*, а следовательно, те неброские и обычно кажущиеся малозначительными акты повседневного поведения, из которых как раз и складывается совокупная жизнедеятельность конкретного отдельно взятого общества. Теперь задача построения *характерологической модели* того или иного социума, исходя из которой можно соотнести его отображения в смысловых структурах различного типа, включая «частичное» понимание и даже «ложное сознание» (в смысле Маркса), приобретает вполне отчётливые очертания: для этого надо построить такой социологический дискурс, в основе которого лежит язык описания социально значимых мотиваций, а также социальных (социокультурных) сред, обеспечивающих их воспроизводство и распространение.

В этой связи представляется целесообразным ввести новое понятие – *мотивирующей среды социума*, которое, на наш взгляд, имеет ключевое значение для создания индивидуализированных «социологических портретов» различных обществ. Социологическую реконструкцию доминирующих мотиваций того или иного общества – в особенности, если она производится в кросс-культурных контекстах, – логично рассматривать как основу и исходный пункт для его (общества) характерологических описаний. На этом фундаменте можно строить «индивидуализированные» модели факторов социокультурной динамики, дающие, в частности, ключ к пониманию того, почему общества, находящиеся на приблизительно одинаковом уровне развития и в сопоставимых внешних условиях, в силу своего «характера» с течением времени эволюционируют по особым, нередко расходящимся траекториям, демонстрируя при этом разную восприимчивость к инновационным процессам. Хотелось бы специально подчеркнуть: взяв за отправной пункт социологической характеристики того или иного общества его специфический мотивационный профиль, мы отнюдь не переходим на позиции так называемой субъективной социологии, и не отказываемся от установления объективных причин социальных явлений. На самом деле здесь просто отражается тот факт, что в социальных системах причинно-следственные связи, как правило, «закольцовываются», а следствия и причины постоянно меняются местами, образуя сложные конфигурации нелинейного типа, в которых попытка однозначно разделить взаимодействующие элементы на «первичные» и «вторичные», в сущности, равносильна возобновлению знаменитого спора о том, что было раньше, – яйцо или курица. Данную проблему (а точнее, псевдопроблему) можно снять, допустив, что специфическую для того или иного общества систему мотиваций можно рассматривать как локус, в котором пересекаются и выстраиваются в своего рода итоговую равнодействующую все направляющие развитие того или иного общества линии детерминации.

Ценности повседневной жизни

Вернёмся теперь к «проблеме Андропова» и в свете изложенных выше методологических соображений представим вариант характерологического описания советского общества как определённой мотивирующей среды. Прежде всего – каким бы парадоксальным это кому-то не показалось – нам придётся в целом согласиться с той высказывавшейся ещё в первые послеоктябрьские годы точкой зрения, что советское общество, несмотря на декларации лидеров ВКП(б)/КПСС и ориентированного на них «официального» марксизма, формировалось и сформировалось как *буржуазное* общество. Но только ли вследствие возникновения отчужденного от трудовых масс слоя номенклатурной бюрократии, который уже в 1920-е гг. стал превращаться в привилегированную касту? Да, верно: значительная часть большевистской верхушки быстро привыкала к роскоши, приобретала откровенно барские ухватки, перенимала – как правило, в шаржированном виде – многие легко узнаваемые формы буржуазно-аристократического быта: достаточно вспомнить хотя бы о «великосветских» приёмах у мадам Розенель (жена А. В. Луначарского) или мадам Хаютиной (жена шефа НКВД Н. И. Ежова)... Но у вопроса есть и другая сторона – те, кого принято называть массами. Что можно сказать по поводу их мыслей, запросов, желаний и в первую очередь по поводу их представлений о «нормальной» («хорошей») жизни и моделях самореализации, в особенности – сложившихся в период становления советского общества, когда формировались «стартовые условия» его развития? Об этом можно судить по письмам, также дневникам и воспоминаниям, ставшим в последнее время предметом социологического анализа.

В содержании этих документов, охватывающих в совокупности огромные пласты жизни и несколько десятилетий истории огромного государства, перипетии которой отразились в переменчивых судьбах множества людей, причудливо переплетены разные смысловые аспекты: они рассказывают об успехах, неудачах и опасениях, о голоде и достатке, о личных переживаниях и условиях существования, об утратах и обретениях, личных планах и надеждах на будущее. Здесь практически нет или очень мало элементов официальной риторики, хотя заметно, что с самого начала 1920-х гг. и вплоть до «золотой осени» советской власти значительная часть советских граждан так или иначе верила в перспективу создания какого-то нового, лучшего общества, а их идентичность строилась на эмоциональной связи с этим социальным проектом. Некоторые пишут о своих попытках изучить Маркса, об искреннем стремлении работать на благо общества, декларируют приверженность коллективистской морали, принципы которой представляются неоспоримыми. И вместе с тем в этом обширном письменном наследии своего рода постоянным рефреном проскальзывает звучащий то в виде стыдливой уступки жизненным обстоятельствам, то в виде откровенности с самим собой характерный мотив устремленности к личному благополучию, понимаемому, в сущности, на буржуазный манер – преимущественно

как реализация определенной модели потребления [6]. Конечно, стандарт потребления при этом сильно варьировался в зависимости как от личных склонностей, так и, в ещё большей степени, от жизненных обстоятельств. Для только что приехавших из разорённой деревни строителей индустриальных гигантов первой пятилетки пределом стремлений было перебраться из барака в собственную комнату, справиться себе приличное пальто, получше устроиться на службе... В общем, как говорили *до революции*, «выбиться в люди» (а так ли уж сильно изменила революция массовую психологию на её архетипическом уровне?). Те же, кому удалось «выбиться», демонстрировали иной горизонт запросов, для них становилось доступным обладание теми атрибутами достатка, какими раньше обладали господа, что помимо всего прочего имело ещё и важное символическое значение. Скажем, для знаменитой стахановки П. Ангелиной наглядной реализацией представлений о «хорошей жизни» было то, что у неё, по рождению простой крестьянки, дочери выглядят как настоящие барышни, учатся музыке и уже играют Шопена и Чайковского [1].

В литературе уже отмечалось, что советский человек существовал как бы одновременно в двух мирах. С одной стороны, это взывающий к пафосу героического энтузиазма мир общественно значимых задач и «великих свершений»; с другой стороны, наполненный мелкими, но назойливыми проблемами мир повседневной рутины, личных дел и частных бытовых интересов, в котором надо было «уметь жить» и «уметь устраиваться». Этот мир повседневности, ориентированный на приобретение и потребление, был естественным генератором буржуазных в основе своей ценностных ориентиров и потому с самого начала существования советского общества задавал ему характерно буржуазный вектор развития. Другой вопрос, что данный вектор был не единственным, он перекрывался действием других факторов и тенденций, однако с окончанием «героического периода» истории СССР его значение нарастало и постепенно становилось определяющим. Те, кому довелось жить в Советском Союзе в последние десятилетия его существования, хорошо помнят эту атмосферу девальвации коммунистической идеи и социальных практик «развитого социализма». Развернувшиеся во второй половине 1980-х гг. дискуссии о «критериях социалистичности» не произвели в обществе какого-то особого резонанса, поскольку не отвечали устремлениям ни одного социального слоя. «Простой советский человек» хотел уже не социализма – пусть даже «с человеческим лицом», – он хотел общество потребления.

В политической публицистике левого толка социальный переворот начала 1990-х гг., как правило, характеризовался как буржуазная контрреволюция. Эмоционально эти оценки можно понять, но, по сути, с ними нельзя согласиться. Реальная возможность такого развития событий была заложена в социальной природе советского социума, и притом с самого начала. То, что случилось в начале 1990-х, строго говоря было своего рода *самораскрытием* его подспудных интенций, если угодно – завершением того диалектического круга, в конце которого сущее-в-себе становится для-себя-сущим.

Общество и образование: русская и советская традиции

Однако ограничиться только данным выводом, поставить на этом точку было бы все же неправильно. Как показал ещё М. Вебер, буржуазные отношения и буржуазные по своему ментальному складу общества могут существовать в разных формах и в силу этого развиваться по весьма различным траекториям. Это объясняется целым рядом причин – многообразием географических условий, различием исторически сформировавшихся культурных традиций, конкретным геополитическим окружением и т. д. Наша страна в этом отношении не составляет исключения. Факторов, которые в разной степени обуславливали черты её своеобразия в разные периоды нашей истории, много, и мы, конечно, не можем рассмотреть их все в рамках одной статьи. Считаем, однако, очень важным выделить и рассмотреть один из таких факторов, который, на наш взгляд, имеет ключевое значение для характерологического анализа советского социума как *мотивирующей среды*.

Если сравнивать советское общество с современными ему западными обществами не столько в институциональном плане (частнопредпринимательский капитализм vs государственный капитализм; либеральная плюралистическая демократия vs «партийное» государство), сколько по социетальным параметрам, можно заметить очень характерные различия в отношении общества к образованию и, шире, к интеллектуальной деятельности вообще. Но эти различия не являются продуктом советской системы как таковой, они восходят к более ранним периодам российской истории и коренятся в той парадигме модернизации, в рамках которой сложился исторический путь России на протяжении Нового времени, хотя в советское время они и становятся особенно рельефными.

Одной из характерных примет русской жизни последних двух десятилетий XIX в. является интенсивная образовательная активизация народной среды. Эта тенденция хорошо прослеживается уже на самой низшей, издавна привычной и доступной для всех низовых социальных слоев ступени обучения, каковой в те времена была школа грамоты и церковно-приходская школа. Широкое распространение школ грамоты на основе собственной инициативы местных крестьянских обществ началось фактически сразу же после отмены крепостного права. Но с середины 80-х годов этот процесс приобретает такую динамику, которая позволяет говорить о *революционном* характере происходящих социокультурных процессов. В 1884–1885 гг. в стране было 840 официально зарегистрированных школ грамоты (фактически их, конечно, было больше), а в 1888–1889 гг. по официальной статистике их насчитывалось уже 9215 (т. е. общее их число за какие-то 4–5 лет увеличилось в 11 раз). При этом произошло значительное и к тому же достаточно резкое ускорение темпов роста уровня образования населения. Ежегодный прирост среднего числа лет обучения одного человека старше 9 лет в конце 50-х годов XIX века установился на уровне 0,007–0,008

и не менялся в течение по крайней мере трех десятилетий (отметим, что на динамике данного показателя практически не отразилась даже отмена крепостного права), но приблизительно с 1887 г. данный показатель начинает расти примерно в 2 раза быстрее – со скоростью 0,15–0,16 в год [12, с. 124]. К концу XIX в. в народной среде начинает складываться понимание недостаточности простого умения читать, писать и считать. Характерное для недавнего ещё прошлого недоверие к «господской» учёности рассеивается, уступая место растущему стремлению обеспечить детям возможность получить образование выше простой грамотности. В том числе в гимназии или реальном училище, окончание которых давало право поступать в высшие учебные заведения.

По сути дела, это было не что иное, как *культурная революция*, которая на самом деле началась спонтанно и значительно раньше, чем о ней объявили большевики. Её наступление выразилось в формировании широчайшего запроса на доступ к образованию, знаниям и культуре, который в сознании масс, включая теперь уже и ранее не стремившиеся к этому низовые слои, все теснее увязывалось с перспективами восходящей социальной мобильности. Было бы несправедливо утверждать (как это делал Ленин), что царское правительство «ограбило» наш народ в смысле просвещения [8]. На самом деле правительство предпринимало в этой области очень серьёзные усилия. В 1906 г. был принят хорошо финансируемый из госбюджета план ликвидации неграмотности, быстро увеличивалось количество учебных заведений всех типов и уровней. Доля ассигнований на народное образование в России превышала аналогичный показатель других ведущих стран Европы. Численность студенчества за годы правления Николая II возросла почти в 4 раза, а его состав стремительно демократизировался [5, с. 171–178]. Но в обстановке интенсивного развития, вызвавшего «перегрев» социальной системы, запросы и притязания масс стали значительно опережать открывающиеся возможности. И это противоречие вызвало острейший социальный кризис, генерировавший мощные революционные импульсы. В этом плане политическую революцию 1917 г. можно рассматривать как определённый этап уже развернувшейся культурной революции, за которой последовала её радикализация – собственно большевистская культурная революция. Октябрь 1917 г. часто характеризуют как революцию модернизации, и это в известном смысле верно. Но у него есть и другая сторона: это была ещё и *революция замещения*. Миллионы людей стремились стать на место культурного слоя, исторически связанного с нашим отечественным *ancien régime*. Причём для них это было не просто восхождение по лестнице социальных статусов, но, если угодно, обретение нового антропологического качества и полная смена идентичности, которая потребовала символической отмены «проклятого прошлого». Переналадка механизмов доступа к образованию и опирающаяся в том числе и на насильственные (революционные!) методы трансформация его содержания – что вплоть до середины 1930-х гг. осуществлялось большевиками с большой настойчивостью – на самом деле является наиболее эффективной технологией такого антропологического превращения.

С течением времени обстановка в Стране Советов, а вместе с ней и парадигмы государственной культурной политики претерпевали изменения. Скажем, советское общество, его образ жизни, характер социальных мотиваций в 1970-е гг. были совсем не похожи на то, какими они были в 1920-е или 1930-е. Однако сформировавшееся ещё до революции и в первые годы советской власти отношение к образованию и образованности как приоритетным ценностям сохранилось. Показательно, например, что советские женщины значительно чаще, чем, например, американки, отмечали среди качеств, которые они хотели бы видеть в своих детях стремление к знаниям и успехи в учёбе: в СССР это 2-я ранговая позиция в списке приоритетов, в США – 10-я [14, с. 98–100]. Таким образом, важнейшей характерологической чертой советского социума было то, что образование и образованность были для большинства советских граждан не только средством повышения социального статуса и благосостояния (т. е. инструментальной ценностью), но самодовлеющей целью, достижение которой свидетельствовало о том, что «жизнь состоялась» (т. е. терминальной ценностью).

Культурная практика довольно большей части населения свидетельствовала о специфически просвещенческих и даже в какой-то мере «интеллектуалистских» настроениях. Так, судя по имеющимся в нашем распоряжении данным социологических исследований, в 1960-е – 1970-е гг. в активных социальных группах городского населения самообразованием занимались в то время от 37% (рабочие, служащие) до 58–59% (интеллигенция) опрошенных. Наряду с этим в структуре жизнедеятельности большое место занимала реализация различного рода «развивающих» культурных интересов, и в частности чтения. Около 55% населения практически ежедневно находили время для чтения книг и ещё 15–20% читали их не реже нескольких раз в месяц [4, с. 431–508]. Распространённым явлением было и чтение «толстых» журналов, имевшее отчетливо выраженную познавательную направленность.

Интенсивное развитие образования имело весьма важные социальные последствия. Буквально за несколько десятилетий оно существенно изменило социокультурный профиль общества. В послевоенный период численность граждан с образованием выше среднего примерно каждые 10 лет удваивалась. К середине 1970-х годов она превысила 30 млн человек. Если в 1913 г. доля лиц, принадлежащих к данной социальной категории, исчислялась десятыми долями процента, а в предвоенные годы она не превышала 1,5%, то в 1975 г. она равнялась примерно 12%, т. е. диплом вуза или техникума имел к этому времени примерно каждый восьмой гражданин СССР. Это означало значительное повышение плотности распределения носителей образованности и культуры в социальном пространстве. Лица с образованием выше среднего появились в «ближнем круге общения» не только практически каждого горожанина, но и значительной части сельских жителей. Возникла качественно новая социальная ситуация, когда присущие образованной части

населения модели поведения, жизненные стратегии, ценности стали превращаться из корпоративно-групповых в универсальные, а в каком-то смысле и общенародные.

Если сопоставить различные данные такого рода с происходившими в те годы институциональными сдвигами (переход к всеобщему среднему образованию, количественное и качественное развитие высшей школы, формирование системы дополнительного и досугового образования), то применительно к Советскому Союзу по крайней мере с конца или даже с середины 1950-х годов можно, на наш взгляд, говорить о качественной трансформации социума. К середине 1970-х гг. доля населения с образованием не ниже среднего поднялась до 77%, а с образованием выше среднего – до 10% (в предвоенные годы она составляла лишь 1,5%). В результате значительно повысилась плотность распределения носителей образованности и культуры в социальном пространстве. Можно говорить о том, что лица с образованием выше среднего появились в «ближнем круге общения» не только практически каждого горожанина, но и немалой части сельских жителей. Образованный человек, который ещё в предвоенные и даже первые послевоенные годы воспринимался как своего рода антипод «простого» человека (даже как своего рода «советский барин»), становился массовой, обычной социальной фигурой. Но дело не только в этом. Ещё важнее то, что характерные для образованной части населения модели поведения, жизненные стратегии, установки и ценности стали превращаться из корпоративно-групповых в универсальные, а в каком-то смысле и в общенародные. Показательно, что проводившиеся в начале 1960-х гг. эмпирические исследования советских социологов зафиксировали ярко выраженную вовлечённость людей в различные виды дополнительного образования и самообразования, которые стали рассматриваться как необходимый момент личностной самореализации и необходимый атрибут «современной» жизни. В структуре жизнедеятельности «новых образованных людей» 1950–1970-х гг. большое место занимала реализация различного рода «развивающих» культурных интересов, в частности чтения [11]. Эти сдвиги отчетливо коррелируют с мотивационной основой социума: так, в 1970–80-е гг. советские женщины значительно чаще, чем, например, американки, отмечали среди качеств, которые они хотели бы видеть в своих детях, стремление к знаниям и хорошие успехи в учебе: в СССР это вторая ранговая позиция в списке приоритетов, тогда как в США – десятая [14]. На наш взгляд, в этой связи мы с полным правом можем говорить о становлении в СССР особого типа социальности, который мы предложили бы назвать *обществом образования* [2]. И полагаем, что в этом плане социальные установки советской повседневности и социальные практики советского общества по крайней мере на три десятилетия опередили программу формирования «общества знаний» и «обучающегося общества», которая была выдвинута на международном уровне [16] на рубеже истекшего и нынешнего столетий. В то же время в рамках советской системы формируется своего рода «конкордат» властвующей

номенклатуры с приобретающим некую подспудную идеологическую независимость интеллектуальным классом, а с другой стороны, в центрах концентрации научно-технической и художественной интеллигенции (академгородки, ведущие НИИ, творческие союзы) складывается своего рода децентрализованное «параллельное общество» с новой протополитической структурностью [13], предвещающая реальные политические коллизии времен «перестройки» и последовавших за ней «демократических» реформ.

Библиографический список

1. Ангелина П. Н. Люди колхозных полей // Октябрь. 1948. № 6. С. 86–148.
2. Андреев А. Л. О модернизации образования в России. Историко-социологический анализ // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 111–120.
3. Андреев А. Л., Кузнецова Т. В. Общество, культура, политика в теоретическом наследии А. А. Богданова // Философия и общество. 2018. № 1. С. 5–17. DOI: 10.30884/jfio/2018.01.01.
4. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян эпохи Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-традиция, 2001. 624 с.
5. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
6. Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФРАН, 1996. 216 с.
7. Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. ПСС. Т. 33. М.: Полит. лит-ра, 1974. С. 3–120.
8. Ленин В. И. К вопросу о политике министерства народного просвещения // Ленин В. И. ПСС. Т. 23. М.: Полит. лит-ра, 1973. С. 127–135.
9. Ленин В. И. XI съезд РКП(б). Политический отчет Центрального комитета РКП(б) // Ленин В. И. ПСС. Т. 45. М.: Полит. лит-ра, 1977. С. 69–118.
10. Майнцер К. Сложносистемное мышление. Материя, разум, человечество. Новый синтез. М.: Либроком, 2009. 464 с.
11. Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования. М.: Политиздат, 1980. 446 с.
12. Миронов Б. Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX и XX веках // Отечественная история. 1994. № 4-5. С. 111–125.

13. Неклесса А. И. Интеллектуальный, творческий и мотивированный персонаж // Независимая газета. 21.02.2023.
14. Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: ВЦИОМ, 1993. 300 с.
15. Троцкий Л. Д. Преданная революция: что такое СССР и куда он идёт? М.: RUGRAM, 2017. 172 с.
16. UNESCO. Towards Knowledge Societies. Paris: UNESCO Publishing, 2005. 226 p.

Получено редакцией: 22.10.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреев Андрей Леонидович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; профессор, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.2

EDN: POPCJZ

“The Andropov problem”: To a Sociological Characterisation of the Soviet Society

Andrey L. Andreev

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia

E-mail: sympathy_06@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1692-573X

For citation: Andreev A. L. “The Andropov problem”: to a sociological characterisation of the Soviet society. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 29–44. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.2; EDN: POPCJZ

Abstract. The topic of the article is the problem of “understanding” the Soviet society, interpreted, however, not in line with the so-called “understanding sociology”, but from the point of view of a “portrait” approach to describing particular societies, that allows to identify their characterological features and specifics. On the basis of the complementarity principle formulated by N. Bohr, methodological issues of implementing such an approach are considered, mainly in terms of integrating discourses and languages for describing social reality. As a starting point of the characterological model of a particular society, the article proposes to take its dominant motivations and the sociocultural environment that supports them. For this purpose the concept of a motivating environment of society is introduced. The social nature of the Soviet society is being characterised on the basis of a comparison of sociological research materials, statistical data, assessments of prominent Soviet figures and judgments of “ordinary Soviet people”, as well as the author’s own observations. Based on the analysis of these materials, the author proves that the system-forming motivations of the Soviet everyday life are in fact bourgeois in nature. At the same time, against the general background of bourgeois modernity, the Soviet society stood out for its special characterological features, successively associated with the sociocultural trends of the last decades of the existence of the Russian Empire and the peculiarities of the Russian model of educational modernisation. First of all, it is the attitude to education and erudition, that we perceived not as instrumental, but as terminal values. Tracing the dynamics of the intellectual and spiritual needs of the Russian society over long historical intervals, the author considers the formation of such an attitude towards education as a cultural revolution. At the same time, the article substantiates a fundamentally new interpretation of the cultural revolution, that supports the idea that the beginning of the cultural revolution preceded the political revolutions of 1905 and 1917. The attitude to education as a terminal value largely determined the logic of the internal evolution of the Soviet society, during which specific forms of sociality developed in the USSR, that authors propose to define as the society of education.

Keywords: Soviet society, mentality, values, cultural revolution, education, erudition, society of education

References

1. Angelina P. N. Lyudi kolhoznyh polej [People of collective farm fields]. *Oktyabr*, 1948: № 6: 86–148 (in Russ.).
2. Andreev A. L. O modernizacii obrazovaniya v Rossii. Istoriko-sociologicheskij analiz [On the modernization of education in Russia. Historical and sociological analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011: 9: 111–120 (in Russ.).
3. Andreev A. L., Kuznetsova T. V. Society, culture, politics in the theoretical heritage of A. A. Bogdanov. *Filosofiya i obshchestvo*, 2018: 1: 5–17 (in Russ.). DOI: 10.30884/jfio/2018.01.01.
4. Grushin B. A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshhestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan epohi Hrushheva, Brezhneva, Gorbacheva i Elcina. Zhizn 1-ya. Epoha Hrushheva [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians of the era of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin. Life 1st. The Khrushchev era]. Moscow, Progress-tradiciya, 2001: 624 (in Russ.).
5. Ivanov A. E. Studenchestvo Rossii konca XIX – nachala XX veka: social'no-istoricheskaya sud'ba [Russian students of the late XIX – early XX century: socio-historical fate]. Moscow, ROSSPEN, 1999: 414 (in Russ.).
6. Kozlova N. N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoj epohi: golosa iz hora [Horizons of everyday life of the Soviet era: voices from the choir]. Moscow, IF RAN, 1996: 216 (in Russ.).
7. Lenin V. I. Gosudarstvo i revolyuciya [The State and the Revolution]. In Lenin V. I. The Complete Works. Vol. 33. Moscow, Polit. lit-ra, 1974: 3–120 (in Russ.).
8. Lenin V. I. K voprosu o politike ministerstva narodnogo prosveshheniya [On the issue of the policy of the Ministry of Public Education]. In Lenin V. I. The Complete Works. Vol. 23. Moscow, Polit. lit-ra, 1973: 127–135 (in Russ.).
9. Lenin V. I. XI s'ezd RKP (b). Politicheskij otchet Central'nogo komiteta RKP (b) [XI Congress of the RCP (b). Political report of the Central Committee of the CP (b)]. In Lenin V. I. The Complete Works. Vol. 45. Moscow, Polit. lit-ra, 1977: 69–118 (in Russ.).
10. Mainzer K. Complex system thinking. Matter, mind, humanity. A new synthesis. Transl. from Eng. by A. V. Berkova. Moscow, Librokom, 2009: 464 (in Russ.).
11. Massovaya informaciya v sovetskom promyshlennom gorode: Opyt kompleksnogo sociologicheskogo issledovaniya [Mass information in the Soviet industrial city. Experience of complex sociological research]. Moscow, Politizdat, 1980: 446 (in Russ.).
12. Mironov B. N. Ekonomicheskij rost i obrazovanie v Rossii i SSSR v XIX i XX vekax [Economic growth and education in Russia and the USSR in the XIX and XX centuries]. *Otechestvennaya istoriya*, 1994: 4-5: 111–125 (in Russ.).
13. Neklessa A. I. An intelligent, creative and motivated character. *Nezavisimaya gazeta*, 21.02.2023. (in Russ.).
14. Sovetskij prostoj chelovek: opyt socialnogo portreta na rubezhe 90-x [Soviet simple man: the experience of a social portrait at the turn of the 90s]. Moscow, VCIOM, 1993: 300 (in Russ.).
15. Trockij L. D. Predannaya revolyuciya: chto takoe SSSR i kuda on idet? [Revolution betrayed: What is the USSR and where is it going?]. Moscow, RUGRAM, 2017: 172 (in Russ.).
16. UNESCO. Towards Knowledge Societies. Paris, UNESCO Publishing, 2005: 226.

The article was submitted on: October 10, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey L. Andreev, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3

EDN: PQWMDB

Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего)¹

Ссылка для цитирования: Капицын В. М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

For citation: Kapitsyn V. M. Stigmatisation as a threat to national identity (lessons for the present from the past). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

Капицын Владимир Михайлович^{1,2}

¹МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

²ИНИОН РАН, Москва, Россия

kapizin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 337209

Аннотация. Автор исследует дискурсы стигматизации, используя опыт советской «перестройки», советские, российские и зарубежные материалы, документы КПСС, советских органов, общественных организаций и движений, воспоминания очевидцев, свидетельства СМИ, личные воспоминания. Раскрываются содержание и механизмы стигматизации как процесса и средства борьбы против СССР и России, выделяются внешние и внутренние составляющие процесса стигматизации. В качестве результата стигматизации рассмотрено состояние массового сознания в обществе и взглядов элит, противопоставляемое национальной идентичности народа и государства. Новизна исследования заключается в рассмотрении механизма стигматизации, включающего образование негативных контр-идентичностей и состояния массового сознания, названного «самостигматизацией». Контр-идентичности могут сопровождать социальную дифференциацию общества, формирование различных социальных (профессиональных, этнических, территориальных) различий. Но в процессе стигматизации государственной власти они приобретают негативный характер и могут превращаться в разрушительную силу, направленную против национально-государственной идентичности. Такая сила, как показывают документы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 122101100029-3 «Государственная политика формирования национальной идентичности и патриотизма в контексте трансформации современного миропорядка: сравнительный анализ».

и другие свидетельства, достигается на «крайней» стадии стигматизации, когда происходит «резонанс» её внешней и внутренней составляющих, и массовое сознание общества, взгляды элит переходят в состояние «самостигматизации». В результате перевес получает дискурс отторжения ценностей общества, его исторического нарратива (завоеваний народа, героев войны и труда), достижений настоящего, а на первый план массового сознания выходят исторические травмы, обиды, злоупотребления, ошибки государственной власти. Так обесценивается исторический опыт поколений общества; для миллионов людей теряется смысл понятий «служение», «героизм», «присяга», «долг», «гражданство», а вместе с этим разрывается национально-государственная идентичность, приоритет приобретает конгломерат негативных контр-идентичностей, соединённых временной идейной платформой, оправдывающей победу дискурса «новых» ценностей. В статье рассмотрены подходы к социально- и политико-психологическому исследованию «крайней» стадии стигматизации: лингвистические термины-маркеры «самостигматизации», принижение роли патриотизма, ориентация стигмы на определённые духовные и материальные объекты (памятники истории и культуры, отечественные предприятия-флагманы, память о подвигах героев, трудовые достижения). Состояние «самостигматизации» обеспечивает «разрывы» национально-государственной идентичности и может предопределить победу сил, поворачивающих политический курс в «новое» русло, которое в той или иной степени удовлетворяет «стигматизаторов». В заключении рассмотрены задачи стигматизации как средства «гибридной войны» на современном «витке» противостояния России с НАТО.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, стигматизация, самостигматизация, негативные контр-идентичности, термины-маркеры, объекты стигматизации, патриотизм, «гибридная война»

Введение

Уже более 30 лет многие обществоведы рефлексировать с приближением даты 30 декабря, связанной с распадом супердержавы СССР. С высоты XXI в. многие события «перестройки» оцениваются по-другому, но и современные процессы можно продуктивнее анализировать, если осмысливать их через сравнение с советской «перестройкой».

В конце 1980-х гг., когда уже набрал ход Хельсинкский процесс, мало кто мог подумать, что с «перестройкой» политического режима в СССР последний распадётся. Тем более трудно было предсказать, что через 25–30 лет россияне станут объектом жесткой стигматизации, а на Украине и в республиках Балтии возродится нацизм. После Второй мировой войны были примеры стигматизирующего дискурса, сопровождающего блокаду Кубы, войны в Корее, Вьетнаме, Анголе, на Ближнем Востоке. С распадом СССР частота и жёсткость стигматизирующих кампаний возросла: Ирак, Югославия (затем Сербия), Афганистан, Иран, КНДР, снова Ирак, потом Сирия, Ливия, Венесуэла, Китай. С 2014 г. на Украине шла открытая «этническая» стигматизация Донбасса и России. В 2020 г. жёсткой стигматизации подверглась Белоруссия. В 2022 г. беспрецедентная стигматизация России и русского мира развернулась на Украине, в Европе, в англосаксонских странах.

Что такое стигматизация? В психологии и социологии сложились направления, идущие от Г. Спенсера, затем с 1938 г. – от Ф. Танненбаума («драматизация зла»). Э. Лемерт в 1951 г. связал стигматизацию с социальной девиацией (отклонением от норм) [33]; похожий подход у Э. Гофмана (управление «испорченной идентичностью») [16, с. 7]. Стигматизация предстала как отрицательно заряженное нефизическое воздействие, символическое насилие [31]. Развивая данный подход, исследователи видят в стигматизации наклеивание ярлыков на людей или группы, не соответствующих общепринятым нормам. Исходя из этого, общество вырабатывает по отношению к ним определённую (стигматизирующую) линию поведения, которая может доходить до исключения из социальных структур [2, с. 23].

Важным является положение о «родовой стигме (расы, национальности и религии), которая может передаваться по наследству» [31, р. 8]. Э. Гофман допускал, что религиозные, этнические, другие культурные различия могут служить основанием стигматизации политических сил и социальных групп [17, с. 75]. Например, как политико-психологическое и культурное неприятие руководства и граждан отдельных государств, представителей определённых народов, конфессий, как в свое время лютеран и кальвинистов. Или русских (православных) в Австро-Венгрии, где в 1914 г. создавались даже концлагеря, в которые вместе с военнопленными помещали русскоязычных и православных жителей Галичины и где творился жуткий произвол. Факты геноцида были обнародованы в «Талергофском альманахе»¹.

Цель статьи – показать социально-психологическую и политико-психологическую онтологию стигматизации, её способность выступать в качестве средства политики, фрагментирующего национально-государственную идентичность. Ставятся задачи, наряду с выяснением методов и приёмов исследования, выявить механизмы, усиливающие негативное восприятие отдельных обществ в глазах элит и граждан своих и других государств. Возникает также вопрос, что же дает Западу стигматизация России, по своему накалу близкая к религиозной вражде?

В данном случае мы рассмотрим стигматизацию в основном в социально-психологическом плане, как средство, помогающее разрушать национальную идентичность. Хотя уже образовалась база научных исследований этого явления, в социологии, социальной и политической психологии такое её разрушительное воздействие изучается недостаточно. Тем не менее ценный материал можно дополнительно черпать, исследуя события и факты периода «перестройки» в СССР. В работе использовались опубликованные документы, базы которых пополнялись и систематизировались [см., напр., 24; 25], мемуары, массивы материалов СМИ (статьи, интервью, расследования, ток-шоу), воспоминания очевидцев событий, собственные воспоминания и архивы.

¹ Крохмаль А. Забытая история зла. Австро-венгры и их кровавый геноцид русинов в Первую Мировую // Аргументы недели [сайт]. 27.05.2001. URL: <https://argumenti.ru/history/2021/05/723738> (дата обращения: 07.10.2022).

Внешняя и внутренняя стигматизация

В процессе стигматизации выделим внешнюю составляющую, то есть направляемую из-за рубежа, и внутреннюю (со стороны деструктивной оппозиции). Назначение внешней стигматизации – добиваться роста в мире и в конкретной стране-мишени числа людей, верящих в реальность создаваемых негативных образов. Чем настойчивее Россия защищала свой суверенитет, тем явственнее проявлялась такая стигматизация. С 2014 г. процесс внешней антироссийской стигматизации пошёл уже «с отключёнными тормозами». Яркий пример: президент США Б. Обама в 2014 г. на 69-й сессии Генеральной ассамблеи ООН поставил Россию в ряд с такими глобальными угрозами, как вспышка лихорадки Эболы и терроризм: «...Вспышка Эболы поражает системы здравоохранения в Западной Африке и угрожает быстро распространиться за её пределы. Агрессия России в Европе напоминает о днях, когда большие нации угрожали малым, преследуя собственные территориальные амбиции. Жестокость террористов в Сирии и Ираке заставляет нас смотреть в сердце тьмы»¹. Р. Готтемюллер в бытность заместителем генерального секретаря НАТО в докладе на пленарной сессии Парламентской ассамблеи НАТО 29 мая 2017 г. сравнила воссоединение России и Крыма с захватом Мосула боевиками так называемого ИГИЛ² (организации, запрещённой в России).

Более сложную природу имеет внутренняя стигматизация. Она проявляется и в сознательно направляемых действиях, и в стихийных процессах, настраивающих граждан на осуждение своей государственной власти и тех соотечественников, кто эту власть поддерживает. Наиболее опасен «резонанс» воздействий внешней и внутренней стигматизации. Е. Т. Гайдар, применительно к событиям в России 1917 г. даже использовал термин «сверхрезонанс» [6, с. 28]. Он способствует реформативному массовому сознанию и представлений элит, в том числе благодаря заимствованию из-за рубежа культурных образцов и моделей политического поведения³. Всё это может вести к радикальному реформированию власти и государственным переворотам. Вот почему актуален вопрос о стигматизации профессиональных групп, по долгу службы поддерживающих конституционный и общественный порядок: полиции [9], государственных служащих, военных, сотрудников госбезопасности, а также членов их семей [12]. С. В. Батайкина отмечает:

¹ Обама назвал мировыми угрозами Эболу, действия России и террористов ИГ // РИА новости [сайт]. 24.09.2014. URL: <https://ria.ru/20140924/1025469848.html> (дата обращения: 05.05.2022).

² Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session, 2017, May 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm (дата обращения: 16.03.2022).

³ Значительным спросом в Советской Прибалтике в конце 1980-х и начале 1990-х гг. пользовались рукописи Дж. Шарпа о сопротивлении властям, которые, как он признавался в интервью, передал на московской конференции представителям прибалтийских республик [26, с. 36].

«... Негативные стереотипы, утвердившиеся в общественном мнении, способствуют стигматизации всей профессиональной группы, члены которой трудятся в сфере государственного управления» [3, с. 4].

Такая стигматизация «государевых людей» особенно ярко проявилась в СССР и ГДР, а через годы отозвалась в России на Болотной площади (2011)¹, в мятежах в Белоруссии (2020) и Казахстане (2022). Всё это отражало искажение смысла категорий «присяга», «профессиональный долг», «служение», «государственная безопасность», «гражданство», «Родина». Несмотря на различия, везде проявлялось распространение негативных контр-идентичностей, питающих стигматизацию данных групп, маргинализацию защитников правопорядка, что усиливало фрагментацию общей национально-государственной идентичности.

Включаясь в идейную «оснастку» элит и движений (в том числе сепаратистских образований), негативные контр-идентичности облекаются в романтично-утопическую «упаковку» борьбы с авторитарным режимом за права человека, приводя к делегитимации политического режима. В конечном счёте, может быть достигнуто, как в СССР (1989–1991), ГДР (1989–1990), Сербии и Черногории (2000), «резонансное» состояние стигматизации отечественной власти и даже собственной цивилизации. Такое состояние (крайняя стадия) стигматизации, ведущее к саморазрушению государства, можно назвать «самостигматизацией».

Метаморфозы стигмы и господство контр-идентичностей

Эта «крайняя» стадия стигматизации означает приход состояния массового сознания, похожего на «сумрачную» близорукость касаясь оценки прошлого и настоящего своей страны. Сопровождается это романтично-утопической восторженностью в оценке лозунгов перемен, агентами которых выступают демократические НКО, ориентирующие людей на западные ценности и «блага». При этом национально-государственная идентичность такого государства «подрывается» контр-идентичностями, формируемыми деконструктивными группами, способствующими оправданию беспорядков и смены власти ради изменения политического курса в сторону «быстрых» демократических перемен.

Термин «самостигматизация» широко употребляется в клинической психологии, но редко в социальной психологии и социологии, причем обычно относительно индивидов [4]. Но он применим для характеристики поведения социальных групп и народов [23]. Подобные состояния сообществ Т. Парсонс рассматривал через призму девиации (отклонения от ценностных ориентаций), сопровождаемой доминантой интерпретации, которая получает распространение сначала латентно, а затем и открыто. Парсонс пишет: «...Желание освободиться навсегда от всякого принуждения и идеализация подобного состояния оборачивается такими

¹ Рыжков В. Болотная была потрясением для всех // Новая газета [сайт]. № 141. 13.12.2021. URL: <https://novayagazeta.ru/issues/3206> (дата обращения: 23.09.2022).

концепциями, как «свобода, защищаемая законом». И «такие символы как свобода и справедливость, могут получить интерпретацию, несовместимую с функциональными потребностями институционализируемого порядка». Далее он отмечает силу и живучесть такой интерпретации: «Но строго говоря, в понятиях, одобряемых культурной традицией, невозможно прямо заклеить такие интерпретации как нелегитимные. Умение извлекать пользу из подобных возможностей латентной легитимации является одной из важных характеристик девиантных движений» [21, с. 414–415].

Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, благодаря романтично-утопической «упаковке», способствует популярной легитимации ценностных отклонений, усиливает негативные контр-идентичности с их настроением на отчуждение от власти. А это позволяет расширять и усиливать стигматизацию государства, разрушать общую национальную идентичность и переводить общество в состояние самостигматизации. Негативные контр-идентичности обеспечивают доминирование такого механизма, нередко усиливаемого с помощью технологий фейк-ньюс и «цветных революций».

Групповые контр-идентичности образуются в связи с дифференциацией отношения граждан к различным инструментальным и терминальным ценностям народа, общественным благам и (в том или ином состоянии) присутствуют в обществе [14]. В разных странах есть особенности национального характера, способствующие возникновению групповых контр-идентичностей и их переходу в состояние разрушительной силы. У французов, по мнению В. Ж. д'Эстена, есть склонность к политике «*tabula rasa*» («выскабливать доску», «разрушать, потом реформировать») [10, с. 30–33]. Нечто подобное, по всей видимости, свойственно и российскому национальному характеру: «вечный пугачевский дух в народе» (Е. Т. Гайдар), «очередная пугачевщина» (А. С. Панарин). В XIX в. зародился российский анархизм, в XX в. подданные Российской империи в феврале 1917 г., а граждане СССР в 1989–1991 г. рушили фундамент своего государства. На основе подобных склонностей народного характера могут довольно быстро активизироваться негативные контр-идентичности, но для этого нужны дополнительные воздействия на массовое сознание и взгляды элит.

Контр-идентичности могут играть и позитивную роль в подготовке политико-психологических изменений, как в начальный этап советской «перестройки», но нередко перерастают в разрушительные формы [13]. В литературе «контр-идентичности» получают названия: «негативные идентичности» (Л. Гудков), «альтернативные» и «антагонистические» идентичности (В. Морозов). Подобные проявления трактуются как «артикуляционные практики, подрывающие стабильность гегемонической артикуляции и могущие привести к распаду государства» [19, с. 134]. Такие «внутренние идентичности, бросающие вызов существующему порядку», могут, как отмечает В. Морозов, «вытесняться за пределы страны» и «становятся частью анархической международной среды, из которой исхо-

дят угрозы внутреннему упорядоченному пространству сообщества» [19, с. 136]. Эмигрировавшие диссиденты обычно составляли важный элемент процесса внешней стигматизации своей бывшей родины.

В формировании негативных контр-идентичностей в СССР и переходе к самостигматизации важную роль сыграла политика «гласности», приведшая к явочному варианту отмены официальных ограничений. Формально начало проведению политики гласности положила 19-я Конференция КПСС в 1988 г. (законодательно цензура была отменена в 1990 г.). СМИ вводили новые форматы с участием аудитории. «Толстые» литературные журналы («Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Юность») начали в ускоренном порядке печатать не публиковавшихся ранее советских писателей, а также диссидентов, литераторов русского зарубежья, включая «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына. Демократическая общественность активизировала дискуссии («круглые столы») о «белых пятнах» советской истории. 2 октября 1987 г. начала вещание телепрограмма «Взгляд». Как правомерно отмечал Арчи Браун, уже в начале перестройки раздвинулись пределы возможностей в публичном дискурсе, а к весне 1989 г. официально санкционированная гласность трансформировалась в практически неограниченную свободу слова [5, с. 72]. Демократическая по своей сути реформа стимулировала в массовом сознании, непривыкшем к такому плюрализму, бурный рост негативных контр-идентичностей, что было использовано определёнными силами в КПСС и обществе для стигматизации и разрушения СССР.

О наступлении стадии самостигматизации свидетельствовали, в частности, факты неадекватной реакции руководства КПСС и общественности на статью Н. Андреевой «Не могу поступаться принципами» (газета «Советская Россия» от 13 марта 1988 г.), где выявлялись негативные проявления гласности. Характерно, что такая позиция рядового коммуниста, пусть и поддержанная определёнными партийными кругами и выраженная недостаточно корректно, вызвала резкое осуждение в Политбюро ЦК КПСС. Отвечающему в Политбюро за идеологию А. Н. Яковлеву было поручено написать разгромную статью в «Правде». По сути, был дан старт стигматизации Н. Андреевой и её сторонников. Кроме того, в «журнальной войне» между изданиями либерального и патриотического направлений последние («Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник») были также фактически стигматизированы.

Приобретение контр-идентичностями радикальной политико-психологической направленности по мере их умножения и ужесточения характеризует степень самостигматизации, приближающую наступление состояния массового сознания, близкого к социальному «взрыву». Это сопровождается политическими изменениями: дифференцирующиеся групповые контр-идентичности, становясь негативными, находят объединяющую идейную платформу и начинают противостоять государственной власти и поддерживающей её части общества. Повсюду на местах и в центре возникали неформальные объединения как очаги стигматизации КПСС и совет-

ской истории. В 1988 г. был создан Демократический союз, выступивший за ненасильственное изменение общественно-политического строя СССР. Осенью 1988 г. сформировались националистические объединения «Саюдис», Народный фронт Латвии, Народный фронт Эстонии. Их делегации приезжали в Москву, выступали в МГУ и на других площадках с лекциями и культурными программами, выражали поддержку «перестройке», но взяли курс на антикоммунизм, антисоветизм, хотя по результатам выборов входили в Советы народных депутатов всех уровней, и подготовку к выходу из состава СССР. Л. М. Млечин писал: «Ранней осенью 1988 года я проехал по всей Прибалтике и был потрясен тем, что увидел: Литва, Латвия и Эстония бурлили и требовали независимости, а в Москве этого никто не замечал» [18]. Упор делался на «вскрытие» и драматизацию исторических травм, а также на разные аспекты (языковые, культурные, демографические) противоречий «коренных» жителей и приезжих. Чуть позднее на этот путь стал РУХ на Украине и ряд других движений в союзных и автономных республиках. Пришло состояние самостигматизации, поддерживаемое как стихийными протестами, так и манипулятивными технологиями, активистами, умело использующими особенности социального контроля за девиациями [21, с. 420].

С этой целью активно применяется в том числе негативизирующая политика памяти и историческая политика. Часть элит, особенно в республиках, нуждаясь в поддержке своих позиций, способствовала быстрому конструированию контр-идентичностей, подкрепляемых политизацией псевдоисторических мифов и противопоставляемых общей идентичности многонационального государства. Расширялись практики забвения, деконструкция смыслов исторических образов и понятий, а затем их «пересборка» для стигматизации нежелательного прошлого [15]. Результатом этого стало стирание сути исторических событий. В. Винокуров, анализируя результаты социологических опросов граждан зарубежных стран, отмечает, что большинство из опрошенных главными победителями нацистов считают американцев, а, например, британцы – и вовсе только себя. Ответы по отдельным странам выглядят следующим образом: Великобритания: 50% – британцы, 13% – русские, 9% – американцы; США: 47% – американцы, 12% – русские, 9% – британцы; Франция: 56% – американцы, 15% – русские, 11% – британцы; Германия: 34% – американцы, 22% – русские, 7% – британцы¹.

Самостигматизация и изменение массового сознания

Самостигматизация как политико-психологическое состояние означает, что массовое сознание граждан какого-либо государства деморализуется: снижаются самооценки людей и чувство национального

¹ Винокуров В. Провалы в памяти приводят к войне против памятников. Как бороться с лжецами и осквернителями праха // Независимое военное обозрение [сайт]. 29.09.2022. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2022-09-29/7_1208_monument.html (дата обращения: 22.09.2022).

достоинства, третируется собственная культура, и особенно патриотизм. Если для индивидуального сознания можно применить термин «когнитивный диссонанс» (стресс, переживаемый в связи с острыми противоречиями убеждений или веры), то в отношении массового сознания больше подходит именно термин «самостигматизация», когда для преодоления обостряющихся противоречий стигма направляется против своего опыта, своей веры или убеждений, против истории и идеологии страны. Граждане некритично подходят к утверждениям о неполноценности своих государственных деятелей, уничижительно оценивают периоды истории, цивилизацию и культуру своих народов в отрыве от общего исторического контекста.

В поздней «перестройке» стигматизация больших отечественных нарративов (истории и идеологии), а также всех несогласных с такой недооценкой и «очернением», парализовала историческую память и загоняла в «интеллектуальную резервацию» альтернативные оценки. А мышление правящих элит впадало в идеализм, романтично-утопичное состояние, оставляя свой народ в заложниках анархизма, нигилизма и экстремизма. Так было в 1917 г. в России накануне и после Февральской революции, когда начались бунты солдат, крестьян, были парализованы транспорт и промышленность, национальные окраины устремились к независимости, и всё это при забвении духовных и материальных достижений 1000-летней российской цивилизации. «...Субъективно – взрывоопасная ситуация: все традиции, сознательные и бессознательные формы легитимности, позволяющие смягчать социальные конфликты, уничтожаются, вся структура общества воспринимается как незаконная...» – так Е. Т. Гайдар характеризовал массовое сознание перед Февральской революцией 1917 г. [6, с. 28].

Нечто подобное в СССР отмечалось к концу «перестройки». Начинались насильственные конфликты как следствие усиления негативных контр-идентичностей, обнажая преддверие духовной и материальной разрухи. Отдельные учёные характеризовали это состояние как «опаснейший тип идеологического заболевания», «идеологический синдром, поразивший... большую часть общества»: «Такой синдром, возникший в результате осознания своего общества как заведомо третьего-сортного, проигравшего другому, более сильному, осознания, происходящего внезапно и с силой психологического шока». Это было похоже на состояние, имеющее название «колониальный шок», хотя СССР и не был колонией [22, с. 53–54]. Позднее пришла разруха, война на Северном Кавказе и череда террористических актов. К такой крайней степени стигматизации («самостигматизации») и стихийно, и целенаправленно была подведена часть населения, хотя многие этого ещё не осознавали, на огромном пространстве СССР (1989–1991 гг.).

Влияния таких контр-идентичностей, объединённых идейной платформой радикальной оппозиции, вкупе с внешней стигматизацией, оказалось достаточно, чтобы парализовать власть, армию, правоохранителей, мобилизовать на неподчинение властям население в столицах

и крупных городах, включая русских в советских республиках. Как рассказывал в интервью литовский функционер А. Буткявичус, русские помогли сорвать операцию по восстановлению конституционного порядка в Вильнюсе в 1991 г. [26, с. 28–30]. Это – пример самостигматизации русских, которые потом назвали себя «обманутыми», хотя это было похоже на самообман. Г. Сапожникова напишет позднее о событиях в Вильнюсе 13 января 1991 г. так: «Подготовленный разоблачениями в “Огоньке” и обученный каяться, русский человек автоматически начинал чувствовать себя виноватым за любую смерть на планете. Спустя четверть века стало понятно, что к этой мысли его подводили целенаправленно» [26, с. 8]. Заниженная самооценка людей, а тем более значительной части народа бывшей великой державы, являлась серьёзной трагедией. А. С. Панарин отмечал: «Если же речь идёт о низкой самооценке целого народа, чувствующего себя неприкаемым изгоем цивилизации, опасность приобретает глобальный характер» [20, с. 259].

В социально-психологическом и политико-психологическом планах это состояние можно характеризовать как мотивационную катастрофу элит и обывателей, «фетишизацию» достижений других государств и «культивирование комплекса собственной неполноценности» [22, с. 54]. Как рекомендовали некоторые идеологи и политики «перестройки», в частности А. Яковлев, выход для советского, а затем и российского общества – покаяние за своё прошлое [28] («покаяние» – одна из важных характеристик самостигматизации). СССР ознаменовал таким состоянием сознания окончание «холодной войны».

Социально-психологическое состояние «беспамятства» и «смятения духа» подобных обществ превращает их в некий духовный «контейнеровоз» («что погрузят, то и повезём»). Политические организаторы стигматизации, добившись противостояния групповых идентичностей с национально-государственной идентичностью, могут «разбирать» и «пересобирать» состав контр-идентичностей, заполняя такой «контейнеровоз» конгломератом, разрушающим состоятельность государства. Создаётся духовная атмосфера, помогающая извне манипулировать массовым сознанием и режиссировать радикальные социально-политические изменения. «Разборка» и «пересборка» контр-идентичностей, вводящих общество в «сумрачное» состояние массового сознания, заказывается и корректируется по сценарию организаторов стигматизационного «спектакля».

Направления операционализации понятия

Описание такого состояния общества, объяснение механизмов данных процессов, а тем более переход к операционализации понятия «самостигматизация» заслуживают внимания социологов, социальных психологов и политологов. Операционализация в науке необходима для прояснения содержания нечётких понятий. «Стигматизация», а тем более «самостигматизация» относятся к таковым.

Для их операционализации может быть полезным политико-лингвистический инструмент – выделение терминов-маркеров, употребляемых в зарубежном политическом дискурсе и отечественных СМИ, на ток-шоу и митингах. Маркирование стигматизации в период поздней «перестройки» СССР (1989–1991 гг.) выделяет частое употребление определённых терминов. Р. Рейган применял термин «империя зла» (был заимствован из фильма «Звездные войны»), но распространялись термины «ГУЛАГ», «советская оккупация», «договор Молотова–Риббентропа» (термины, наиболее употребляемые в прибалтийских советских республиках и на Западной Украине), «отмена 6-й статьи Конституции СССР», «преступления КПСС» (из выступлений на митингах демократических движений). Показательно, что в заявлениях КПСС вместо понятия «классовые интересы» звучали «общечеловеческие ценности», но редко употреблялся термин «государственные интересы». Все чаще стали публиковаться материалы, стигматизирующие КПСС, советскую власть и отечественную историю. Частота упоминания подобных терминов, вынесение их в дискурс вокруг знаковых международных и отечественных событий в СССР и за рубежом может стать объектом контент-анализа и ивент-анализа.

Для исследования механизма перехода к самостигматизации, на наш взгляд, продуктивен эмпирический метод, который применили А. В. Радюк и К. Г. Девятникова, анализируя стигматизированные пресуппозиции, которые «оказывают наибольшее влияние на аудиторию в медийном дискурсе» в качестве «средства противопоставления категорий “свой” – “чужой”, где “чужие” зачастую описываются при помощи стигм, обращающихся к негативным пресуппозициям в сознании субъекта манипуляции...». Манипулятивный дискурс, выявленный данными авторами в популярных СМИ (The Guardian, The Times, CNBC, BBC, CNN, YouTube, Medium, blogspot.com, reddit.com.), обладает значительным потенциалом, дающим возможность «навязывать ложные представления об объекте, или путём добавления к этому объекту нерелевантных атрибутов, или путём импликации ложной пресуппозиции» [23, с. 46, 49–51].

Для изучения интенсивности стигматизации и перехода её в состояние самостигматизации важно выявить в качестве центрального объекта негативизации патриотические идеи и дискурс отечественного патриотизма. В этом отношении весьма показательна негативизация образа органов госбезопасности, полиции, армии, партий, общественных организаций и сограждан, поддерживающих правительство и существующий конституционный порядок. В отношении общества к патриотизму (на примере СССР, России, стран постсоветского пространства) может быть выявлена разная направленность негативных контр-идентичностей, хотя эти направленности пересекаются. Попытка преимущественно территориального подхода для выделения направленности таких контр-идентичностей недостаточно продуктивна, особенно для государств типа СССР, в силу тесного переплетения и переkreщивания союзного, субрегиональных и этнотерриториальных дискурсов идентичности.

Не отказываясь полностью от территориального подхода, мы разграничили изучение идентификационных процессов на «потoki» по измененным основаниям классификации: 1) по основанию «социальная дифференциация» – усиление негативных контр-идентичностей под лозунгом «несправедливое распределение общественных благ»: не только в территориальном и этнотерриториальном соотношении, но и социально-структурном (профессиональном, социально-демографическом, различия физического и духовного труда); 2) по основанию «восприятие терминальных ценностей» – контр-идентичности, отражающие дифференциацию общественных настроений по восприятию значения общего исторического наследия советского народа – исторических завоеваний, результатов социально-экономического развития и духовной культуры, русского языка.

Всё это сопоставлялось в массовом сознании с ценностями и уровнем жизни населения западных стран. Такие основания классификации также взаимно пересекаются, но их всё же удобнее различать.

1. Негативизация отношения к патриотизму вместе с дискурсом несправедливого распределения общественных благ стала стимулятором негативных контр-идентичностей, интенсивно стигматизирующих общесоюзную (федеральную, «имперскую») социальную политику «центра» и способствовала «разрыву» общенациональной государственной идентичности СССР, олицетворяющей плановую экономику и союзное управление. Каждый регион через своих народных депутатов стал публично и требовательно «тянуть одеяло от Москвы на себя». Союзной идентичности противопоставлялись территориальные (провинциальные, местные, региональные), а также этнонационалистические идентичности «провинций», а также субнациональных субъектов федерации. Обесценивалось значение таких общих благ, как союзная государственная безопасность, общественный порядок, территориальная целостность СССР, союзный бюджет, плановая экономика, советский конституционный порядок, трудовая и финансовая дисциплина.

Рост территориальных контр-идентичностей стимулировал антиведомственные региональные (местнические) настроения, исходящие из тезиса несправедливого распределения благ по территориям. Историк А. В. Шубин, характеризуя «перестройку», отмечал, что «антиведомственный курс» М. С. Горбачёва опирался на «местническую» составляющую (региональные кланы) и «рыночную» составляющую (усиление самостоятельности директорского корпуса), что привело в конечном счёте к «резкому усилению региональных кланов правящей элиты (особенно её «второго эшелона»), демонтажу отраслевой системы управления экономикой и росту самостоятельности хозяйственных субъектов при сохранении их монополистического характера» [24, с. 5, 26].

2. Уничжительное отношение к советскому патриотизму в связи с негативизацией исторических ценностей и заслуг, как Российской империи (в меньшей степени), так и особенно советского строя, особенно коммунизма и КПСС. Это – важнейший маркер самостигмати-

зации в «перестройке». Оживлялись исторические травмы, усиливаемые экспоненциальным ростом и переплетением этнонациональных и антикоммунистических контр-идентичностей у элит и части населения как в РСФСР, так и в советских республиках. Советский патриотизм причудливым образом отождествлялся в сознании людей со всеми издержками прошлого, ошибками и злоупотреблениями коммунистического (затем и посткоммунистического) режима, с их институтами и символами, политическими лидерами (правителями). Скепсис в отношении советского патриотизма коснулся даже, хотя и в меньшей степени, победы в Великой Отечественной войне и её героев. По данной причине советская (союзная) идентичность отторгалась при усилении негативных контр-идентичностей оппозиционных движений и социальных групп. Это во многом определяло наступление состояния самостигматизации. Такие контр-идентичности активизировались в сепаратистских настроениях в республиках СССР, а отчасти и в некоторых автономиях (1989–1991 гг.).

Советский и российский журналист Г. М. Сапожникова, много лет работавшая в республиках Прибалтики, отмечала негативный вклад в развал общесоюзной идентичности и негативизацию советского патриотизма Б. Н. Ельцина, «который после событий в Вильнюсе в 1991 г. срочно... подписал с элитами прибалтийских республик все договоры, которые “добивали” СССР; главный мотив был фронда с Президентом СССР М. С. Горбачёвым, ранее кровно обидевшим Ельцина». По мнению Г. М. Сапожниковой: «Он это сделал, чтобы продемонстрировать, что он – не Горбачёв. Что он лучше всех этих носителей советского менталитета – работников – заводов союзного подчинения, которые требуют гарантий своих прав и отчего-то не поют с умильными улыбками в общем хоре...» [26, с. 6].

Исследователи, отмечая негативные изменения массового сознания в СССР (России), особое внимание обращали на их последствия: «Горбачёвская революция породила в середине 1980-х годов ожидание социального чуда. <...> Революция 1991 года зашла недопустимо далеко в противопоставлении новых целей тому, что укрепилось в обществе, что его цементирует. Вакханалия раздачи собственности и правового беспредела, презрения ко всему советскому, скидывания с пьедесталов недавних кумиров (война с памятниками) – эти и другие зримые черты постсоветской России вновь затронули хрупкие механизмы передачи социального опыта от поколения к поколению: на место трудового героизма как особой ценности советского строя поднялись праздность и жажда легких денег, с потрясающим размахом было уничтожено уважение к труду» [7, с. 22].

Ивент-анализ проявления самостигматизации может особенно концентрироваться на ряде таких важных объектов, как центральные события «перестройки» – объявление «гласности» и Съезд народных депутатов СССР, а также республик и других территорий. Усиление и радикализация, выход негативных контр-идентичностей в публичное пространство советского общества начались особенно с начала «глас-

ности» и Съездов народных депутатов. Быстро усиливающийся антисоветский характер контр-идентичностей стал проявляться неравномерно по территориям, в целом можно взять как переломный рубеж 1989 г., когда этот процесс «набрал обороты» во время работы Съездов народных депутатов. Именно с заседаний I Съезда негативные контр-идентичности более явно проявились в чрезвычайно активизировавшихся мероприятиях против КПСС и СССР. Тем более Съезды народных депутатов усугубили трудности союзного государственного управления. В воспоминаниях очевидцев не случайно проявляются алармистские тональности в оценке деятельности I Съезда: «...А был ли смысл собирать это громоздкое властное образование? И не нахожу я ни одной позитивной причины. Ну разве что одну – народ выкричался. И всё. Лично у меня до сих пор ощущение, что я был свидетелем пожара. Огромного, всепожирающего, который при этом завораживает. Прекрасно знаешь, что беда, что горе людское, что гибнет имущество, а всё равно – чувство восторга от пламени. Первый съезд народных депутатов и был началом того катастрофического пожара, который вскоре смёл всё. Осталось лишь пепелище...» [1].

Маркером последствий советской самостигматизации является и отношение к таким объектам, как исторические памятники и предприятия-флагманы советской экономики. Предприятия-флагманы, например Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) – одна из основ экономической независимости СССР, стигматизировался как экологически чрезвычайно опасный фактор в выступлениях организации «Встречное движение» [11, с. 110]. Получалось, что справедливое выделение недостатков драматизировалось и серьёзно затрудняло управление крупными мероприятиями и народным хозяйством в целом. Выпячивались недостатки, забывалось, что ММК обеспечивал работой жителей не только Магнитогорска, но и региона, поддерживал всю инфраструктуру города и района, являлся опорой не только бюджета города, но и горно-металлургической промышленности Урала и всего СССР. Подобная однобокость выступлений представителей экологического движения, несмотря на справедливость ряда требований, свидетельствовала о состоянии самостигматизации общества и разрушении национально-государственной идентичности,

В республиках СССР особенно наглядно происходила метаморфоза местного патриотизма как основного содержания «перестроечных» негативных контр-идентичностей, которые усиливались радикальными идентитарными движениями. Начинались они как движения в поддержку «перестройки», но быстро перешли к нагнетанию республиканского национализма, обострению исторических травм. Из исторической памяти вымарывались значительные пласты истории народов: целью «национал-патриотов» было активизировать общественность, преподнести населению исторические факты и картины настоящего в том свете, который вызывает недовольство титульной нации, интересы которой не учитываются советской властью. Позднее это проявилось в демонтаже памятников сначала Ленину, затем всему, что связано с КПСС и советским периодом, дошло и до героев Великой Отечественной войны и даже

деятели царской России. В случае Украины, стран Балтии такой набор контр-идентичностей с антироссийским (антирусским) контентом становился доминирующим.

В XXI в. разрушительные негативные контр-идентичности, уже с жёстким антироссийским пафосом ярко проявились на Украине (2004 и 2014 гг.), в Молдавии (2009 и 2020 гг.), Белоруссии (2020 г.). И это выдаётся не только в качестве идей каких-то маргинальных националистических движений, но и правящих партий и государства. Радикальные контр-идентичности выражаются, например, под лозунгом «Україна понад усє!», «Бандера – наш герой!».

Даже в Белоруссии, где всегда бережно относились к памяти о Великой Отечественной войне, белорусские «змагары» (радикальное оппозиционное движение) в 2020 г. сформулировали вопрос: «Что делать с Белорусским государственным музеем истории Великой Отечественной войны в Минске после того, как будет свергнут президент Александр Лукашенко? Они посчитали, что этот музей уже не нужен: «Лучшим вариантом было бы перепрофилировать его “в музей оккупации и террора”... Пусть он показывает не планы грандиозных наступательных операций маршала Жукова и партбилеты политруков, а муки и пытки, которые терпели жители Белоруссии всех национальностей от нацистского, советского и лукашистского режимов» [цит. по: 27, с. 21]. 14 августа 2020 г. был осквернен обелиск «Минск – город-герой»; армия вынуждена была взять под свою охрану мемориал Победы и другие памятники.

Руководство и часть населения данных стран, как это особенно стало очевидно в 2022 г., пришли к состоянию особого варианта самостигматизации, наиболее яростно очерняя своё же прошлое, особенно советский период развития, все заслуги советских воинов в Великой Отечественной войне, достижения социалистического строительства. Разрушаются памятники, вымарываются подлинные исторические заслуги, переписывается своя и общая истории. И хотя такие националистические контр-идентичности находят выход в ненависти к России, они далеко не всегда способствуют консолидации наций, как это задумывали стигматизаторы. На Украине идёт особенный вариант самостигматизации, сопровождающейся глубоким разрывом общей национальной идентичности, чреватой гибелью тысяч людей, возрождением нацизма, а также впадением политического режима в полуколониальную (идейную, финансовую, военную) зависимость от США, НАТО, ЕС и доминированием внешнего управления.

Вместо заключения

Исследования массового сознания общества в период советской «перестройки», помогают ответить на вопрос, что даёт Западу его нынешняя жёсткая стигматизация России.

1. С помощью стигматизации обосновывается консолидированная жёсткая линия США и Великобритании на сдерживание России, включая блокирование взаимодействия по линии Россия – НАТО [8, с. 85–86].

2. Стигматизация помогает США и НАТО уменьшать число союзников России и тех, кто симпатизирует ей. Таковы были цели провокаций с отравлением Скрипалей, фейками о трагедии в Буче и др.

3. Когда трудно конкретизировать цели санкционной политики США для их косвенного оправдания, против России проводились мероприятия, способствующие её стигматизации, повышающие легитимацию санкций и расходы на вооружение, помощь кампаниям, проводимым НКО [32].

4. Стигматизация профессиональных групп, по долгу службы поддерживающих конституционный и общественный порядок (военные и правоохранители), создаёт предпосылки для интервенции «либерального мира» и смены курса страны-мишени.

5. Стигматизация становится средством гибридной войны, для чего, как раскрыл Н. Ренггер, её применяют как одно из нелиберальных средств, оказывающих воздействие, напоминая религиозное влияние [29; 30]. Таким образом стигматизация предстаёт как «война за идентичность», чтобы массовое сознание стигматизируемых стран комплиментарно воспринимало политику США.

6. Порядок, построенный с помощью стигматизации, включая её крайнюю стадию (самостигматизацию), «соединяет несоединимое»: демократию и примирение с нацизмом, преследование граждан по языковым признакам, террористическими актами, как это происходит на Украине [34].

Говоря об эффективности политики стигматизации Запада, отметим, что она оборачивается и обратной своей стороной – протестом ряда стран против навязываемых правил США, т. к. на месте России могут оказаться другие. При всей жёсткости стигматизации России большинство государств мира в той или иной форме воздерживается от присоединения к антироссийским санкциям. Несмотря на стигматизацию и санкции, Россия интегрировала Крым, помогла Беларуси в 2020 г., Казахстану в 2022 г. отстоять целостность государств, начала демилитаризацию и денацификацию Украины, приняла в состав России 4 новых субъекта, население которых на референдуме выразило соответствующее волеизъявление.

Но память о превращениях массового сознания и взглядов элит в «перестройке» СССР даёт Западу надежду на «повторение успеха», что при последовательной стигматизации России ближе к новым выборам Президента России удастся довести массовое сознание россиян до состояния самостигматизации и разрушить политический строй «непокорного государства». В таком сценарии «гибридной войны» стигматизация сочетается с новыми санкциями, возможными неудачами специальной войсковой операции на Украине, для чего Запад постоянно вооружает ВСУ

и посылает наемников. США надеются также на то, что на фоне негативной реакции граждан государств ЕС и англосаксонского мира военные жертвы и экономический спад в России расширят недовольство россиян, особенно членов семей военнослужащих и призывников, помогут активизировать НКО на вовлечение населения, особенно молодёжи, в акции сопротивления властям.

Стигматизация как средство «гибридной войны» против России увеличивает для США шансы на выживание своей экономики, сохранение мировой гегемонии США и доллара как доминирующей резервной валюты.

Ставка России в борьбе против стигматизации – сохранение консолидации общества, сохранение и совершенствование современной экономики и суверенного государства, а также российской цивилизации, формирование справедливого полицентричного миропорядка. Ситуация актуализирует выработку для Российского государства стратегии противостояния стигматизации и соответствующих технологий, нейтрализующих попытки разрушения национально-государственной идентичности.

Библиографический список

1. Андреев Н. Кремлевский митинг // Историк. Журнал об актуальном прошлом. URL: <https://историк.рф/posts/2019/05/24/kremlyovskij-miting.html> (дата обращения: 11.09.2022).
2. Арсентьева И. И. Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (2). С. 22–46. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46.
3. Батайкина С. В. Имидж государственной службы как социальный конструкт. Автореферат дис. ... канд. социол. н. Казань, 2009. 18 с.
4. Бовина И. Б., Бовин Б. Г. Стигматизация: социально-психологические аспекты (Часть 1) // Психология и право. 2013. Т. 3. № 3. С. 11–21.
5. Браун А. Горбачёв, Ленин и разрыв с ленинизмом // Полис. Политические исследования. 2007. № 6. С. 71–85. DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08.
6. Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.
7. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / Под общ. ред. Вал. А. Лукова. М.: Моск. гуманит. ун-т, 2013. 718 с.
8. Данилов Д. НАТО: Год «чёрного лебедя» // Год планеты: ежегодник. Экономика, политика, безопасность. Вып. 2017 г. / Под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьёва. М.: Идея-пресс, 2017. С. 76–88.

9. Дубровский В. Ю. Стигматизация и дестигматизация полиции: социологический анализ привлекательности служебной деятельности в цифровом пространстве // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33. № 2. С. 74–82. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82.
10. Д’Эстен В. Ж. Французы: размышления о судьбе народа / Пер. с фр. Г. А. Абрамова. М.: Ладомир, 2004. 246 с.
11. Золотухин М. В. История общественного экологического движения на территории Большого Урала (1987–2007 годы). Нижний Тагил, 2008. 170 с.
12. Иванова Н. Л., Петько Б. Б. Самоимидж государственных гражданских служащих: проблемы и факторы формирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 4. С. 141–166.
13. Капицын В. М. Глобализация и управление идентификациями: пролегомены к стратегии развития России // Ценности и смыслы. 2010. № 5(8). С. 68–83.
14. Капицын В. М. Идентичности: сущность, состав, динамика (дискурс и опыт визуализации) // PolitBook. 2014. № 1. С. 8–32.
15. Капицын В. М. Политизация этнических идентичностей // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / Под ред. П. А. Цыганкова. М.: Московск. ун-т, 2015. С. 143–165.
16. Комлев Ю. Ю. Теория стигматизации: генезис, объяснительный потенциал, значение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 2(24). С. 6–14.
17. Мартинович В. А. Стигматизация новых религиозных движений // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 73–81.
18. Млечин Л. М. Горбачёв и Ельцин. Революция, реформы и контрреволюция. URL: <https://history.wikireading.ru/410124> (дата обращения: 8.10.2022).
19. Морозов В. Е. Россия и другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: НЛО, 2009. 651 с.
20. Панарин А. С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 422 с.
21. Парсонс Т. О социальных системах / Под общ. ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. М.: Академ. проект, 2002. 832 с.
22. Постперестройка: концептуальная модель развития нашего общества, политических партий и общественных организаций. М.: Политиздат, 1990. 93 с.
23. Радюк А. В., Девятникова К. Г. Критический дискурс-анализ стигматизированных пресуппозиций в средствах массовой информации // Training, Language and Culture. 2020. № 4(1). С. 44–54. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-44-54.
24. Распад СССР. Документы / Сост. А. В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.

25. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). В 2-х т. Т. I. М.: Волтерс Клувер, 2009. 1120 с.; Т. II. М.: Кучково поле, 2016. 824 с.
26. Сапожникова Г. М. Кто кого предал. Как убивали Советский Союз и что стало с теми, кто пытался его спасти. М.: Комсомольская правда, 2016. 352 с.
27. Широкалова Г. С. Историческая память о Великой Отечественной войне: причины плюрализма // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 19–35. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709.
28. Яковлев А. Н. Омут памяти. От Столыпина до Путина: в 2-х книгах. М.: Вагриус, 2001. Кн. 1. 624 с.; Кн. 2. 480 с.
29. Chandler D. Bosnia: Faking Democracy After Dayton. L.: Pluto Press, 2000. 254 p.
30. Chandler D. Empire in Denial. The Politics of State-building. L.: Pluto Press, 2006. 221 p.
31. Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. 168 p.
32. Jenthleson B. Sanctions: What Everyone Needs to Know // Carnegie Endowment. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hSxPFCK-GqFw> (дата обращения: 16.09.2022).
33. Lemert E. M. Human deviance, social problems and social control. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, 1967. 277 p.
34. Mac Ginty R. International Peace-building and Local Resistance: Hybrid Forms of Peace. N.Y.: Palgrave MacMillan, 2011. 240 p.

Получено редакцией: 10.10.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Капицын Владимир Михайлович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии факультета политологии, МГУ имени М. В. Ломоносова;
старший научный сотрудник Отдела политической науки, ИНИОН РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3

EDN: PQWMDB

Stigmatisation as a Threat to National Identity (Lessons for the Present from the Past)

Vladimir M. Kapitsyn

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

INION RAS, Moscow, Russia

E-mail: kapizin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9693-6844

For citation: Kapitsyn V. M. Stigmatisation as a threat to national identity (lessons for the present from the past). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 45–66. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.3; EDN: PQWMDB

Acknowledgement. The study was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research (EISI) within the scientific project No. 122101100029-3 “State policy for the formation of national identity and patriotism in the context of the transformation of the modern world order: a comparative analysis”.

Abstract. The author explores the discourses of stigmatisation using the experience of the Soviet “perestroika”, Soviet, Russian and foreign materials, documents of the CPSU, Soviet bodies, public organisations and movements, eyewitness memoirs, media testimonies, personal memories. The content and mechanisms of stigmatisation as a process and means of struggle against the USSR and Russia are revealed, external and internal components of the stigmatisation process are highlighted. The state of mass consciousness in society and the views of elites, that are opposed to the national identity of the people and the state, are considered being a result of stigmatisation. The novelty of the study lies in the consideration of the mechanism of stigmatisation, that includes the formation of negative counter-identities and the state of mass consciousness, called “self-stigmatisation”. Counter-identities can accompany the social differentiation of society, the formation of various social (professional, ethnic, territorial) differences. But in the process of stigmatisation of state power, they acquire a negative character and can turn into a destructive force directed against national-state identity. Such strength, as documents and other evidence show, is achieved at the “extreme” stage of stigmatisation, when there is a “resonance” of its external and internal components, and the mass consciousness of society, the views of the elites go into a state of “self-stigmatisation”. As a result, the discourse of rejection of society’s values, its historical narrative (the achievements of the people, heroes of war and labour), the achievements of the present prevails, and historical traumas, insults, abuses, and mistakes of state power come to the forefront of mass consciousness. This is how the historical experience of society generations is depreciated. For millions of people, the meaning of the concepts of “service”, “heroism”, “oath”, “duty”, “citizenship” is lost, and at the same time the national-state identity is damaged. The conglomerate of negative counter-identities, united by a temporary ideological platform justifying the victory of the discourse of “new” values, takes priority. The article considers approaches to the socio-political and political-psychological study of the “extreme” stage of stigmatisation: linguistic terms-markers of “self-stigmatisation”, belittling the role of patriotism, orientation of stigma to certain spiritual and material objects (monuments of history and culture, domestic flagship enterprises, memory about the heroic deeds, labour achievements). The state of “self-stigmatisation” provides “breaks” in the national-state identity and can predetermine the victory of forces that are turning the political course into a “new” direction, that to some extent satisfies the “stigmatisers”. In conclusion, the tasks of stigmatisation as a means of “hybrid war” on the modern “round” of confrontation between Russia and NATO are considered.

Keywords: national-state identity, stigmatisation, self-stigmatisation, negative counter-identities, marker terms, objects of stigmatisation, patriotism, “hybrid war”

References

1. Andreev N. Kremlevskij miting [Kremlin rally]. *Istoriik. Zhurnal ob aktual'nom proshlom*. Accessed 11.09.2022. URL: <https://istorik.rf/posts/2019/05/24/kremlyovskij-miting.html> (in Russ.).
2. Arsentyeva I. I. Political Discourse on China’s Stigmatization in the Context of COVID-19 Pandemic. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2021: 14(2): 22–46 (in Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46.
3. Batajkina S. V. Imidzh gosudarstvennoj sluzhby kak social'nyj konstrukt [Public service image as a social construct]. Avtoreferat dis. ... kand. sociol. n. Kazan, 2009: 18 (in Russ.).
4. Bovina I. B., Bovin B. G. Stigmatizacija: social'no-psihologicheskie aspekty [Stigmatization: socio-psychological aspects] (Part 1). *Psihologija i pravo*, 2013: 3: 3: 11–21 (in Russ.).
5. Brown A. Gorbachev, Lenin and the break with Leninism. *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2007: 6: 71–85 (in Russ.) DOI: 10.17976/jpps/2007.06.08.
6. Gajdar E. T. Gosudarstvo i jevoljucija [State and evolution]. Moscow, Evrazija, 1995: 206 (In Russ.).
7. Gosudarstvennaja molodezhnaja politika: rossijskaja i mirovaja praktika realizacii v obshhestve innovacionnogo potenciala novyh pokolenij [State youth policy: Russian and world practice of implementing the innovative potential of new generations in society]. Ed. by Val. A. Lukov. Moscow, Mosk. gumanit. un-t, 2013: 718 (in Russ.).
8. Danilov D. NATO: God «chernogo lebedja» [NATO: The Year of the “Black Swan”]. God planety: ezhegodnik: jekonomika, politika, bezopasnost', 2017 g. [Year of the Planet: Yearbook. Economics, politics, security. Issue 2017]. Ed. by V. G. Baranovskij, Je. G. Solov'jov. Moscow, Ideja-press, 2017: 76–88 (in Russ.).

9. Dubrovsky Vladislav Yu. Stigmatization and destigmatization of the police: a sociological analysis of the profession appeal. *Trud i social'nye otnoshenija*, 2022: 33: 2: 74–82 (in Russ.). DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-2-74-82.
10. D'Jesten V. Zh. Francuzy: razmyshlenija o sud'be naroda [The French: reflections on the fate of the people]. Transl. from Fr. by G. A. Abramova. Moscow, Ladimir, 2004: 246 (in Russ.).
11. Zolotuhin M. V. Istorija obshhestvennogo jekologicheskogo dvizhenija na territorii Bol'shogo Urala (1987–2007 gody) [The history of the social ecological movement in the territory of the Greater Urals]. Nizhnij Tagil, 2008: 170 (in Russ.).
12. Ivanova N. L., Petko B. B. Selfimage of public civil servants: the features and factors. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija*, 2020: 4: 141–166 (in Russ.).
13. Kapitsyn V. M. Globalization and government of identifications: prolegomena to strategy of development of Russia. *Cennosti i smysly*, 2010: 5(8): 68–83 (in Russ.).
14. Kapicyн V. M. Identichnosti: sushhnost', sostav, dinamika (diskurs i opyt vizualizacii) [Identities: essence, composition, dynamics (discourse and visualization experience)]. *PolitBook*, 2014: 1: 8–32 (in Russ.).
15. Kapicyн V. M. Politizacija jetnicheskikh identichnostej [Politicization of ethnic identities]. «Gibridnye vojny» v haotizirujushhemsja mire XXI veka. Ed. by P. A. Cygankov. Moscow, Moskovsk. un-t, 2015: 143–165 (in Russ.).
16. Komlev Ju. Ju. Teorija stigmatizacii: genezis, objasnitel'nyj potencial, znachenie [The theory of stigmatization: genesis, explanatory potential, meaning]. *Vestnik Kazanskogo juridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2016: 2(24): 6–14 (in Russ.).
17. Martinovich Vladimir A. Stigmatization of new religious movements. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologija*, 2017: 1: 73–81 (in Russ.).
18. Mlechin L. M. Gorbachev i El'cin. Revoljucija, reformy i kontrrevoljucija [Gorbachev and Yeltsin. Revolution, reforms and counter-revolution]. Accessed 8.10.2022. URL: <https://history.wikireading.ru/410124> (in Russ.).
19. Morozov V. E. Rossiya i drugie: identichnost' i granicy politicheskogo soobshhestva [Russia and others: Identity and boundaries of the political community]. Moscow, NLO, 2009: 651 (in Russ.).
20. Panarin A. S. Filosofija politiki [Philosophy of politics]. Moscow, Novaja shkola, 1996: 422 (in Russ.).
21. Parsons T. O social'nyh sistemah [About social systems]. Moscow, Akadem. proekt, 2002: 832 (in Russ.).
22. Postperestrojka: konceptual'naja model' razvitija nashego obshhestva, politicheskikh partij i obshhestvennyh organizacij [Post-Perestroika: a conceptual model of the development of our society, political parties and public organizations]. Moscow, Politizdat, 1990: 93 (in Russ.).
23. Radjuk A. V., Devjatnikova K. G. Kriticheskij diskurs-analiz stigmatizirovannyh presuppozicij v sredstvah massovoj informacii [Critical discourse-analysis of stigmatized presuppositions in the mass media]. *Training, Language and Culture*, 2020: 4(1): 44–54 (in Russ.). DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-1-44-54.
24. Raspad SSSR. Dokumenty [The collapse of the USSR. Documents]. Sost. A. V. Shubin. Moscow, IVI RAN, 2006: 286 (in Russ.).
25. Raspad SSSR: dokumenty i fakty (1986–1992 gg.) [The collapse of the USSR: documents and facts (1986–1992)]. In 2 vol. Vol. I. Moscow, Volters Kluver, 2009: 1120; Vol. II. Moscow, Kuchkovo pole, 2016: 824 (in Russ.).
26. Sapozhnikova G. M. Kto kogo predal. Kak ubivali Sovetskij Sojuz i chto stalo s temi, kto pytalsja ego spasti [Who betrayed whom. How the Soviet Union was killed and what happened to those who tried to save it]. Moscow, Komsomol'skaja pravda, 2016: 352 (in Russ.).
27. Shirokalova G. S. Historical memory of the great patriotic war: reasons for pluralism. *Vestnik instituta sotziologii*, 2021: 12: 2: 19–35 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.709.
28. Jakovlev A. N. Omut pamjati. Ot Stolypina do Putina [A pool of memory. From Stolypin to Putin]. In 2 book. Moscow, Vagrius, 2001. Book 1: 624; Book 2: 480 (in Russ.).
29. Chandler D. Bosnia: Faking Democracy After Dayton. London, Pluto Press, 2000: 254.
30. Chandler D. Empire in Denial. The Politics of State-building. London, Pluto Press, 2006: 221.

31. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York, Prentice-Hall, 1963: 168.
32. Jenthleson B. *Sanctions: What Everyone Needs to Know*. *Carnegie Endowment*. Accessed 16.0.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hSxPFCKGqFw>
33. Lemert E. M. *Human deviance, social problems and social control*. Englewood Cliffs, New York, Prentice-Hall, 1967: 277.
34. Mac Ginty R. *International Peace-building and Local Resistance: Hybrid Forms of Peace*. New York, Palgrave MacMillan, 2011: 240.

The article was submitted on: October 10, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir M. Kapitsyn, Doctor of Political Sciences, Professor,
Professor of the Department of Comparative Political Science,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
Senior Researcher of the Department of Political Science, INION RAS

ТЕМА НОМЕРА

ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.4

EDN: WMVVSN

Темпоральность травмы (размышляя о книге Ж. Т. Тощенко)¹

Ссылка для цитирования: Ярская-Смирнова В. Н. Темпоральность травмы (размышляя о книге Ж. Т. Тощенко) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 67–77. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.4; EDN: WMVVSN

For citation: Yarskaya-Smirnova V. N. Temporality of trauma (reflecting on the book by Zh. T. Toshchenko). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 67–77. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.4; EDN: WMVVSN

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна¹

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Саратов, Россия

yarskayasmirnovavn@sstu.ru

AuthorID ПИНЦ: 492144

Аннотация. Данная статья знакомит читателя с размышлениями о фундаментальном научном издании Ж. Т. Тощенко. Осуществляется разъяснение пересечения дискурсов исторического времени и социальной травмы как пока ещё слабо исследованного феномена реальности. Детально анализируются все разделы книги, выполненные в форме круглого стола с учёными, подключившимися к тематике обсуждаемой монографии. Показан интерес Тощенко к детализации концептуального аппарата книги, его стремление раскрыть концепции, парадигмы, теории и дефиниции, интегрируя скрупулезность в разборе случаев и примеров с обобщением мировой и отечественной истории. Статья содержит анализ раскрытия в монографии категорий прогресса, эволюции и революции, определения родовых и специфических черт общества травмы в отсутствие стратегии развития и государственной идеологии. В унисон с новым бестселлером статья даёт пример революции в дискурсе преломления времени отечественной истории как пёстрой нелинейной темпоральности 1917 г. и всего XX в. Выявлено драматическое травмирующее пересечение исторического времени событием революции, взбудоражившей мировое сообщество и перевернувшей устоявшуюся систему социальных координат. В статье подчёркнут вывод о русской травме как результате исторических потрясений, обнаживших кризис цивилизации, отношения России и Запада, народа и интеллигенции, власти и общества. Темпоральный поворот оказывается для понимания концепции травмы общества полезным инструментом, оказав-

¹ Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.

шимся в тренде современных научных направлений. Статья снабжена дополнительными примерами травматических событий и случаев оптимизации в российском образовании и здравоохранении. Монографические выводы касаются преодоления травмированности общества средствами достижения стратегической цели развития – социальной справедливости, решения социальных проблем, устранения неравенства и мобилизации творческого потенциала. Статья раскрывает достоинства монографии, включая междисциплинарность и универсальность, оригинальные аналитические перспективы и концептуальные возможности. В статье также содержатся рекомендации для университетов: содержание книги достойно стать основой спецкурса для студентов и аспирантов.

Ключевые слова: социальная травма, эволюция, революция, темпоральность, нелинейность, оптимизация, прекариат, неравенство, структуризация

Академическое сообщество получило очередной незаурядный и животрепещущий интеллектуальный подарок: вышла ещё одна книга Ж. Тощенко (далее – Автор) «*Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа)*» [11]. Уже по названию книги видно пересечение дискурсов исторического времени и малоизученного социального феномена травмы. Мы живём не сказать, чтобы исключительно в счастливое время, но целеустремленное и порой даже успешное, «склонны ассоциировать временность с линейной последовательностью, а потому история представляется нам как движение в видимом направлении, подверженном непрерывным изменениям» [4]. Сама идея времени может быть проанализирована не только в качестве атрибутивного свойства социальной реальности, но и в контексте переживания травмированной идентичности и нравственности: в любой темпоральности что-то вдруг мешает сказать, что мы всем довольны, наступает время очередного разочарования.

Книга состоит из четырёх разделов, 13 глав, Введения, раздела Вместо заключения, посвящённого круглому столу Научного совета ООН РАН, отдельных библиографических списков по главам и общей библиографии книги. Возникает желание пообщаться с нашим Автором, с первых же страниц он, кроме равнодушия к теме, раскрывает свою традиционную любовь к концептуальному аппарату. Мы лишь присоединяем темпоральный поворот как полезный для понимания концепции Автора инструмент, оказавшийся в тренде современных научных направлений [7; 9; 19].

Во Введении показано: несмотря на существенные различия, некоторые страны объединяют кардинальные политические потрясения, стагнация, упадок экономики, рецессия, стратегическая неопределенность. И это не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии. Автор раскрывает родовые и специфические черты общества травмы по признакам отсутствия ясной стратегии развития, государственной идеологии, созидательных общественных сил; наступления экономической деградации и социального неравенства;

неучастия в политической жизни, взаимопереходов властных ресурсов и капитала; негативного отношения к прошлому либо архаизации этноконфессиональных патриархальных ориентаций. Россия также олицетворяет собой травмированное общество, которому присущи взаимоисключающие ориентации и установки.

Раздел первый «Теоретические основания исследования общества травмы» Автор посвятил концептуальному аппарату своего исследования: определение общества травмы, эволюция идей, превращение феномена травмы в социальное понятие, дефиниция «общество травмы» в деформированном состоянии как третья модальность наряду с эволюцией и революцией. Рассмотрены классификация и характеристики признаков, роль образования, роль либеральной политики, анализ стран и родовых черт общества травмы. Симптомы стресса переходят в посттравматические расстройства, травма – не единовременное событие, но темпоральный процесс отношения людей к прошлому, настоящему и будущему. Категории прогресса, эволюции и революции, демократического и авторитарного пути развития сопровождают нас со школьной скамьи на протяжении жизненного пути. Мы живём по законам линейного времени, но повседневное время ускоряет свой бег [14, с. 66–71], теряя линейность. Стабильность равномерности времени оказалась в прошлом, в ситуации глобальной нелинейности, дискретности темпоральность приобрела характеристики травмы. Расшифровка символа времени стала выражением иерархии неразрешимых конфликтов, непрерывной борьбы и деструкций, в каждом событии – символ нелинейности, индивидуализации, независимости [20].

В унисон с новой монографией находим пример революции в дискурсе преломления времени отечественной истории как пёстрой, нелинейной темпоральности 1917 г. и всего XX в. Речь о драматическом травмирующем пересечении исторического времени ярким событием Великой русской революции, взбудоражившей мировое сообщество и перевернувшей устоявшуюся систему социальных координат. Проявились социальная неустроенность, жестокость и воинственность, падение нравов – революция предстала временем, сжатым как пружина, сплетенным воедино трагическим пучком темпоральностей, враждебных, деструктивных, стремящихся уничтожить друг друга [18, с. 271]. Февральское время 1917 г., сместив самодержавие, стремилось создать либеральную республику, но темпоральность Октября спровоцировала государственный переворот, свержение Временного правительства, породив травму революции. В условиях катастрофического поражения в Первой мировой войне, усиления гражданского противостояния исторической миссией времени становится создание конфликтов. В итоге русская травма – результат исторических потрясений, подорвавших веру в прогресс, обнаживших цивилизационный кризис: отношения России и Запада, народа и интеллигенции, власти и общества. *Огромное число ненужных жертв замедляют, останавливают темпоральность общества; жизнь замирает, отбрасывая в прошлое привычные политические режимы, деспотические*

правления [18, с. 272]. Время революции предстало не безразличным и равнодушным фоном, на котором разворачивается история, а живым мониторингом травмы социально-политической жизни, началом утопических проектов большевиков и левых партий. Новыми чертами времени стали иррационализация, деконструкция и децентрализация, амбивалентность ценностей, неопределенность.

Революционные процессы стали осевым временем истории, повторяющихся промежутков времени [8, с. 213, 573–630]. Наступает рост национал-патриотических настроений, морального запустения, фантомный мир, колеблющийся, ускользающий, с неопределённостью перспективы общественных и личных интересов [12; 18]. Организацией типа культуры хаоса и деморализации снова становится линейная темпоральность [6, с. 261–292], включенность в господство централизации, недружелюбной версии времени. Семиотика войны проникает в повседневность, интеллектуалов пугает неконтролируемый технический прогресс, разрушительное оружие, нагнетание нетерпимости между народами, лицемерие правящих кругов, падение «культурной Европы» в глубины варварства. Турбулентность дискретного, неравномерного времени приводит к нарушению морали и порядка, хронической нестабильности, *страха перед временем* [1, с. 36]. Общество, страна учатся жить с травмой, не вытесняя ее, оставляя в судьбе социальной жизни: в широком контексте следует говорить о травме и темпоральности не отдельных людей, а социальных институтов и коллективов. В период травмы компоненты социума находятся в различных темпомирах, их развитие относится к исторически разному времени [5; 15; 16], деформированные процессы отражают травму общества. В книге говорится о странах нестабильного развития и характере экономических, социальных, политических и культурных отношений государств, где характерны стагнация или рецессия, неустойчивость институтов, непрерывность конфликтов, акты этноконфессионального насилия, бедность, неравенство. Специфические черты – утрата политической самостоятельности, влияние либерализма.

Раздел второй «Основные проявления травмы в российском обществе». Автор раскрывает оппозиционные установки, националистические, антиглобалистские настроения, отчуждение как деформации социальной жизни, низкое качество здравоохранения, толерантности, личной безопасности и постоянные реформатизации политического пространства. Происходит реальная реструктуризация среднего класса, которая ведёт к вымыванию профессионалов, деятельной опоры общества. Между тем Автор ссылается на Н. Тихонову: *в общественном мнении положение и образ жизни среднего класса (не элиты) играет роль образца. Если на его положение продолжается ориентация, то это доступный и наглядный пример согласования интересов государства и человека* [11, с. 120]. Однако некоторые социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, сегодня лишены правовых гарантий и социальной защиты, перспективам гражданской и личной жизни. Бедность породила

деформацию общественной структуры, в отсутствие научнообоснованной социальной политики появилось принципиально новое классовое образование – прекариат [13], показатель травмированного общества. Неустойчивое положение социальных групп без перспективы улучшения благосостояния делает российский социум обществом травмы, сокращает устойчивую социальную базу государственной власти, подрывает сбалансированное развитие и доверие к социальным и политическим институтам.

Длящееся, обманчивое, неустойчивое, замедленное, переменное, идущее вперед, взрывчатое [21, с. 37] – эти оттенки времени можно обнаружить на разных этапах жизни не только отдельного индивида, но и страны в целом. Когда проявится политическая воля ввести прогрессивный налог и ставку на дивиденды, то регионы покинут ранг дотационных. В общественной жизни возросла потребность социальной справедливости, социалистическая идеология стала частью сознания советских людей, но возникли и враждебные взгляды, которые послужили геополитической катастрофе – краху Советского Союза, советского общества. Идеология могла бы играть стабилизирующую роль в темпоральности государства и общества, целей развития в связи с научной картиной мира, понимании средств достижения провозглашенных целей в политической, социальной борьбе. Однако многообразие времени общества теряет своё содержание: отказом от официальной идеологии общественному сознанию нанесена травма, утрачены ориентирующие идеи как атрибут эффективной власти и время как фактор развития исчезает. В сочетании генерирующих позиций наш Автор получает формулировку *Идеологическое безвременье как характеристика общества травмы*. На заседании Научного совета¹ проф. В. Н. Бобков в докладе об универсальном базовом доходе как шансе для России так и не смог до конца убедить собравшихся в своей идее именно потому, что не учёл травматичный характер российской реальности.

Затем критикуется монетаризм Чикагской школы неолиберализма, полагающий определяющим фактором развития экономики, по М. Фридману, количество денег в обращении и ограничение регулирующей роли государства в саморегуляции рыночной экономики. Монетаризм в России в его классическом варианте не использовался, но, по мнению Автора, именно непродуманный вклад либеральной экономики привёл к утрате российской перспективы, многолетней стагнации и рецессии.

В Разделе третьем «Социальный и человеческий капитал в обществе травмы» наш Автор рассматривает состояние и тенденции формирования социального и человеческого капитала общественной и повседневной жизни общества травмы – образование, наука и здравоохранение. Сожалеет о состоянии неопределённости будущего, несмотря на широковещательные утверждения. Отказ от официальной идеологии привёл к потере ориентиров, хотя реальная ситуация требует четкой стратегии, средств и методов развития, иначе Россия не выйдет из травмы. Круг автор-

¹ Подробнее: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=11944

ских вопросов широк: какой путь прошло российское образование, его отличительные черты, истоки, социальные и культурные детерминанты. Образование – сфера достижения и удовлетворения блага общества, фактор истории, формирующий социокультурный контекст, настроения, социальный ландшафт, обеспечение творчества, свободы поиска, раскрытие интеллектуального потенциала. Общество не может быть более развитым, чем его образование, но с ростом платных услуг определена *оптимизация*, неоднозначные слияния, увеличение учебной нагрузки, ликвидация вузов, кафедр, колледжей и школ, сокращение профессорско-преподавательского состава и диссертационных советов. Автор прав, заметна прекаризации труда преподавателей: быть профессором неинтересно, непрестижно, накладно в условиях зависимости от руководства вуза.

Пример нестоличного вуза концептуально и темпорально подтверждает позиции Автора. В конце 1980-х проведена широкая гуманитаризация технического образования в Саратовском Политехе, а в начале 1990-х стартовал процесс профессионализации социальной работы, социального феномена с новым обращением к человеку. В СГТУ появилась первая кафедра социальной работы в Поволжье, открыли другие гуманитарные кафедры и специальности, бакалавриат и магистратуру, аспирантуру, докторантуру, диссертационный совет: за 23 года успешной работы защитили по социальным темам более 400 кандидатских и докторских диссертаций, совет получил высокую оценку ВАК, в научной школе социологии и социальной работы выросли известные учёные и общественные деятели. Однако в одночасье настигшей *оптимизации* кафедры сократили, диссертационный совет закрыли, ректор приступил к увольнению молодых докторов наук, уничтожению Научной школы. Нанесена неизлечимая травма педагогам, ученым, образованию. Не являются ли эти действия продолжением политики соответствия *направлений обучения и названия вуза* федерального руководства, от ошибок которого затем отказались и якобы вновь поддерживают социальные составляющие в техническом образовании? Линейный набор категорий не в состоянии выразить трагический опыт в индивидуальном и в коллективном измерении: ускорение либо замедление времени – результаты неравномерности и зависимости от места и эпохи [2]. Оставшиеся после увольнения молодых докторов и кандидатов наук, всего несколько человек, продолжают исследовательскую и преподавательскую работу с огромной нагрузкой, мелочной регламентацией и разбухшей отчётностью.

В итоге состояние отечественного образования характеризуется Автором как травмированное, меры оптимизации его не продвинули, а дезорганизовали процесс подготовки интеллектуального потенциала. Федеральным чиновникам невдомёк, что университетское инженерное образование имеет ценность не только в техническом прогрессе: его смысл – улучшение качества жизни, безопасности общества. Неразрывно с образованием как системообразующим фактором общества, государства, в русле новой культурной парадигмы формируется институт науки, гарантирующий достижение успеха в социальных и культурных преоб-

разованиях. Автор придаёт этому аспекту особое значение, упоминая концепцию научных революций Т. Куна, утверждая, что российской науке нанесён ущерб нарушением преемственности: *выкосили целое поколение учёных*. Та же политика привела к разрыву темпоральности, закрытию научных школ, лишению права академического сообщества определять приоритеты исследований, ухудшилась социальная структура кадров за счёт ухода талантливых специалистов.

В Разделе четвёртом «Возможно ли будущее у нестабильных стран?» Автор утверждает, что общество травмы не вечно, но социальные последствия – это новое качество социального неравенства, турбулентность и уменьшение справедливости. На первый план выходят этнонациональные и конфессиональные конфликты, приобретая политический оттенок, уменьшая гуманизм и терпимость. И понятие пространственно-временной дистанциации отвергает независимость от времени и места универсальных социологических законов: концепция структуризации [3, с. 40–72; 4] исходит из истории, из того как социальные системы осваивают время. Тревожность общества травмы имеет основу: политическая власть не отражает позиции большинства, ориентируется на интересы бюрократии и богатых слоев. Если в Китае – соединение планирования с рыночной экономикой, то в России структуры управления и коррумпированной бюрократии несовместимы с инновационной экономикой. Нужны институциональные и разнообразные регламентирующие меры, субъективная нацеленность должна стать национальной идеологией для большинства в официальном и личностном плане. Полезна в том числе артикуляция российской и советской темпоральности [7].

Время и отношение к историческим событиям обеспечивают для современных групп людей не только вертикальную поколенческую связь, но и связь политическую, эмоциональную [10, с. 261–262]. Автор напоминает, что состояние травмы не обошло и здравоохранение: процесс оптимизации привёл к сокращению и увеличению нагрузки персонала, ухудшению условий труда, неудовлетворённости населения качеством медицинских услуг. Разрыв между уникальными операциями и состоянием муниципальной медицины более половины россиян считают катастрофическим. Выводы Автора касаются преодоления травмированности общества средствами достижения стратегической цели развития – социальной справедливости, решения социальных проблем, устранения неравенства; мобилизации творческого потенциала; влияния оппонированных сил и открытости инициаторов преобразований, введения прогрессивной шкалы налогов. Преодолеть отставание в сфере науки и технологий, системы управления, роли общества и повышении влияния образования.

Вместо заключения предложен круглый стол¹. Отсутствие в обществе травмы созидательных сил, олицетворяемых *коллективным агентством*, отсутствие либо гипертрофия национальной специфики и наличие взаимоконвертации ресурсов власти и капитала. Наряду с анализом

¹ См.: Макаров Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (круглый стол) // Социологические исследования. 2019. № 6. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250005477-7.

социальных препятствий необходимы политические и экономические меры по преодолению стагнации и рецессии, экспертные идеи по выходу из травмы, неопределённости. Главным общественно полезным мотивом полагает не прибыль или власть, а креативную службу. На круглом столе дана оценка способности Автора создавать полезные для научного понимания общества метафоры – впечатляющая и ёмкая метафора «Общество травмы»; озвучена необходимость повышения нравственно-правовой культуры и способности синергично-сложных ответов, формирования СМИ травматического дискурса темпоральности, меняющего долговечность гуманизации научного знания.

В книге присутствуют истинные междисциплинарность и универсальность, формирующие оригинальные аналитические перспективы и концептуальные возможности. Каждую предложенную научную категорию, каждое положение Автор всесторонне, буквально энциклопедически анализирует, одновременно его аналитика не равнодушна, не закрыта от его сердца и души, и это читатель видит с первых до последних страниц книги. Хотя любая оценка создавшего собственную концепцию анатомии травмы учёного окажется на этом фоне лишь поверхностным суждением, однако само содержание книги вполне достойно её рекомендации и в качестве спецкурса студентам и аспирантам университетов.

Библиографический список

1. Амбарова П. А. Страх перед временем: социокультурные смыслы и стратегии преодоления // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Мат. IV Всеросс. социол. конгресса. Уфа: РОС, 2012. С. 7649–7655.
2. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / Пер. с фр. Л. Кубель. М.: Прогресс, 1992. 368 с.
3. Гидденс Э. Элементы теории структурирования // Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. Новосибирск: Новосиб. ун-т, 1995. С. 40–72.
4. Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структурирования. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2005. 528 с.
5. Кравченко С. А. Модерн и постмодерн: «старое» и новое видение // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 24–34.
6. Макнотен Ф., Урри Д. Социология природы // Теория общества / Ред. А. Ф. Филиппова. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. С. 261–292.
7. Орлова Г. А., Балахонская М. Н., Берлов А. А. и др. 1934-й. К археологии «нашего времени» // Вестник Пермского университета. Сер.: История. 2022. Т. 57. № 2. С. 83–104. DOI: 10.17072/2219-3111-2022-2-83-104; EDN: RWVTER.

8. Рикёр П. Память, история, забвение. Французская философия XX века. М.: Гум. лит-ра, 2004. 728 с.
9. Темпорализм социальной реальности пандемии: общественное настроение, дискурсы и опыт / Ред. В. Ярская-Смирнова, Е. Ярская-Смирнова. М.: Вариант, 2022. 380 с.
10. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука 2003. 544 с.
11. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.
12. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 543 с. (Сер. «Magister»)
13. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу / ИС ФНИСЦ РАН, РГГУ. М.: Наука, 2018. 350 с.
14. Троицкий С. А. Ускорение времени // Философия старости: геронтология. Сб. мат. конф. СПб.: СПбБФО, 2002. С. 66–71.
15. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: НЛО, 2005. С. 16–50.
16. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
17. Ярская В. Н. Историческое время фантомов // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 2. С. 283–293.
18. Ярская-Смирнова В. Н., Ковалёв М. В. Темпоральность революции в дискурсе русской эмиграции // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 3. С. 269–286.
19. Ярская-Смирнова Е. Р., Ярская-Смирнова В. Н. Социальная работа в оптике темпоральности: идеи и подходы // Отечественный журнал социальной работы. 2022. № 2 (89). С. 10–23. EDN: ELVENU.
20. Fraser J. T. Time, Conflict, and Human Values. Urbana-Chicago: University of Illinois Press, 1999. 306 p.
21. Gurvitch G. The Problem of Time // The Sociology of Time / Ed. by J. Hassard. London: Macmillan, 1990. P. 35–44.

Получено редакцией: 23.02.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ярская-Смирнова Валентина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии, культурологии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.4

EDN: WMVVSJN

Temporality of Trauma (Reflecting on the Book by Zh. T. Toshchenko)

Valentina N. Yarskaya-Smirnova

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

E-mail: yarskayasmirnovavn@sstu.ru

ORCID: 0002-1504-3439

For citation: Yarskaya-Smirnova V. N. Temporality of trauma (reflecting on the book by Zh. T. Toshchenko). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 67–77. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.4; EDN: WMVVSJN

Abstract. This article introduces the reader to reflections on the fundamental scientific publication of Zh. T. Toshchenko. The intersection of the discourses of historical time and social trauma is explained as a still poorly studied phenomenon of reality. All sections of the book are analysed in detail, in the form of a round table with scientists interested in the subject of the monograph under discussion. The article shows Toshchenko's interest in detailing the conceptual apparatus of the book, his desire to reveal concepts, paradigms, theories and definitions, integrating scrupulousness in the analysis of cases and examples with a generalisation of world and national history. The article contains an analysis of the disclosure in the monograph of the categories of progress, evolution and revolution, the definition of generic and specific features of the society of trauma in the absence of a development strategy and state ideology. In unison with the new bestseller, the article gives an example of a revolution in the discourse of the refraction of time in Russian history as a motley non-linear temporality of 1917 and the entire 20th century. A dramatic traumatic intersection of historical time by the event of a revolution that shook the world and overturned the established system of social coordinates was revealed. The article emphasises the conclusion about the Russian trauma as a result of historical upheavals that exposed the crisis of civilisation, the relationship between Russia and the West, the people and the intelligentsia, power and society. The temporal turn turns out to be a useful tool for understanding the concept of trauma of society, that has come into trend of modern scientific directions. The article provides with additional examples of traumatic events and cases of optimisation in Russian education and healthcare. Monographic conclusions relate to overcoming the trauma of society by means of achieving the strategic goal of development – social justice, solving social problems, eliminating inequality and mobilising creative potential. The article reveals the merits of the monograph, including interdisciplinarity and universality, original analytical perspectives and conceptual possibilities. The article also contains recommendations for universities to create a special course for undergraduate and graduate students on the basis of the book's content.

Keywords: social trauma, evolution, revolution, temporality, nonlinearity, optimisation, precariat, inequality, structuring

References

1. Ambarova P. A. Fear of Time: Sociocultural Meanings and Strategies for Overcoming [Strakh pered vremenem: sotsiokul'turnyye smysly i strategii preodoleniya]. In *Sotsiologiya i obshchestvo: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development]. Mat. IV All-Russian. sociological congress. Ufa, ROS, 2012: 7649–7655 (in Russ.).
2. Braudel F. Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. T. 3: Vremya mira [Material civilization, economy and capitalism. XV–XVIII centuries. Vol. 3: Time of the world]. Transl. from French by L. Kubel. Moscow, Progress, 1992: 368 (in Russ.).
3. Giddens A. Elementy teorii strukturatsii [Elements of the theory of structuration]. In *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'yo, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk, Novosib. un-t, 1995: 40–72 (in Russ.).
4. Giddens A. Ustroyeniye obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [Organization of society: Essay on the theory of structuration]. 2nd ed. Moscow, Academ. Projekt, 2005: 528 (in Russ.).
5. Kravchenko S. A. Modern i postmodern: «staroye» i novoye videniye [Modern and Postmodern: “Old” and New Vision]. *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 2007: 9: 24–34 (in Russ.).
6. McNaughten F., Urry D. Sotsiologiya prirody [Sociology of nature]. In [Theory of society]. Ed. A. F. Filippova. Moscow, KANON-press-C, Kuchkovo pole, 1999: 261–292 (in Russ.).

7. Orlova G. A., Balakhonskaya M. N., Berlov A. A. et al. 1934. To the archeology of «our time». *Vestnik Permskogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2022: 57: 2: 83–104 (in Russ.). DOI: 10.17072/2219-3111-2022-2-83-104; EDN: RWVTER.
8. Ricoeur P. Pamyat', istoriya, zabveniyе. Frantsuzskaya filosofiya XX veka [Memory, history, oblivion. French philosophy of the 20th century]. Moscow, Gum. lit-ra, 2004: 728 (in Russ.).
9. Temporalism of the social reality of the pandemic: public mood, discourses and experience. Ed. by V. Yarskaya-Smirnova, E. Yarskaya-Smirnova. Moscow, Variant, 2022: 380 (in Russ.).
10. Tishkov V. A. Rekviyem po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii [Requiem for ethnicity. Studies in socio-cultural anthropology]. Moscow, Nauka, 2003: 544 (in Russ.).
11. Toshchenko Zh. T. Society of trauma: between evolution and revolution (the experience of theoretical and empirical analysis). Moscow, Ves Mir, 2020: 352 (In Russ.).
12. Toshchenko Zh. T. Paradoksal'nyy chelovek [Paradoxical man]. 2nd ed., rev. and addit. Moscow, UNITI-DANA, 2008: 543 (in Russ.).
13. Toshchenko Zh. T. Precariat: from protoclass to new class. Moscow, Nauka, 2018: 350 (in Russ.).
14. Troitsky S. A. Uskoreniye vremeni [Time acceleration]. In *Filosofiya starosti: gerontosofiya* [Philosophy of old age: gerontosophy]. Mat. of conference. St. Petersburg, SPbFO, 2002: 66–71 (in Russ.).
15. Halbvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. In *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Yevropa* [Memory of the war 60 years later: Russia, Germany, Europe]. Moscow, NLO, 2005: 16–50 (in Russ.).
16. Halbvaks M. Sotsial'nyye ramki pamyati [Social framework of memory]. Moscow, Novoye izd-vo, 2007: 348 (in Russ.).
17. Yarskaya V. N. Istoricheskoye vremya fantomov [Historical time of phantoms]. *Sotsial'nogumanitarnyye znaniya*, 2015: 2: 283–293 (in Russ.).
18. Yarskaya-Smirnova V. N., Kovalev M. V. The temporality of the revolution in the discourse of the Russian emigration. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2017: 10: 3: 269–286 (in Russ.).
19. Yarskaya-Smirnova E. R., Yarskaya-Smirnova V. N. Social work in the optics of temporality: ideas and approaches. *Otechestvennyy zhurnal sotsial'noy raboty*, 2022: 2 (89): 10–23 (in Russ.). EDN: ELVENU.
20. Fraser J. T. Time, Conflict, and Human Values. Urbana-Chicago, University of Illinois Press, 1999: 306.
21. Gurvitch G. The Problem of Time. In *The Sociology of Time*. ed. by J. Hassard. London, Macmillan, 1990: 35–44.

The article was submitted on: February 23, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina N. Yarskaya-Smirnova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, Saratov, Russia

МОЛОДЁЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.5

EDN: EMKLPS

Представление молодёжи о мерах противодействия пандемии COVID-19 (на примере Приморского края)

Ссылка для цитирования: *Марин Е. Б.* Представление молодёжи о мерах противодействия пандемии COVID-19 (на примере Приморского края) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 78–100. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.5; EDN: EMKLPS

For citation: *Marin E. B.* Young people assessment of measures to counteract the COVID-19 pandemic (on the example of Primorsky Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 78–100. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.5; EDN: EMKLPS

Марин Егор Борисович^{1,2}

¹Морской государственный университет им. Г. И. Невельского, Владивосток, Россия;

²Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

egor-marin@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 377935

Аннотация. В ходе исследования была проведена реконструкция представлений респондентов о трёх основных профилактических мерах борьбы с пандемией COVID-19: самоизоляции, масочном режиме и вакцинации, с применением анкетирования, интервью, ассоциативного эксперимента, а также частного семантического дифференциала. Как мы установили, наиболее эффективной мерой по борьбе с коронавирусом студенты считают самоизоляцию (71% опрошенных). Масочный режим студенты посчитали неэффективной мерой. Опрос показал весьма неоднозначное отношение молодёжи к вакцинации от коронавируса. В той или иной мере неэффективной считают эту меру 39% опрошенных. Как представляется, такое мнение повлияло на принятие вакцины молодыми людьми. Вакцинацию прошли 57% опрошенных, против 36% не прошедших.

Свою роль в этом сыграли недостоверная информация о ситуации и когнитивные искажения в мышлении респондентов. Как удалось установить, при конфликте мотивов, даже при убеждённости в эффективности той или иной меры защиты, многие студенты не готовы жертвовать свободой передвижения, коммуникациями и контактом с внешним миром даже ради своей безопасности. Комфортность нередко важнее, чем безопасность. На отношение к ограничительным мерам повлияли такие ценности молодого поколения, как стремление к комфорту, свободолюбие и ценность собственной жизни. Данная система ценностей соответствует влиянию общества. Проведённые интервью показали наличие в молодёжной среде двух групп, отличающихся по своим личностным характеристикам, жизненной позиции и стратегии решения проблем здоровья. Для первой, «пассивной» группы характерно в основном конформное отношение к вопросам здоровья. Принятие вакцины было осуществлено этой группой под давлением государства и работодателя.

Для второй группы молодёжи свойственна активная позиция, рационализм, личностная зрелость. Вторая, условно «активная» группа владеет более широким и научным кругом источников. Это определяет и более рациональные стратегии решения проблем в вопросах здоровья. Как мы полагаем, большую роль в выборе стратегий поведения в данной ситуации играет как социальное влияние, так и личностные характеристики респондентов.

Ключевые слова: представление, пандемия, COVID-19, самоизоляции, масочный режим, вакцинация, психосемантика, Приморье

Актуальность

Во-первых, вызов глобальной пандемии оказался исключительным по масштабу и характеру как для России, так и для мира в целом. Это первый за длительное время глобальный вызов для общества и государства. В течение последних двух лет власти разных уровней вырабатывали те или иные ответные меры, пытаясь решить целый комплекс сложнейших проблем. Сегодня необходимо изучить «обратную связь».

Во-вторых, изучение темы актуально для практики управления государством и сохранения стабильности в период кризиса. Понимание того, как население реагирует на меры государства, в чём могут быть причины недовольства и каковы факторы положительной оценки этих мер, важно для поддержания стабильности. Знание социальных и психологических факторов и закономерностей восприятия политики государства по разрешению масштабных кризисов позволит обеспечивать эффективную информационно-психологическую кампанию по продвижению этой политики и управление рисками.

Изученность темы

В последние два года зарубежные и российские учёные начали активное изучение социальных и психологических аспектов глобальной эпидемии.

Вакцинация, проводимая по всему миру, вызывает у населения неоднозначные чувства – наряду с надеждой и позитивными переживаниями, также и опасения, недоверие, сопротивление и протест [10; 15]. Как отмечается в некоторых работах Дж. М. Хорнси [11], и Е. В. Кухтевич [3], хотя польза от применения вакцин признана авторитетными медицинскими экспертами, отношение к вакцинам и кампании вакцинации людей (особенно детей) было и остаётся спорным и противоречивым во всем мире.

В ходе опроса, проведённого в июне 2020 г. в 19 странах, 71,5% участников сообщили о своём намерении вакцинироваться (при условии, что вакцина проверена): в Китае таких было – 83,7%, а в России –

59,1% [12]. Большинство участников выразили готовность к вакцинации и при опросе в европейских странах. Отказ вакцинироваться был вызван такими причинами как, отсутствие доверия к вакцине.

Во Франции на основании опроса населения [9] к числу причин, формирующих положительное отношение жителей к вакцинации, помимо индивидуального предполагаемого риска и работы в сфере медицины, относят пожилой возраст, мужской пол и страх перед COVID-19. Фактором возникновения страха может быть дезинформация о небезопасности вакцины.

Исследование, посвящённое выявлению социальных предикторов отказа от вакцинации, показало, что вакцинации чаще всего сопротивляются люди без образования, с низким социальным статусом и доходами, представители меньшинств, безработные [13].

Отечественные социологи А. Р. Заляев, Л. М. Мухарямова и Е. Ю. Шаммазова выявили ряд субъективных причин, влияющих на отношение к вакцинации, среди которых отношение к системе здравоохранения и к государству, представление о качестве вакцины [2]. В. В. Гриценко были определены некоторые личностные характеристики, влияющие на поведение в ситуации с коронавирусом [1].

Анализируя социальную основу неготовности к принятию вакцины в российском обществе, А. Р. Левинсон полагает, что на недоверие к вакцинации повлияло также накопившееся в обществе недоверие к государству. Свою роль сыграли также социальные фобии [4].

Тем не менее свойственное в начале и середине 2021 г. отрицательное отношение к вакцинации (до 40–50 % населения) к концу года заметно уменьшилось. Одной из причин оказалось давление со стороны государства, ограничившего посещение общественных мест без QR-кода, и работодателей. Введение социальных санкций на разных уровнях сыграло свою роль в переломе отношения к вакцинопрофилактике.

Среди социальных механизмов, повлиявших на принятие населением профилактических мер, российские социологи называют «эффект просачивания», или «спуска образа», который проявляется в заимствовании атрибутов высокостатусных групп, таких как образцы поведения и мышления, менее статусными группами [4]. Подобным образом происходило принятие вакцинации от лидеров мнений к более широким слоям.

Было начато и изучение отношения к вакцинации и представлений о ней среди молодёжи. В России одно из значимых исследований было проведено в 2021 г. Е. В. Рягузовой среди студентов, в ходе которого было выявлено негативное отношение к вакцинации у большей части респондентов [6].

Таким образом, анализ исследований показал, что началось активное изучение проблемы отношения населения, в том числе молодёжи, к вакцинации от COVID-19 и другим защитным мерам государства. На наш взгляд, полезным будет также проанализировать представление молодёжи о мерах противодействия пандемии и когнитивных механизмах оценивания этих мер.

Методы

Для реконструкции представлений молодёжи об основных мерах государственной политики противодействия пандемии была использована составленная нами социологическая анкета, включающая несколько закрытых и открытых вопросов, а также ряд методик, относящихся к психосемантическому подходу. Данный подход включает такие методы изучения психических явлений, которые позволяют изучить индивидуальные и групповые системы значений и смыслов и установить связи между ними.

С целью выявления и описания когнитивных механизмов респондентов использовался разработанный нами семантический дифференциал (СД) для оценки государственной политики. Данные СД были подвергнуты математическому (факторизация данных) и смысловому анализу. Факторная обработка была выполнена с применением программы SPSS 21.

Характеристика содержания и методики применения методов психосемантики представлена в работах В. Ф. Петренко и В. П. Серкина [5; 7].

Выборка

Опрос с использованием анкеты и психосемантических методик проходил в декабре 2021 – феврале 2022 г. в Приморском крае. Всего в исследовании принял участие 161 респондент, студенты высших и средних специальных учебных заведений региона. Территориально опрошенные представляют Владивосток, Находку и Уссурийск. Возраст опрошенных от 16 до 24 лет. Доля мужчин и женщин примерно равная.

Дополнительно была проведена серия интервью. В выборку для фокусированного интервью вошли 17 человек, это студенты высших учебных заведений Владивостока и один работающий молодой человек. Возраст опрошенных от 19 до 25 лет. В работе над исследованием участвовала студентка 3 курса направления «психологическое консультирование и психодиагностика» ДВФУ Анастасия Николаева.

Представление студентов о масочном режиме

В рамках нашего исследования нами был проведён опрос о соблюдении студентами государственных мер по противодействию распространения COVID-19: масочного режима, самоизоляции и вакцинации. Изучалось также представление об их эффективности.

Прежде всего, обращает на себя внимание, что данную меру большинство опрошенных склонно соблюдать. Частично или полностью соблюдают масочный режим 66% (табл. 1).

При этом обращает на себя внимание, что точно соблюдающих или совсем не соблюдающих меньшинство. Большинство соблюдает данные ограничения ситуативно.

Таблица 1 (Table 1)

Результаты опроса о соблюдении студентами масочного режима
Results of a survey on students' compliance with the mask regimen

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Да, соблюдаю	19	31
Чаще всего соблюдаю	47	75
Нет, не соблюдаю	4	7
Чаще всего не соблюдаю	28	45
Затрудняюсь ответить	2	3

Ответы на вопрос «Как лично Вы оцениваете эффективность данной меры?» показали, что большинство опрошиваемых (61%) считают данную меру неэффективной (из них «скорее неэффективная» ответили 39% и «совсем неэффективная» – 22%).

Налицо противоречие между представлением о неэффективности данной меры и её соблюдением (полным или частичным). Данный факт можно объяснить только тем, что большинство соблюдает масочный режим вопреки своему невысокому о нём мнению, по необходимости. Ведь ношение масок было обязательным для посещения общественных мест.

В таком случае уровень принятия данной меры достигнут благодаря административному давлению, а не убеждённости населения в её эффективности. Отсюда и готовность периодически нарушать данные требования.

Таблица 2 (Table 2)

Результаты оценки эффективности масочного режима
The results of evaluating the effectiveness of the mask regimen

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Затрудняюсь ответить	3	5
Скорее неэффективная	39	63
Скорее эффективная	29	46
Совсем неэффективная	22	35
Эффективная	7	12

Кроме того, студентам был задан открытый вопрос о том, как бы они сами охарактеризовали масочный режим. Всего ответили на открытый вопрос 131 человек.

Полученные ответы были объединены в несколько смысловых групп. Наиболее распространённым оказалось выраженное в разной форме мнение респондентов о неэффективности и бесполезности данной меры (39%). Анализ показывает, что часть опрошенных считают, что мера введена для видимости борьбы с пандемией, многие отмечают сомнительность пользы от неё. Также отмечалось, что соблюдается масочный режим только по необходимости:

[Медицински доказанная неэффективность]

[Никто не носит маску для здоровья, все носят, потому что без неё не пускают]

Часть респондентов высказала сомнения в эффективности данной меры и её обоснованности, а также полезности того режима её применения, который сложился в России (10%):

[Когда маски убираются и достаются из кармана по несколько раз, ношение масок может стать причиной заболевания]

[Не до конца изучена эффективность]

К другой смысловой группе мы отнесли высказывания студентов, считающих, что масочный режим нарушает их права и свободы (5%):

[Нарушение прав людей]

[Политический произвол]

Однако есть и сторонники данной меры, которые считают масочный режим необходимым и эффективным для борьбы с пандемией (в совокупности 36%):

[Рабочая]

[Для предотвращения болезни это хорошая, безопасная мера]

Некоторые студенты считают масочный режим эффективным с некоторыми оговорками:

[Идея довольно неплохая, но исполнение у нас в стране далеко от идеала]

[Эффективна только при соблюдении каждым]

Смысловой анализ позволил раскрыть распространённые представления, лежащие в основе разных позиций молодёжи. Многие считают масочный режим необоснованным. Есть и категория опрошенных, для которых на первом месте нарушение их прав.

Представление студентов о самоизоляции

Результаты опроса о соблюдении студентами самоизоляции как ключевой на первом этапе пандемии меры по противодействию распространению COVID-19 представлены в табл. 3.

Как мы можем видеть, примерно половина всегда или чаще соблюдала самоизоляцию (всего 48%).

Однако такая же доля молодёжи не соблюдала режим самоизоляции (всего 48%). Налицо деление выборки на две равные части.

Таблица 3 (Table 3)

Результаты опроса о соблюдении студентами самоизоляции
Results of a survey on students' compliance with self-isolation

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Да, соблюдаю	22	35
Чаще всего соблюдаю	26	42
Нет, не соблюдаю	30	48
Чаще всего не соблюдаю	19	30
Затрудняюсь ответить	4	6

Ответы на вопрос «Как лично Вы оцениваете эффективность данной меры?» показали, что абсолютное большинство опрошенных студентов (71%) считают данную меру эффективной (из них «эффективная» ответили 37% и «скорее эффективная» – 34%).

Скорее неэффективной и совсем неэффективной данную меру считают 15% и 9% опрошенных соответственно (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Результаты опроса об эффективности самоизоляции
Results of a survey on the effectiveness of self-isolation

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Эффективная	37	60
Скорее эффективная	34	54
Скорее неэффективная	15	24
Совсем неэффективная	9	15
Затрудняюсь ответить	5	8

Таким образом, и в этом случае мы видим разрыв между уровнем соблюдения меры и представлением об её эффективности. На этот раз уровень соблюдения данной меры ниже, чем уровень убеждённости в её эффективности. Данный факт объясняется более низкой степенью принудительности самоизоляции. По большей части она была добровольной, и лишь изредка в общественных местах проверяли наличие справок о необходимости работать. Поскольку данная мера входила в противоречие с потребностями человека в коммуникации, нарушала комфортную жизнь, возникал конфликт мотивов. И многие респонденты разрешали его в пользу сохранения комфорта и привычной жизни в ущерб медицинским рекомендациям.

Респондентам был задан открытый вопрос о том, как бы они сами охарактеризовали самоизоляцию. Ответили 116 человек.

Ответы были разбиты на несколько смысловых групп. В сумме 51% респондентов оценили самоизоляцию как необходимую либо эффективную меру. Среди ответов были и мнения о важности заботы о других:

[Как необходимую меру при высоком уровне заболеваний]

[Мы должны думать о других людях]

Помимо сторонников, есть и противники данной меры, которые посчитали самоизоляцию неэффективной и угрожающей психологическому здоровью (28%), либо сомневаются в ней (11%).

[Ухудшает ментальное здоровье человека]

[Много негативного влияния на экономику и психологическое состояние]

Часть студентов охарактеризовала самоизоляцию в общем отрицательно из-за некомфортности данной меры, мешающей общаться, отдыхать. Это эгоцентрическое отношение: не нравится, потому что неудобна.

[Не нравится]

[Сидишь взаперти]

Традиционной отговоркой от соблюдения ограничений выступает указание, что многие её не соблюдают, следовательно, она не будет работать. Также ряд студентов посчитали меру манипулятивной и удобной для контроля над людьми. В их мышлении наблюдаются элементы конспирологии:

[В случае реальной эпидемии – возможная необходимость, в случае происходящего в данный момент – манипуляция и злоупотребление властью в корыстных целях]

Несмотря на преобладание положительной оценки данной меры, часть молодёжи все же считает её неэффективной или переоценивает её отрицательное влияние. Можно говорить о дефиците медицинской информации у респондентов.

Представление студентов о вакцинации

Отвечая на вопрос «Прошли ли Вы вакцинацию от COVID-19?» 57% ответили утвердительно, 36% опрошиваемых вакцинацию не прошли (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

Уровень прохождения вакцинации в общей выборке

Vaccination completion rate in the total sample

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Да, прошёл	57	92
Нет, не прошёл	36	58
Другое	7	11

Результаты опроса об эффективности вакцинации как государственной меры по противодействию распространению COVID-19 представлены в табл. 6. Как видно, считают эту меру эффективной 46%. В той или иной мере неэффективной считают эту меру 39%.

Таблица 6 (Table 6)

Оценка эффективности вакцинации
Evaluation of the effectiveness of vaccination

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Эффективная	14	22
Скорее эффективная	32	52
Скорее неэффективная	25	41
Совсем неэффективная	14	23
Затрудняюсь ответить	14	23

Кроме того, студентам был задан открытый вопрос о том, как бы они сами охарактеризовали вакцинацию от коронавируса. Всего ответили 114 человек.

Значительная часть опрошенных (24%) считают, что данная мера неэффективна и даже может угрожать их жизни:

[По опыту остальных не очень-то эффективно]

[Бессмысленно]

Были и те, кто не против вакцинации как таковой, но считают вакцину неизученной:

[Колоть населению не до конца изученную вакцину, сделанную на коленке, не очень хорошее решение]

Неожиданно часто встречаются суждения, основанные на идее заговора. Ряд респондентов считает, что вакцинация организована, чтобы убить людей или поработить их:

[Чипирование людей, делая их рабами государства]

[Массовое убийство людей, отсутствие заботы о здоровье. Геноцид населения!]

Многие студенты отмечают, что вакцинация является принудительной, нарушает их права и свободы (19%). Молодёжь не считает оправданным нарушение их свободы даже в целях общественной безопасности:

[Принудительная]

[Политический произвол]

[Я за вакцинацию, но без агрессивного давления на людей, особенно на тех, кто боится ставить вакцину из-за возможного летального исхода]

Тем не менее часть студентов оценивает данную меру в качестве необходимой (35%). Для сторонников вакцинации это необходимая для преодоления эпидемии мера.

[Рисковая, но необходимая]

[С вакциной чувствуешь себя спокойнее. Когда все добровольно и с пониманием – отлично]

Кроме того, мы выделили группу студентов, сомневающих в эффективности и обоснованности данной меры (10%), и тех, кто имеет нейтральное мнение (12%). Главная претензия к вакцинации для многих – неизученность вакцины. Отмечалось, кроме того, что в России нет выбора вакцины:

[Не очень хорошо реализуемая в России, поскольку выбора вакцины почти нет]

[Не изученный]

Таким образом, в выборке давших открытые ответы преобладает негативное или неоднозначное отношение к вакцинации. Процент принявших вакцину выше, чем процент верящих в её эффективность. Очевидно, что часть опрошенных поставила вакцину под административным воздействием государства и учебных заведений. Но сомнения в вакцине это не устранило.

Как мы установили, наиболее эффективной мерой по борьбе с коронавирусом студенты считают самоизоляцию (71% опрошенных). Ниже всего оценивается эффективность масочного режима. Большинство – 61% опрошенных, не считают его эффективной мерой по борьбе с коронавирусом.

Опрос показал весьма неоднозначное отношение молодёжи к вакцинации от коронавируса. В той или иной мере неэффективной считают эту меру 39% опрошенных, а при ответе на открытый вопрос отрицательную оценку или сомнение в данном мероприятии высказали 51%. В целом государству не удалось убедить данную выборку в безопасности и пользе вакцинации.

Как представляется, такое мнение повлияло на принятие вакцины молодыми людьми. Вакцинацию прошли 57% опрошенных, против 36% не прошедших. Очевидно, что этого недостаточно для формирования коллективного иммунитета.

Существенной оказалась и распространённость отрицательных представлений о эффективности самоизоляции.

Множество отрицательных суждений о вакцинации и самоизоляции показывает, что существенный процент студентов не знаком с результатами научных исследований, доказавших эффективность российских вакцин и очень малую долю побочных эффектов. Положительно оценивается экспертами и эффективность самоизоляции.

Можно сделать вывод об очень большой доле искажённой информации о вакцинах и других медицинских мерах в сознании студентов. Ориентировочно по таким мерам, как самоизоляция и вакцинация, её доля может быть около 50%.

Анализ материалов опроса показал и использование многими респондентами дисфункциональных мыслительных схем, основанных на когнитивных искажениях. Смысловой анализ свидетельствует о присутствии в ответах признаков таких когнитивных искажений как переоценка собственной компетентности (эффект Даннинга-Крюгера), эгоцентризм, черно-белое мышление и негативная селекция, предвзя-

тость подтверждения, конспирологическое мышление. Также есть большое влияние укоренившегося в обществе недоверия к власти и официальному дискурсу.

Сопоставление представлений об эффективности медицинских мер и готовности их соблюдать отразило любопытные диспропорции. Как удалось понять, даже при убеждённости в эффективности той или иной меры защиты многие студенты не готовы жертвовать ограничением в передвижении, коммуникациями и контактом с внешним миром даже ради своей безопасности. Комфортность важнее, чем безопасность. В этом проявилось влияние социальных ценностей потребительского характера.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что использование принудительных и запретительных мер со стороны государства в условиях эпидемии является целесообразным с психологической точки зрения.

Анализ данных семантического дифференциала

С целью выявить механизмы мышления респондентов был проведён факторный анализ данных семантического дифференциала (СД) для оценки государственной политики. Всего были выполнены факторные реконструкции оценивания трех стимулов: «масочный режим», «самоизоляция» и «вакцинация от коронавируса».

На основе сопоставления факторных структур были выделены три общих фактора: «привлекательности и комфорта», «интеллектуальности и компетентности» и «рискованности и страха» (табл. 7). Каждый фактор отражает один из механизмов оценивания данных явлений в сознании респондентов. Наличие данных структур во всех реконструкциях означает, что они не случайны.

Таблица 7 (Table 7)

Категориальная структура восприятия образов ключевых мер противодействия пандемии (общие категории для трех стимулов)
Categorical structure of perceptions of images of key pandemic responses (common categories for the three incentives)

Факторы, №	Категориальная структура восприятия образов мер противодействия пандемии
1	«Привлекательности и комфорта»
2	«Интеллектуальности и доверия»
3	«Рискованности и страха»

Для первого фактора «Привлекательности и комфортности» характерно сочетание характеристик: комфорт, лёгкость, интересность, весёлый характер, делающих те или иные меры государства привлекательными для респондентов (табл. 8).

В данной таблице (и далее) шкалы расположены по убыванию факторного веса. Чем выше факторный вес, тем сильнее шкала коррелирует с другими шкалами фактора. Добавим, что фактор отражает только ось оценивания и её структуру, но не показывает направленность оценки по данной оси (например, привлекательна ли вакцинация или нет).

Таблица 8 (Table 8)

Фактор «Привлекательности и комфорта»

Factor of "attractiveness and comfort"

Масочный режим	Самоизоляция	Вакцинация
Привлекательный	Весёлый	Весёлый
Весёлый	Привлекательный	Интересный
Интересный	Комфортный	Привлекательный
Комфортный	Интересный	Комфортный
Свободный	Добрый	Лёгкий
Сильный	Свободный	
Добрый	Лёгкий	
Лёгкий	Активный	
Честный	Быстрый	
Грамотный	Честный	
Надёжный		
Эффективный		

Как можно предположить, наличие субъективно воспринимаемых подобных характеристик формирует весьма положительный образ определенной меры и делает её привлекательной для молодого поколения. Перечисленные характеристики созвучны ценностям современной молодёжи (ценность комфорта и легкости жизни, хорошего настроения). Высокая оценка по одной из этих шкал будет повышать оценку по другим. Взятые в совокупности они формируют восприятие явления как привлекательного.

В данном факторе есть второе семантическое ядро, в которое входят такие дескрипторы, как: «свободный», «добрый», «честный», с меньшими факторными весами. Второе ядро присутствует в двух реконструкциях из трех (при оценивании самоизоляции и масочного режима). В данном ядре отразилась важная для молодого поколения ценность свободы. Вероятно, это 4-я ось оценивания, которая в ходе факторизации оказалась включённой в состав двух разных факторов «Привлекательности и комфорта» и «Интеллектуальности и доверия».

Второй общий фактор был интерпретирован как фактор «Интеллектуальности и доверия». Он объединяет две интегральные характеристики, которые можно обозначить как «интеллектуальность» и «доверие» (табл. 9).

Таблица 9 (Table 9)

Фактор «Интеллектуальности и доверия»
Factor of «intelligence and trust»

Масочный режим	Самоизоляция	Вакцинация
Изученный	Умный	Компетентный
Проверенный	Надёжный	Проверенный
Компетентный	Изученный	Умный
Умный	Компетентный	Честный
Честный	Проверенный	Изученный
Нужный	Необходимый	Эффективный
Необходимый	Эффективный	Добрый
Понятный	Нужный	Необходимый
Эффективный	Безопасный	Безопасный
Добрый	Грамотный	Грамотный
	Честный	Надёжный
	Большой	Нужный
	Сильный	Свободный
		Законный
		Понятный
		Комфортный
		Доступный
		Привлекательный

Группа шкал, таких как «умный», «компетентный», «изученный», отражает важность для молодёжи интеллектуальности и высокого уровня компетентности как основы для серьёзных шагов государства в вопросах безопасности населения. Наличие таких характеристик, как «изученный» и «компетентный», отражает потребность в научности (изучает наука) и высоком профессионализме творцов медицинских мер.

Ряд шкал, таких как «честный», «проверенный», «добрый», отражают потребность в доверии к этим мерам и их авторам. В этой группе шкал отразилась также потребность в моральном авторитете лидеров и медицинских руководителей («добрый» и «честный»). Восприятие определённых мер и их творцов как умных и компетентных повлияет и на уровень доверия к их работе.

В реконструкции образа вакцинации отразилось сочетание «свободы» и «доброты», присутствовавшее в первом факторе. В совокупности эта ось оценивания образует ещё один, менее выраженный механизм оценивания, сочетающий характеристики свобода и доброта.

В совокупности интеллектуальность и доверие дают некую завершённость, формируя образ такой политики, на которую можно положиться, доверять её интеллектуальному совершенству и честности.

Третий фактор был проинтерпретирован как фактор «Рискованности и страха» (табл. 10).

В его составе ряд шкал с негативным значением. Смысловая связь между ними очевидна. Чем более рискованной выглядит мера (например, неизученная вакцина), тем она страшнее. Высокая степень корреляции между такими шкалами, как «смертельный» и «страшный», показывает, что в основе лежит страх смерти и потери здоровья.

Интересна и взаимосвязь между «бессмысленностью» и отрицательным оцениванием, бессмысленное на имплицитном уровне отталкивает и пугает.

Таблица 10 (Table 10)

Фактор «Рискованности и страха»
Factor of "riskiness and fear"

Масочный режим	Самоизоляция	Вакцинация
Агрессивный	Смертельный	Страшный
Страшный	Бессмысленный	Смертельный
Рискованный	Чужой	Рискованный
Чужой	Рискованный	Агрессивный
Смертельный	Агрессивный	Бессмысленный
Бессмысленный	Страшный	Тяжёлый
Тяжёлый		Чужой

Степень «смертельности» и «рискованности» повышает уровень «бессмысленности». Как можно полагать, воспринимаемая «смертельность» и «рискованность», связанная с теми или иными мерами политики, делают её «чужой» и «бессмысленной», что является маркерами крайней непривлекательности. Как можно предположить, именно данный механизм формирует крайне отрицательный образ той или иной меры противодействия пандемии и отрицательную поведенческую реакцию на данную меру.

Таким образом, были выявлены три общих когнитивных механизма оценивания мер противодействия пандемии. Каждый из них вносит свой вклад в формирование поведенческих реакций молодёжи.

Соответственно, первые два механизма формируют в основном положительный образ явления, третий механизм – отрицательный образ. Менее выраженным оказался четвертый механизм оценивания, который можно назвать осью «свободы».

Ассоциативный эксперимент

С целью проанализировать образ основных мер противодействия пандемии в сознании молодёжи нами был использован метод вербального ассоциативного эксперимента. Данный метод позволяет выявить воспри-

ятие явления респондентами на бессознательном уровне и максимально обойти социальные барьеры. В ассоциативном поле к стимулу «самоизоляция» можно выделить три основные категории ассоциаций (табл. 11). Первая связана с бытом, повседневностью и отражает реальность длительного нахождения дома в условиях ограничений.

Таблица 11 (Table 11)

Ассоциативное поле стимула «самоизоляция»

Associative field of the "self-isolation" stimulus

Категории ассоциаций	Выраженность ассоциаций
Комфорт и быт	Дом (27), отдых (9), необходимость (9), сидеть дома (7), дистанционка (4), удобно (4), некомфортно (3), комфорт (3), еда (3), отпуск (3)
Эмоции и оценка	Скука (19), одиночество (8), депрессия (5), надоело (3), стресс (3), страх (3), интересно (3)
Свобода – принуждение	Ограничение (7), принуждение (4), тюрьма (4)

Следующая группа ассоциаций объединена смыслом ограничения свободы. Как видно, в субъективном опыте молодёжи отразилось понимание ограничений как принуждения, ограничения свободы. В ассоциативном поле данного стимула было много слабовыраженных ассоциаций такого смысла.

С первыми двумя связана третья категория ассоциаций, отражающая негативные эмоциональные проявления, такие как скука, депрессия, страх. Можно отметить, что опрошенные переживали довольно сильные негативные эмоции в период самоизоляции, связанные как с ограничениями, так и с опасениями за своё здоровье. Выраженной реакцией является «одиночество».

Таблица 12 (Table 12)

Ассоциативное поле стимула «масочный режим»

Associative field of the "mask regimen" stimulus

Категории ассоциаций	Выраженность ассоциаций
Свобода – принуждение	Ограничение (8), принуждение (6), намордник (6), запрет (3), штраф (3)
Оценка	Необходимость (15), бессмысленно (9), глупость (4), обязательно (3), ответственность (3)
Медицина	Маска (18), пандемия (6), вирус (6), карантин (4), болезнь (4), ковид (3)
Эффективность и безопасность	Бесполезно (17), защита (6), безопасность (6), неэффективно (5), несоблюдение (3)
Комфорт – дискомфорт	Неудобно (13), дышать трудно (11), жарко (4), некомфортно (3), тяжело (3), душно (3), некомфортный (3)

В ассоциативном поле к стимулу «масочный режим» можно выделить несколько групп ассоциаций (табл. 12).

Смысловая группа, содержащая медицинские понятия, такие как «болезнь», «вирус», отражает ту проблему, с которой связана данная ограничивающая мера.

Следующая группа ассоциаций отражает дискомфорт, связанный с ношением масок. Единичные ассоциации такого рода также весьма выражены.

В общую группу мы объединили и ряд ассоциативных реакций, отражающих такие понятия, как принуждение, ограничение, запрет и т. д. Можно отметить, что для молодёжи свойственно оценивать подобные меры с точки зрения рамок личной свободы и комфорта.

Что логично, ярко выраженной в ассоциативном поле данного стимула является группа ассоциаций, объединённых отрицательной оценкой данной меры. Можно предположить, что молодёжь в общем оценивает её отрицательно и считает ненужной (что подтверждается данными анкетного опроса). Причины этого отражены в негативной оценке по таким категориям, как эффективность, комфорт и свобода.

Таблица 13 (Table 13)

Ассоциативное поле стимула «вакцинация»
Associative field of the "vaccination" stimulus

Категории ассоциаций	Выраженность ассоциаций
Свобода – принуждение	Принуждение (22), необходимость (11), чипирование (6), добровольно-принудительно (5), обязательно (3)
Эмоции и оценка	Страх (7), боль (5), неэффективно (4), бред (3)
Медицина	qr-код (9), укол (9), прививки (7), температура (5), болезнь (4), вакцина (3), шприц (3)
Эффективность и безопасность	Защита (5), полезно (4), иммунитет (4), безопасность (8)
Риск и опасность	Опасно (7), неизученность (5), неизвестность (5), риск (3), смерть (3)

В ассоциативном поле к стимулу «вакцинация» заметны те же смысловые категории, что и к другим стимулам (табл. 13).

Вакцинацию молодёжь традиционно связывает с принуждением. При этом добавляется конспирологическое мышление (чипирование). Причём выраженность ассоциаций, отражающих принуждение, здесь гораздо выше, видимо, нарушение свободы в этом вопросе воспринималось как более субъективно значимое.

При оценке эффективности и безопасности вакцинации заметно, что опрошенные делятся на две группы. Такое деление общей выборки по своему отношению к вакцинации на две сопоставимые группы отражено и в результатах анкетного опроса.

Для первой группы свойственно связывать вакцинацию с положительными значениями: иммунитетом, защитой, безопасностью. Как можно предположить, эта подвыборка добровольно прошла вакцинацию.

Для второй подвыборки свойственно связывать вакцинацию с негативными значениями, такими как опасность, неизученность, риск, смерть. Негативное отношение является стимулом для отказа от вакцинации или её максимального оттягивания.

В целом можно говорить о неполноте информации о вакцинации и наличии многих когнитивных искажений в сознании респондентов, конспирологических мыслей о чипировании и манипуляции. Это может быть связано также с фейковой информацией.

На неосознаваемом уровне восприятия вакцинации преобладают отрицательные по своему характеру образы и эмоциональные реакции, что не могло не сказаться на отрицательном или неоднозначном отношении к этим мерам. Эти данные соответствуют данным, полученным с помощью метода анкетирования.

Качественное исследование отношения к вакцинации

С целью дифференцировать причины разного представления о вакцинации, как наиболее значимом и противоречивом компоненте профилактических мер, нами было проведено дополнительное качественное исследование.

На первом этапе были проведены интервью с молодыми людьми с целью выявить отношение к вакцинации и источники информации о ней. Далее ответы были подвергнуты смысловому анализу. Анализ результатов опроса показал присутствие в молодежной среде двух групп, отличающихся по своей жизненной позиции и используемым стратегиям решения проблем здоровья. Для первой группы свойственно в основном пассивное отношение к вопросам здоровья, конформизм, они редко предпринимают собственные усилия с целью разобраться в сложных вопросах, подобных вакцинации. Также этой группе свойственно выраженное недоверие к официальным источникам информации и СМИ. Круг источников информации сужен и включает интернет-СМИ, блогеров, окружение. Важным является мнение лично знакомых медиков. Противоречивая информация из данных источников породила опасения за свое здоровье, дезориентацию и искаженное представление.

Можно отметить, что для представителей этой группы в наибольшей степени свойственны различные когнитивные искажения, такие как конспирологическое мышление, эгоцентризм и переоценка своей компетентности. В ряде интервью ими была выражена точка зрения, что цели вакцинации «не те, что говорят», «никому верить нельзя».

Принятие вакцины было осуществлено этими молодыми людьми под давлением государства и работодателя. Их тактика в ситуации с вакцинацией состояла в выжидании и подчинении сложившимся обстоятельствам. Когда работодатели и учебные заведения стали вводить ограничения для непривитых, они вынуждены были принять вакцину.

Представители этой группы вряд ли способны к адекватной, взвешенной оценке государственной политики. Эту группу можно условно назвать «пассивной». Фактически ответственность за себя они передали государству. Их кредо: «проблемы решит время», и «пусть проблемы решает власть».

Для второй группы молодёжи свойственна более активная позиция и более рациональные тактики решения проблем в вопросах здоровья и безопасности. Также эта группа более информированная, владеет более широким кругом источников, умеет с ними работать. Её представители ищут информацию в научных источниках, в том числе в медицинских базах данных. Как и первая группа, прислушиваются к знакомым медикам, но и обращаются к мнению известных медицинских авторитетов. Кроме того, представители этой группы чаще думают не только о себе, но и о здоровье других людей. В их оценке политики государства проявляется сбалансированность, способность видеть ее сильные и слабые стороны.

Эта часть молодёжи считает, что кампания вакцинации, при всех её недостатках, имеет целью предупредить заболеваемость и сохранить здоровье людей. Их суждения более логичны и объективны. Вакцинация воспринимается скорее положительно (сомнения присутствуют, но менее выражены). Представители второй группы быстрее и чаще всего добровольно приняли вакцину.

Эту группу условно можно назвать «активной» группой молодёжи. В кризисной ситуации они берут ответственность за себя и близких на себя. В кризисной ситуации они способны сами разобраться в сложной проблеме и найти выход.

В целом представители этой группы проявляют большую личностную силу и зрелость. Четкой границы между двумя группами нет, часть опрошенных можно расположить «между» этими позициями.

Обе группы проявили высокую чувствительность к принуждению и ограничению возможностей выбора. Ценность личной свободы весьма актуальна для наших респондентов. Претензии, связанные с нарушением свободы выбора, являются основными к кампании вакцинации.

Таким образом, один из факторов, влияющих на формирование представлений о вакцинации и других мерах профилактики, это личностные особенности респондентов, включая активность, интеллект, личностную зрелость. Отличие жизненной позиции влияет и на стратегии решения проблем здоровья и безопасности. Эти качества определяют, видимо, какому потоку информации и чьему влиянию в социуме открывают себя молодые люди.

Как можно предположить, наличие этих двух групп в молодёжной среде проявится и в других критических обстоятельствах.

Заключение

Как видно, опрошенная аудитория оказалась дезориентирована ситуацией пандемии. Критическая ситуация породила своего рода «когнитивный хаос».

Противоречивые сообщения из разных источников создали диссонанс в сознании молодёжи. Причины этого как в недостаточном развитии критического мышления и культуры работы с информацией многих

молодых людей, так и во влиянии СМИ, блогеров, распространении слухов и теорий заговора. Опрос подтвердил силу конспирологического дискурса.

Как показал ассоциативный эксперимент, ограничительные меры фрустрировали такие потребности и ценности респондентов, как ценность свободы, комфорта и удовольствия от жизни, потребности в общении, безопасности и новых впечатлениях.

При возникновении конфликта между потребностью в безопасности и ценностями комфорта и удовольствия значительная часть респондентов предпочла второе.

Значимость «привлекательности и комфортности» обусловлена гедонистической индивидуалистической направленностью системы ценностей молодого поколения.

Проведённые интервью показали наличие в молодёжной среде двух групп, отличающихся по своим личностным характеристикам, жизненной позиции и стратегии решения проблем здоровья. Для первой, «активной» группы характерно в основном пассивное отношение к вопросам здоровья. Принятие вакцины было осуществлено этой группой под давлением государства и работодателя. Их стратегия в ситуации с пандемией состояла в выжидании и подчинении обстоятельствам. Для второй группы молодёжи свойственна активная позиция, рационализм, личностная зрелость. Это определяет и более рациональные стратегии решения проблем в вопросах здоровья. Вторая группа владеет более широким и научным кругом источников.

Таким образом, большую роль в выборе стратегий поведения играет как социальное влияние, так и личностные характеристики респондентов.

Разные использованные методы показали большую значимость категории свободы. Как мы полагаем, это отражает ценность личной свободы для молодёжи. Любая политика, ограничивающая свободы, будет неизбежно вызывать у данной возрастной категории сильное внутреннее сопротивление.

Однако предоставление полной свободы выбора, как мы полагаем, также имеет низкую эффективность. Склонность молодых людей отдавать предпочтение комфортности и привлекательности мешает им по своей воле принимать и соблюдать те или иные ограничения, продиктованные необходимостью.

Проведённый анализ восприятия мер безопасности в период пандемии позволяет сделать вывод о том, что использование принудительных мер со стороны государства в условиях угрозы безопасности является оправданным. Механизмы социального контроля оказали влияние на соблюдение тех профилактических мер, которые иначе игнорировались очень большой частью молодёжи.

Можно было бы рекомендовать при проведении принудительных мер давать в их рамках возможность выбора во второстепенных вопросах (например, выбора между вакцинами). Это позволяло бы сформировать

ровать более привлекательный для данной выборки образ. Кроме того, нужна ориентированная именно на молодёжь грамотная информационная кампания.

В целом присущие молодёжи ценности основаны на ценностях, предложенных им обществом. Это система ценностей потребительского типа. Как можно полагать, молодому поколению присущи индивидуализм и стремление к гедонистическому потреблению. Ценности заботы о других и самоограничения меньше отразились в изученном материале.

Выявленные стереотипы также обусловлены обществом. При этом часть опрошенных все же обладает научной информацией и рациональным мышлением. Это позволило им выбрать из информационного поля более адекватные источники информации. Другая же часть имеет более низкий уровень информированности и мыслит дисфункционально.

Библиографический список

1. Гриценко В. В., Резник А. Д., Константинов В. В. и др. Страх перед коронавирусом заболеванием (COVID-19) и базисные убеждения личности // Клиническая и специальная психология. 2020. № 9 (2). С. 99–118. DOI: 10.17759/cpse.2020090205.

2. Заляев А. Р., Мухарямова Л. М., Шаммазова Е. Ю. Вакцинация от COVID-19 в контексте общественного доверия // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 4 (137). С. 127–135. DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-127-135.

3. Кухтевич Е. В., Мартынов Ю. В., Кулагина М. Г. и др. Иммунопрофилактика: позитивные и негативные тенденции // Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение. 2018. № 7 (2). С. 84–91.

4. Левинсон А. Р. Граждане и государство в условиях ковида // Вестник общественного мнения. 2021. № 3–4 (133). С. 18–28.

5. Петренко В. Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер, 2005. 435 с.

6. Рягузова Е. В. Когнитивные аспекты отношения студенческой молодёжи к вакцинации от COVID-19 // Российский психологический журнал. 2021. Т. 187. № 2. С. 109–121. DOI: 10.21702/rpj.2021.2.7.

7. Серкин В. П. Методы психологии субъективной семантики и психосемантики: Уч. пос. для вузов. М.: ПЧЕЛА, 2008. 378 с.

8. Ahorsu D. K., Lin C.-Y., Imani V. et al. The fear of COVID-19 scale: Development and initial validation // International Journal of Mental Health and Addiction. 2020. No. 20. P. 1537–1545. DOI: 10.1007/s11469-020-00270-8.

9. Detoc M., Bruel S., Frappe P. Intention to participate in a COVID-19 vaccine clinical trial and to get vaccinated against COVID-19 in France during the pandemic // Vaccine. 2020. No. 38 (45). P. 7002–7006. DOI: 10.1016/j.vaccine.2020.09.041.

10. Giubilini A., Savulescu J., Wilkinson D. COVID-19 vaccine: Vaccinate the young to protect the old? // *Journal of Law and the Biosciences*. 2020. Vol. 7 (1). URL: <https://academic.oup.com/jlb/article/7/1/ljaa050/5860822> (дата обращения: 12.04.2022). DOI: 10.1093/jlb/ljaa050.

11. Hornsey M. J., Harris E. A., Fielding K. S. The psychological roots of anti-vaccination attitudes: A 24-nation investigation // *Health Psychology*. 2018. No. 37 (4). P. 307–315. DOI: 10.1037/hea0000586.

12. Lazarus J. V., Ratzan S. C., Palayew A. et al. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine // *Nature Medicine*. 2021. No. 27. P. 225–228. DOI: 10.1038/s41591-020-1124-9.

13. Malik A. A., McFadden S. M., Elharake J., Omer S. B. Determinants of COVID-19 vaccine acceptance in the US // *eClinicalMedicine*. 2020. No. 26. URL: [https://www.thelancet.com/journals/eclinm/article/PIIS2589-5370\(20\)30239-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/eclinm/article/PIIS2589-5370(20)30239-X/fulltext) (дата обращения: 12.04.2022). DOI: 10.1016/j.eclinm.2020.100495.

14. Motta M., Callaghan T., Sylvester S. Knowing less but presuming more: Dunning-Kruger effects and the endorsement of anti-vaccine policy attitudes // *Social Science & Medicine*. 2018. No. 211. P. 274–281. DOI: 10.1016/j.socscimed.2018.06.032.

15. Peretti-Watel P., Seror V., Cortaredona S. et al. A future vaccination campaign against COVID-19 at risk of vaccine hesitancy and politicization // *Lancet Infectious Diseases*. 2020. No. 20 (7). P. 769–770. DOI: 10.1016/S1473-3099(20)30426-6.

Получено редакцией: 13.07.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Марин Егор Борисович, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, политологии и государственно-правовых дисциплин, Морской государственный университет им. Г. И. Невельского; Департамент психологии и образования, Дальневосточный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.5

EDN: EMKLPS

Young People Assessment of Measures to Counteract the COVID-19 Pandemic (On the Example of Primorsky Region)

Egor B. Marin

The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy, Vladivostok, Russia;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia

E-mail: egor-marin@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0409-5065

For citation: Marin E. B. Young people assessment of measures to counteract the COVID-19 pandemic (on the example of Primorsky Region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 78–100. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.5; EDN: EMKLPS

Abstract. During the study, the reconstruction of the respondents' ideas about the three main preventive measures to combat the COVID-19 pandemic was carried out: self-isolation, mask regimen and vaccination, using a questionnaire, interview, association experiment, as well as a private semantic differential. As we have found, students consider self-isolation to be the most effective measure to combat coronavirus (71% of respondents). The mask regimen was considered ineffective. The survey showed a very ambiguous attitude of young people to vaccination against coronavirus. As it was found out, in case of a conflict of motives, even if they are convinced of the effectiveness of this or that protective measure, many students are not ready to sacrifice their freedom of movement, communications and contact with the outside world, even for their own safety. Comfort is often considered more important than safety. The attitude towards restrictive measures was influenced by such values of the younger generation as the desire for comfort, love of freedom and the value of one's own life. This system of values corresponds to the influence of society. The interviews demonstrated that there are two groups in the youth environment that differ in their personal characteristics, life position and strategies for solving health problems. The first, "active" group is characterised mainly by a passive attitude towards health issues. The acceptance of the vaccine was carried out by this group under pressure from the state and the employer. The second group of young people is characterised by an active position, rationalism, and personal maturity. This also determines more rational strategies for solving health problems. The second group operates a wider and more scientific range of information sources. We believe that both social influence and personal characteristics of the respondents play an important role in the choice of behavioural strategies in this situation. The application of the association experiment method allowed to determine the characteristics of ideas about the state policy to counter the pandemic in the minds of students at the figurative, emotional and affective level. The categories of perception of the phenomenon were also defined, such as freedom, comfort, efficiency and safety.

Keywords: performance, pandemic, COVID-19, self-isolation, mask regimen, vaccination, psychosemantics, Primorsky Region

References

1. Gricenko V. V., Reznik A. D., Konstantinov V. V. et al. Fear of coronavirus disease (COVID-19) and basic beliefs of the individual. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya*, 2020: 9 (2): 99–118 (in Russ.). DOI: 10.17759/cpse.2020090205.
2. Zalyaev A. R., Mukharyamova L. M., Shammazova E. Yu. COVID-19 Vaccination in the Context of Public Trust. *Social'naya politika i sociologiya*, 2020: 19: 4 (137): 127–135 (in Russ.). DOI: 10.17922/2071-3665-2020-19-4-127-135.
3. Kuhtevich E. V., Martynov Ju. V., Kulagina M. G. et al. Immunoprophylaxis: positive and negative trends. *Infektsionnyye bolezni: novosti, mneniya, obucheniye*, 2018: 7 (2): 84–91 (in Russ.).
4. Levinson A. R. Citizens and the state in the conditions of covid. *Vestnik obshchestvennogo mneniya*, 2021: 3–4 (133): 18–28 (in Russ.).
5. Petrenko V. F. *Osnovy psihosemantiki [Fundamentals of Psychosemantics]*. 2nd ed. St. Petersburg, Piter, 2005: 435 (in Russ.).
6. Rjaguzova E. V. Cognitive aspects of student youth's attitude to vaccination against COVID-19. *Rossiyskiy psikhologicheskii zhurnal*, 2021: 187: 2: 109–121 (in Russ.). DOI: 10.21702/rpj.2021.2.7.
7. Serkin V. P. *Metody psihologii sub'ektivnoj semantiki i psihosemantiki [Methods of psychology of subjective semantics and psychosemantics: Textbook. manual for universities]*. Moscow, PChELA, 2008: 378 (in Russ.).
8. Ahorsu D. K., Lin C.-Y., Imani V. et al. The fear of COVID-19 scale: Development and initial validation. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020: 20: 1537–1545. DOI: 10.1007/s11469-020-00270-8.
9. Detoc M., Bruel S., Frappe P. Intention to participate in a COVID-19 vaccine clinical trial and to get vaccinated against COVID-19 in France during the pandemic. *Vaccine*, 2020: 38 (45): 7002–7006. DOI: 10.1016/j.vaccine.2020.09.041.
10. Giubilini A., Savulescu J., Wilkinson D. COVID-19 vaccine: Vaccinate the young to protect the old? *Journal of Law and the Biosciences*, 2020: 7 (1). Accessed 12.04.2022. URL: <https://academic.oup.com/jlb/article/7/1/ljaa050/5860822>
11. Hornsey M. J., Harris E. A., Fielding K. S. The psychological roots of anti-vaccination attitudes: A 24-nation investigation. *Health Psychology*, 2018: 37 (4): 307–315. DOI: 10.1037/hea0000586.

12. Lazarus J. V., Ratzan S. C., Palayew A. et al. A global survey of potential acceptance of a COVID-19 vaccine. *Nature Medicine*, 2021: 27: 225–228. DOI: 10.1038/s41591-020-1124-9.
13. Malik A. A., McFadden S. M., Elharake J., Omer S. B. Determinants of COVID-19 vaccine acceptance in the US. *eClinicalMedicine*, 2020: 26. Accessed 12.04.2022. URL: [https://www.thelancet.com/journals/eclinm/article/PIIS2589-5370\(20\)30239-X/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/eclinm/article/PIIS2589-5370(20)30239-X/fulltext). DOI: 10.1016/j.eclinm.2020.100495.
14. Motta M., Callaghan T., Sylvester S. Knowing less but presuming more: Dunning-Kruger effects and the endorsement of anti-vaccine policy attitudes. *Social Science & Medicine*, 2018: 211: 274–281. DOI: 10.1016/j.socscimed.2018.06.032.
15. Peretti-Watel P., Seror V., Cortaredona S. et al. A future vaccination campaign against COVID-19 at risk of vaccine hesitancy and politicization. *Lancet Infectious Diseases*, 2020: 20 (7): 769–770. DOI: 10.1016/S1473-3099(20)30426-6.

The article was submitted on: July 13, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor B. Marin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of history, political science and state and legal disciplines, The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy; Associate Professor, Department of Psychology and education, Far Eastern Federal University

МОЛОДЁЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.6
EDN: GFWFWC

Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы

Ссылка для цитирования: Присяжная Н. В., Вяткина Н. Ю. Трудоустройство молодого медицинского специалиста: уровни проявления проблемы // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 101–114. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.6; EDN: GFWFWC

For citation: Prisyazhnaya N. V., Vyatkina N. Yu. Employment of a young medical specialist: levels of manifestation of the problem. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 101–114. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.6; EDN: GFWFWC

AuthorID ПИНЦ: 497535

Присяжная Надежда Владимировна¹

¹Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет), Москва, Россия

prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru

AuthorID ПИНЦ: 964222

Вяткина Надежда Юрьевна¹

¹Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России
(Сеченовский Университет), Москва, Россия

vyatkina_n_yu@staff.sechenov.ru

Аннотация. В статье обсуждается тема трудоустройства выпускников медицинских вузов и молодых медицинских специалистов. Опираясь на данные экспертных фокус-групп (2016 г.) с преподавателями и выпускниками медицинских вузов и руководителями фармацевтических компаний, а также нарративных интервью с молодыми медицинскими специалистами (2021 г.), авторы выделяют ряд проблем, возникающих при первом трудоустройстве и препятствующих успешной профессиональной социализации вчерашних выпускников на отраслевом рынке труда.

Авторы отмечают, что в настоящее время, несмотря на заинтересованность в сотрудничестве основных акторов взаимодействия на отраслевом рынке труда медицинских специалистов, ключевыми проблемами выступают: несогласованность реализации кадровых потребностей отрасли, отставание содержания образовательных программ вуза от актуальных требований работодателей, а также слабая ориентированность соискателей в возможностях трудоустройства по профессии. При этом сложности трудоустройства выпускника

медицинского вуза преимущественно связаны с недостаточностью практических навыков у молодых специалистов – что актуализирует необходимость сотрудничества вузов и организаций-работодателей.

Немаловажными факторами, способствующими повышению конкурентоспособности выпускников медицинских вузов на рынке труда, являются активная работа вуза по адаптации студентов в профессии (воспитательная работа, создание и обеспечение функционирования «диалоговой площадки» для соискателей-выпускников и работодателей, меры по повышению мотивации построения профессиональной карьеры и готовности молодёжи к практической работе по специальности и др.), обеспечение получения молодым специалистом дополнительного немедицинского образования – экономического, управленческого, юридического, социологического, психологического и иного. Кроме того, эксперты связывают высокую конкурентоспособность (как показатель профессиональной социализации) выпускников вуза с внедрением инновационных практик индивидуальной подготовки студентов с опорой на их личностные особенности, склонности и таланты.

Для более глубокого понимания негативных факторов, осложняющих трудоустройство, рассматривается специфика проявления этих проблем на трёх уровнях – рынка труда в целом, системы «вуз – работодатель» и личностном. Сравнительный анализ результатов двух замеров, проведённых с разницей в пять лет, позволил сделать вывод об устойчивом характере выявленных проблем, по сути, их хронизации, и наметить возможные способы и пути преодоления сложившейся ситуации.

Ключевые слова: отраслевой рынок труда, выпускник медицинского вуза, молодой медицинский специалист, трудоустройство

Введение

Значимость образования как социального института заключается не только в поступательном накоплении высокообразованного трудового резерва для экономического развития страны, но и в формировании демографически значимой социальной группы, обладающей как профессиональными знаниями, умениями и навыками, так и необходимым набором социальных установок и личностных ресурсов, позволяющих выстраивать стратегии успешной коммуникации в профессиональной среде [8; 9; 10].

Большая часть соискателей на рынке труда в современной России – уже имеющие опыт работы, адаптировавшиеся в профессии специалисты, что усложняет поиск работы для выпускников, лишь вчера окончивших вуз. На протяжении довольно длительного времени в стране формируется непрерывно пополняемая группа соискателей с высшим образованием, но без опыта работы, шансы на трудоустройство которых на практике невелики [11]. Тем не менее, удовлетворяя запросы потребителей образовательных услуг на получение «престижной» специальности и «корочек» (т. е. дипломов) [4], вузы из года в год набирают студентов на «популярные» направления, из-за чего рынок труда, с одной стороны, страдает от переизбытка потенциальных работников «престижных» специальностей, а с другой – недополучает работников реально востребованных специальностей.

Помимо объективного разрыва между спросом и предложением на рынке труда, наблюдается также субъективное расхождение между ожиданиями выпускников и реальным положением дел, что тоже негативно влияет на успешность их трудоустройства и стабильность работы по специальности такого рода соискателей [2]. Причем дело не только в подчас завышенных ожиданиях обладателей «престижных» специальностей, но и в некорректной оценке соискателем качества полученного им образования, что стало особо актуально в условиях новой коронавирусной инфекции и введении дистанционных форм проведения занятий [6; 7].

Все означенные выше проблемы свойственны и рынку труда медицинских специалистов. Абсолютное большинство выпускников медицинских вузов первоначально трудоустраивается по профилю полученной специальности [12], однако впоследствии, столкнувшись с рядом трудностей, нередко «уходят» из профессии [1; 3; 5]. Данная закономерность указывает на наличие серьезных проблем в сфере взаимодействия основных акторов отраслевого рынка труда (государство – вуз – работодатель – работник). С целью выявления и конкретизации этих проблем, на базе кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования Первого МГМУ имени И. М. Сеченова Минздрава России было проведено исследование¹ особенностей трудоустройства молодых медицинских специалистов, включавшее два замера – в 2016 и 2021 гг.

Эмпирическая база исследования

В мае 2016 г. было проведено две экспертные фокус-группы. Гайд содержал двенадцать блоков и охватывал широкий круг вопросов, связанных с трудоустройством выпускников медицинских вузов, включая причины сложившейся ситуации и возможные пути оптимизации процесса трудоустройства. В качестве экспертов ($n = 14$) привлекались преподаватели медицинских вузов, выпускники Первого МГМУ имени И. М. Сеченова, руководители и топ-менеджеры фармацевтических компаний и медицинских организаций г. Москвы.

В 2021 г. была проведена серия нарративных интервью ($n = 21$) с молодыми медицинскими специалистами, имевшими на момент участия в исследовании опыт работы менее 5 лет. Информанты делились своим опытом первого трудоустройства на отраслевом рынке труда и описывали проблемы, сопутствовавшие поиску работы.

Результаты

По итогам бесед с экспертами и молодыми медицинскими специалистами были выделены основные проблемы трудоустройства молодых медицинских специалистов, факторы, негативно влияющие на успеш-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Оценка востребованности выпускников ФГБОУ ВО Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России на профессиональном рынке труда» (2016 г.).

ность первого трудоустройства, а также особенности проявления выявленных проблем на трёх уровнях – отраслевого рынка труда в целом, системы «вуз – работодатель» и личностном.

Трудовая занятость выпускников медицинских вузов: уровень отраслевого рынка труда

Несмотря на длительный срок обучения и становления в профессии, значительное число молодых медицинских специалистов трудоустраивается не по специальности вследствие **отсутствия на рынке труда вакансий для соискателей без опыта работы**. Требование к наличию стажа распространено и в сфере практического здравоохранения, и в производственном секторе фармацевтических компаний, и при этом, как показало сравнение результатов двух замеров, сохраняет свою устойчивость во времени: *«Вакансии есть... это 2–3, чаще 5 лет стажа. ...устроиться молодому нельзя!»* (Н. В., главный врач, 2016 г.¹); *«...есть квалификационные требования к специалистам, занимающим те или иные должности. Нигде не написано, что можно быть молодому специалисту-выпускнику, везде нужен большой стаж!»* (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.); *«Молодой специалист без опыта работы, тем более в Москве, мало кому нужен»* (врач-уролог, 2021 г.).

Другая выявленная в ходе бесед с экспертами причина, обуславливающая трудности с первым трудоустройством, – **отсутствие информации об объективной кадровой потребности** в практическом здравоохранении и фармацевтической отрасли, причем не только у вузов, но и у соответствующих государственных структур, как центральных, так и на местах. В качестве выхода из создавшейся ситуации кадровой неопределённости эксперты предлагали воспользоваться опытом советской системы кадрового распределения или перейти на целевую подготовку специалистов для региона/работодателя: *«[В Советском Союзе] министерство здравоохранения знало потребности и формировало соответствующее распределение и подготовку кадров. <...> А [сейчас] сколько нам нужно врачей вообще... в каких регионах, с учетом резерва, с учетом демографической ситуации? Если мы будем иметь четкое представление, что нам нужны именно педиатры или врачи общей практики, и их количество по субъектам [федерации], мы как-то сможем и соответственно вводить программы под эти специальности, корректировать их и отрабатывать навыки»* (А. П., преподаватель вуза, 2016 г.); *«Нужно региону вот столько-то терапевтов, столько хирургов – фарм-бизнес,.. частная медицина... заказывает... И вузы обеспечивают этот заказ»* (В. А., преподаватель вуза, 2016 г.).

С проблемой отсутствия информации о кадровой потребности тесно связана проблема дефицита рабочих мест вследствие **слабого оттока возрастных специалистов** из практического здравоохранения:

¹ В описании эксперта/информанта указывается год проведения беседы – 2016 или 2021 г.

«[На момент поиска работы] нам открытым текстом сказали: ближайšie лет десять даже не думайте устроиться в этом городе. <...> Там работали очень-очень возрастные доктора, у которых были проблемы со здоровьем, со зрением...но они не уходили» (врач-уролог, 2021 г.).

Нередко трудности при первом трудоустройстве возникают из-за **отсутствия у молодых соискателей важного набора немедицинских знаний, навыков и компетенций**. В условиях высокой конкуренции на рынке труда и заинтересованности работодателей в работниках, отвечающих современным требованиям к квалифицированным специалистам, вчерашние выпускники оказываются в проигрыше, так как собственно медицинского образования уже недостаточно для стабильной работы и успешной карьеры в медицине или фармакологии. Соответственно, возникает потребность в получении дополнительного образования и приобретении немедицинских знаний и компетенций: «Причина этого феномена – то, что нужно несколько образований, – в том, что во всей мировой экономике сейчас наблюдается парадоксальная проблема нехватки кадров, когда их много. ...Люди нужны, а те, которые есть (и их много), не соответствуют требованиям. ...Есть потребность в таких специалистах, которые имеют много образований, много навыков... межотраслевое мышление имеют, логически... мыслить умеют, а их просто нет» (А. Ф., руководитель центра клинических исследований, 2016 г.).

Самым востребованным у молодых медицинских специалистов направлением дополнительного образования, как полагают эксперты, является менеджмент: «Большинство [молодых медицинских работников]... говорят, что приходилось получать второе образование – управленческое, потому что иначе невозможно» (Н. С., преподаватель вуза, 2016 г.). Сходного мнения придерживаются и сами молодые специалисты, отмечая недостаток, помимо управленческих, еще и юридических знаний: «И вот недостаточно знаний именно в юридической сфере. Надо что-то знать на всякий случай. Что касается, наверное, здравоохранения, всякие статьи...» (врач-травматолог, 2021 г.).

Не менее важно и знание иностранных языков: «Я твердо убежден, что в первую очередь специалист должен владеть английским языком на уровне, позволяющем читать современную профессиональную литературу. Потому что, к сожалению, оторванность от мирового контекста, она присутствует» (А. Н., преподаватель вуза, 2016 г.).

Некоторые эксперты в сфере кадрового управления системы здравоохранения отмечали также недостаточную подготовку молодых специалистов в области социологии, регионоведения и глобалистики, в отличие, например, от выпускников американских вузов: «У них [в США] в любом вузе, по любой специальности есть глобалист, знающий регионы, регионоведение, который может уехать из страны и продвигать своей профессией интересы своей страны в любом регионе мира» (О. Ю., аналитик BIG DATA в сфере здравоохранения, 2016 г.).

Трудовая занятость выпускников медицинских вузов: уровень системы «вуз – работодатель»

Диспропорция в подготовке специалистов и спросе на них на рынке труда не раз отмечалась нашими экспертами и информантами в качестве серьёзной проблемы, с одной стороны, препятствующей успешному трудоустройству выпускников, а с другой – способствующей усилению кадрового дефицита. Особо остро это ощущается в фармацевтическом секторе, где наблюдается явный **разрыв между системой подготовки специалистов и потребностью в кадрах** с определённым набором компетенций и уровнем практической подготовки: «Мы испытываем огромный кадровый дефицит. К сожалению, студенты, которые выпускаются, не знают о существовании тех специальностей, в которых мы очень нуждаемся. <...> Это такие сферы, как клинические исследования, фармаконадзор и медицинская информация» (О. В., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.); «Конечно, не хватает навыков специалистам не только на производстве высокотехнологичных... например, лекарственных препаратов и [для] оформления каких-то глубоко профессиональных документов, но и даже в аптечном сегменте. ...На достаточно начальном этапе все равно знаний не хватает» (Н. С., преподаватель вуза, 2016 г.). В итоге фармацевтические компании «вынуждены брать сотрудников с дипломом, но без нужных навыков и обучать их на рабочем месте» (Н. В., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.).

Причина описанной ситуации, по мнению самих экспертов, кроется в **несоответствии вузовских программ профессиональной подготовки фактическим требованиям рынка труда**. Довольно остро это ощущается в фармацевтической сфере: «Отрасль живёт своей жизнью, а вузы живут своей жизнью» (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.). Отдельные векторы практической деятельности фармацевтического производства полностью отсутствуют в образовательных программах вузов. Причём происходит это не только потому, что они не включены в образовательный стандарт, но и в силу крайнего дефицита специалистов, способных соответствующие дисциплины преподавать: «И по конкретным... направлениям... нет лекций, да и нет специалистов. Мало специалистов, кто бы мог читать биоинформатику и, например, то, что касается начальных стадий фармразработки. ...Проблема не только выпуска кадров. Даже если мы выявляем какие-то дефициты, а кто будет читать эти дисциплины?» (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.).

Аналогичная ситуация складывается и в сфере практического здравоохранения. Такие современные направления, как «информационные технологии», «телемедицинские технологии», «мобильные медицинские сервисы», являются сейчас весьма востребованными, поскольку «для такой большой страны, как Россия, информационные технологии, телемедицина, “облачные” технологии – это единственный выход,

чтобы население всегда было охвачено медициной и довольны ей» (О. Ю., аналитик BIG DATA в сфере здравоохранения, 2016 г.). Однако подготовка по указанным направлениям в вузах практически не ведется.

Говоря о преодолении указанного несоответствия, эксперты наметили два возможных пути. Одни полагают, что задача анализа современного отраслевого рынка труда и переориентации на подготовку специалистов перспективных направлений лежит прежде всего на вузах: *«Проходит даже лицензирование ряда специальностей, которые вроде бы даже не должны преподаваться в медицинском вузе. Но... сегодня не проживёшь с одной специальностью... И это дает более устойчивое положение на рынке труда выпускникам, потому что они понимают, что перед ними не одна дорога, а уже две»* (Н. Г., преподаватель вуза, 2016 г.). Спустя пять лет после первого замера наши информанты из числа недавних выпускников отметили положительные сдвиги в этой сфере: *«...медицина настолько широка, даже в момент выбора специальности существует 71 специальность. Если не нравятся люди, я иду в лабораторию. Если мне нравятся компьютеры, я иду в компьютерные технологии. Да что угодно. ...Развивайся в любые стороны, технические, гуманитарные»* (врач-отоларинголог, 2021 г.).

Другие эксперты уверены, что в одиночку вузам с указанной проблемой не справиться, и для повышения уровня подготовки студентов-медиков необходимо тесное взаимодействие системы образования и организаций-работодателей: *«...нет возможности дать студентам качественное образования без тесной взаимосвязи с предприятиями отрасли. И чем больше этот отрыв, тем качество образования ниже, и чем отрыв меньше, соответственно, наоборот»* (Н. С., преподаватель вуза, 2016 г.). Такого рода взаимодействие, по сути, включает элементы планового кадрового обеспечения и способствует подготовке узкоспециализированных кадров для конкретных организаций-работодателей. В этом заинтересованы, например, фармацевтические компании, готовые создавать соответствующие кафедры на базе своих предприятий и оказывать им всяческую поддержку: *«Они готовы вкладываться и в разработчиков своих будущих, и... в технологов»* (Н. С., преподаватель вуза, 2016 г.). Молодые специалисты тоже выступают за тесную коллаборацию вузов и медицинских организаций, поскольку это дает дополнительную возможность успешно трудоустроиться и адаптироваться в профессии: *«Проще, однозначно, тем, кто учился в ординатуре и тут же остался работать, потому что ты уже привык к тому коллективу, с которым ты работаешь, к методам лечения, уже всех знаешь, уже знаешь, что надо делать»* (врач помощи на дому, 2021 г.).

Сильным подспорьем в плане трудоустройства может также стать упрочение связей между выпускающими кафедрами и их бывшими выпускниками, привлечение последних к работе и мероприятиям первых: *«Приведу пример одного университета, даже кафедры... <...> Там чёткая преемственность. Все выпускники, которые выпускаются, они не теряют связь с кафедрой... И устраиваясь в разные организации*

своего профиля, по которому работает кафедра, они приезжают каждый год, по 2–3 человека. Находятся площадки для выступления, вплоть до того, что им дают возможность провести занятие по какой-то теме специализированной, прикладной. Да, они говорят, как они работают, какие требования к кандидату, что предполагается делать. <...> И на практику студентов отправляют к ним, в эти организации. И потом студенты целенаправленно приходят к ним и работают» (В. Н., преподаватель вуза, 2016 г.).

Трудовая занятость выпускников медицинских вузов: личностный уровень

Личностные качества соискателя, по мнению экспертов, играют весьма значимую роль при принятии решения о найме сотрудника в сфере практического здравоохранения и фармацевтическом секторе, а также влияют на успешность социализации в выбранной профессии. Среди наиболее востребованных (приоритетных) личностных характеристик медицинского специалиста в 2016 г. назывались следующие: стрессоустойчивость, коммуникабельность, междисциплинарный взгляд на практическую деятельность, организаторские и управленческие способности, хорошие адаптационные навыки, наличие внутренней этической оси, ответственность, мотивированность на работу по специальности и профессиональное развитие, способность к быстрому освоению новых навыков, знаний, умений, работоспособность, хорошие профессиональные знания. Спустя пять лет после первого замера указанные характеристики и качества продолжают сохранять свою актуальность в плане успешной адаптации выпускника вуза в системе здравоохранения: «Вообще залог успешной социализации – это такой момент, что нужно быть очень коммуникабельным» (врач-рентгенолог, 2021 г.); «...у людей... которые склонны к стрессу, для них это [работать врачом], наверное, тяжело бывает» (врач-травматолог, 2021 г.).

В реальности далеко не все молодые специалисты обладают желательными для работодателей личностными характеристиками, что, естественно, усложняет процесс трудоустройства. Так, некоторые из экспертов отмечали у соискателей-студентов **недостаточное развитие коммуникативных навыков и навыков самопрезентации**. Претендент может грамотно себя позиционировать на интернет-сайте, но при собеседовании начинает испытывать робость из-за неуверенности в своих силах и знаниях: «На сто опрошенных пятьдесят восемь процентов считают, что они не совсем готовы... Почему? Страшно, потому что нет навыков, недостаточно простых умений, недостаточно знаний, но еще у них есть... трудности в общении с врачами, с медицинскими работниками, с медицинскими сестрами» (О. А., преподаватель вуза, 2021 г.).

Работодатели весьма заинтересованы в организации диалоговых площадок для обеспечения целевого информирования потенциальных соискателей о своих предложениях: «Организация каких-то встреч между

работодателями и студентами, с моей точки зрения, очень важна, потому что студенты уже могли бы на каком-то пятом или шестом курсе понимать, куда они хотят идти» (О. В., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.). Однако студенты старших курсов, напротив, нередко демонстрируют **низкую инициативность в вопросах своего будущего трудоустройства** до момента выпуска. Они неохотно посещают всевозможные «Ярмарки вакансий», «Дни открытых дверей» и иные встречи с работодателями, а также практически не проявляют интереса к имеющимся возможностям трудоустройства в рамках внутреннего рынка труда вуза: «Мы имеем хорошие контакты со всеми нашими подразделениями – лечебными и фармацевтическими. И за год работы к нам пришёл только один студент из обучающихся и спросил: “А вот куда я могу трудоустроиться? Где я могу диплом [писать]”» (Н. С., преподаватель вуза, 2016 г.).

Низкая инициативность выпускников в вопросах трудоустройства подчас дополняется **слабой трудовой мотивацией**, например, при назначении испытательного срока или периода стажировки: «Открыто мы... говорим, что есть три месяца стажа, стажировочного периода, потому что мы знаем, что половина не придет на второй день, а половина из тех оставшихся отсеется в течение этих трех месяцев» (А. Ф., руководитель центра клинических исследований, 2016 г.).

Впрочем, скептическое отношение молодых специалистов к стажировкам возникает не на пустом месте, поскольку они нередко носят формальный характер и не позволяют приобрести практические навыки, необходимые для дальнейшей успешной работы: «А стажировка заключалась в том, что я нажимала на кнопки... [Но если] я не смогу увидеть глаза, по крайней мере, не могу наработать клинический опыт» (врач-офтальмолог, 2021 г.). Наоборот, если вчерашние выпускники на своем первом рабочем месте получают поддержку и помощь со стороны старших, более опытных коллег, это положительно сказывается на их трудовой мотивации и адаптации в профессии: «И несмотря на всю сложность работы, мою неопытность, я вспоминаю то время с теплотой, во многом благодаря моему первому коллективу, начиная от главврача и заканчивая медсестрами. ...Меня поддерживали в работе, передавали свой опыт более опытные врачи» (врач-психотерапевт, 2021 г.); «На том этапе [начала трудовой деятельности] помогал весь коллектив» (врач-отоларинголог, 2021 г.).

В качестве довольно распространенной установки, мешающей первому успешному трудоустройству, эксперты назвали **завышенные ожидания**, как в плане «престижности» работы, так и в плане стартовой зарплаты. Первое нередко наблюдается у тех, кто изначально был ориентирован на обучение в «престижном» вузе и/или получение «престижной» специальности. У таких молодых специалистов закономерно формируется довольно высокая планка для будущей карьеры и «непрестижные» вакансии их не привлекают: «...пойти на завод технологом для молодёжи – это не очень престижно... и поэтому там не хватает

кадров» (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.). Но даже если молодые специалисты понимают необходимость построения карьеры с нижней ступени, их может не устроить стартовая оплата труда. Минимальный приемлемый для себя уровень заработной платы выпускники определили в 50 тыс. руб., что примерно соответствует представлениям работодателей из фармацевтического сектора о справедливой оплате для молодых специалистов, только закончивших вуз: *«У себя в компании я плачу девчонкам-мальчишкам по выпуску чуть поменьше деньги, чем назвали»* (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.). Впрочем, порой выпускники готовы работать исключительно ради приобретения опыта и формирования репутации: *«Денег там [на первой работе] платилось очень мало. Не из-за денег пошёл работать первоначально, скорее, чтобы было больше профессионального опыта»* (врач помощи на дому, 2021 г.)

Еще один момент, осложняющий первое трудоустройство, – **разница позиций работодателей и студентов/выпускников** в отношении тех или иных компетенций и личностных ресурсов соискателя с точки зрения их значимости для трудоустройства. Так, студенты/выпускники считают свои оценки достаточным показателем их готовности к работе, тогда как работодатель больше ориентируется на имеющиеся практические навыки: *«...здесь позиция двойная: что думает работодатель и что думают студенты»* (О. А., преподаватель вуза, 2016 г.). Тем не менее руководители фармацевтических компаний, как уже отмечалось, готовы вкладывать время, силы и средства в подготовку специалистов «под себя»: *«Коллеги подтвердят, они берут к себе студентов, отсеивают “по ходу пьесы”, и... сами обучают»* (И. А., руководитель фармацевтической компании, 2016 г.).

Выводы

Как показало проведённое исследование, несмотря на заинтересованность основных акторов отраслевого рынка труда медицинских специалистов в сотрудничестве, механизм их взаимодействия работает в настоящее время недостаточно эффективно. Наблюдается дискретность коммуникации в рамках системы «соискатель – работодатель – рынок труда», что влечет за собой: 1) дисбаланс между количеством подготовленных специалистов и кадровыми потребностями отрасли; 2) разобщённость в содержании образовательных программ вуза и требованиях работодателей; 3) низкую ориентированность соискателей в возможностях трудоустройства. В итоге выпускник медицинского вуза нередко бывает лишён практических навыков и дополнительных медицинских знаний и компетенций, необходимых для успешного трудоустройства и стабильной работы по выбранной специальности, что, в свою очередь, способствует эскалации оттока кадров из отрасли.

Решение указанных проблем видится главным образом в установлении и укреплении взаимосвязей вуза с непосредственными работодателями, а также в преодолении «оторванности» вузовских программ подготовки специалистов от фактических требований рынка труда и запросов работодателей, их совершенствовании в плане сближения теории и практики. В целях улучшения ситуации с кадровой неопределенностью и закрепления молодых специалистов в профессии некоторые из экспертов предложили воспользоваться опытом советской системы кадрового распределения или перейти на целевую подготовку специалистов для региона/работодателя.

И вузы, и работодатели, как свидетельствуют ответы наших экспертов, осознают имеющиеся на сегодняшний день сложности и готовы сделать шаг навстречу друг другу в плане облегчения вхождения молодых специалистов в профессию. Вузы организывают «диалоговые площадки» с работодателями и встречи с бывшими выпускниками в целях повышения у студентов мотивации к построению профессиональной карьеры и коррекции ожиданий в отношении реальной работы по специальности. Фармацевтические компании выражают готовность открывать кафедры на базе своих предприятий, предоставляют площадки для стажировок, вкладывают дополнительные ресурсы в обучение молодых специалистов уже в процессе работы и т. п.

Однако, несмотря на предпринимаемые усилия со стороны вузов и компаний/учреждений отрасли, указанные проблемы продолжают сохраняться. Причина кроется не только во все еще недостаточной на сегодняшний день развитости взаимосвязей вузов с работодателями (например, стажировки порой носят формальный характер и не формируют у студентов необходимых практических навыков), но и в ряде установок и личностных качеств, присущих студентам/выпускникам, которые осложняют для них первое трудоустройство, – неуверенность в собственных знаниях и практических навыках, неумение подать себя, низкая инициативность в плане поиска работы, низкая трудовая мотивация, ориентация на «престижность» должности/специальности, завышенные ожидания в плане стартовой оплаты труда. Скорректировать установки будущих соискателей и их представления о своих возможностях могла бы, по мнению экспертов, индивидуальная работа вузов с учащимися, выстроенная с учётом их личностных особенностей.

Проведённые с разницей в пять лет замеры показали, что обсуждаемые в статье проблемы сохраняются во времени, хронизируются, а акторы отраслевого рынка труда, несмотря на предпринимаемые усилия, не справляются с их нивелированием. В этой ситуации представляется необходимым проведение мониторинговых социологических исследований с целью: 1) формирования прогнозов стратегического развития системы здравоохранения и фармацевтической отрасли; 2) регулярной оценки потребностей рынка труда в специалистах и выстраивания долгосрочного прогноза востребованности тех или иных специальностей.

Полученные в рамках этих исследований данные позволили бы внести коррективы в объемы набора абитуриентов и определить образовательные «тренды», потенциально востребованные в будущем.

Библиографический список

1. Балакина Ю. А., Соколова А. В. Факторы привлекательности и мотивы выбора профессии врача // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2018. Т. 8. № 3. С. 94–95.
2. Бессокирная Г. П. Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методики исследований // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 29–38.
3. Коленникова О. А. Специалисты с высшим медицинским образованием на рынке труда // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 131–141. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.12.
4. Константиновский Д. Л. Преодоление барьеров в образовании: исследования и социальная практика // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 3(31). С. 125–133. DOI: 10.19181/snsr.2020.8.3.7491.
5. Королёва Г. П., Лукьянова В. В. Проблема кадрового обеспечения средним медицинским персоналом в бюджетных организациях здравоохранения (на примере Самарской области) // Эксперт: теория и практика. 2020. № 6(9). С. 76–79. DOI: 10.24411/2686-7818-2020-10058.
6. Литвинова Т. М., Галузина И. И., Засова Л. В., Присяжная Н. В. Медицинское образование в России: векторы перезагрузки в условиях пандемии // Национальное здравоохранение. 2021. Т. 2. № 1. С. 12–20. DOI: 10.47093/2713-069X.2021.2.1.12-20.
7. Присяжная Н. В., Решетников А. В. Образование в условиях пандемии: векторы цифровой трансформации // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 149–151. DOI: 10.31857/S013216250018694-6.
8. Решетников А. В. Социология медицины: Руководство. М.: Медицина, 2010. 864 с.
9. Решетников А. В., Присяжная Н. В., Вяткина Н. Ю. Переход на дистанционный формат обучения в медицинском вузе: мнение студентов о трансформации учебного процесса в начале пандемии COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 3. С. 364–370. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-3-364-370.
10. Рыбакова М. В. Риски трансформации образования: ретроспективный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 4. С. 84–96. DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51633.
11. Сапунов А. В., Сапунова Т. А. Анализ показателей безработицы в Российской Федерации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4-2. С. 120–123. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-2-120-123.

12. Чередниченко Г. А. Первое трудоустройство после вуза (по материалам опроса Росстата РФ) // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 91–101. DOI: 10.31857/S013216250000764-3.

Получено редакцией: 26.07.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Присяжная Надежда Владимировна, кандидат социологических наук, заместитель директора по научной работе Института социальных наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского Университета)

Вяткина Надежда Юрьевна, ассистент кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Институт социальных наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского Университета)

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.6

EDN: GFWFWC

Employment of a Young Medical Specialist: Levels of Manifestation of the Problem

Nadezhda V. Prisyazhnaya

Sechenov University, Moscow, Russia

E-mail: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru

ORCID: 0000-0002-5251-130X

Nadezhda Yu. Vyatkina

Sechenov University, Moscow, Russia

E-mail: vyatkina_n_yu@staff.sechenov.ru

ORCID: 0000-0003-3647-0066

For citation: Prisyazhnaya N. V., Vyatkina N. Yu. Employment of a young medical specialist: levels of manifestation of the problem. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 101–114. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.6; EDN: GFWFWC

Abstract. The article discusses the topic of employment of medical university graduates and young medical professionals. Based on the data of expert focus groups (2016) with teachers and graduates of medical universities and heads of pharmaceutical companies, as well as narrative interviews with young medical professionals (2021), the authors identify a number of problems that arise during the first employment and impede successful professional socialisation of yesterday's graduates in the industry labour market.

The authors note that at present, despite the interest in cooperation between the main actors of interaction in the industry labour market of medical specialists, the key problems remain as follows: the inconsistency in the implementation of the personnel requirements of the industry, the lag gap between the content of educational university programmes and the current requirements of employers, as well as the weak orientation of applicants in employment opportunities by profession. At the same time, the difficulties of finding a job for a graduate of a medical university are mainly associated with a lack of practical skills among young specialists, that brings forward the need for cooperation between universities and employers.

Important factors contributing to increasing the competitiveness of graduates of medical universities in the labour market are the active work of the university to adapt students to the profession (educational work, the creation and maintenance of the “dialogue platform” for applicants-graduates and employers, measures to increase the motivation for building a professional career and the readiness of young people to practical work in the specialty, etc.), providing young specialists with the opportunity to receive additional non-medical education – economic, managerial, legal, sociological, psychological and other. In addition, experts associate the high competitiveness (as an indicator of professional socialisation) of university graduates with the introduction of innovative practices for

individual training of students based on their personal characteristics, inclinations and talents. For a deeper understanding of the negative factors that complicate employment, the specific manifestation of these problems is considered at three levels – the labour market as a whole, the “university-employer” system, and personal. A comparative analysis of the results of two measurements carried out with an interval of five years allowed to draw a conclusion about the sustainable nature of the identified problems, in fact, their chronicity, and outline possible ways and means to overcome the current situation.

Keywords: industry labour market, medical school graduate, young medical specialist, employment

References

1. Balakina Yu. A., Sokolova A. V. Faktory privlekatel'nosti i motivy vybora professii vracha [Factors of attractiveness and motives for choosing a doctor's profession]. *Bulleten' medicinskih internet-konferencij*, 2018: 8: 3: 94–95 (in Russ.).
2. Bessokirnaya G. P. Researching Labor Motivation in Post-reform Russia, 1990–2010. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 2: 29–38 (in Russ.).
3. Kolennikova O. A. Specialists with Higher Medical Education on the Labor Market. *Narodonaselenie*, 2021: 24: 2: 131–141 (in Russ.). DOI: 10.19181/population.2021.24.2.12.
4. Konstantinovskiy D. L. Overcoming Barriers in Education: Research and Social Practice. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*, 2020: 8: 3(31): 125–133 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2020.8.3.7491.
5. Koroleva G. P., Lukyanova V. V. The Problem of Middle-grade Medical Staffing in Budgetary Health Organizations (the Case of Samara Region). *Expert: teoriya i praktika*, 2020: 6(9): 76–79 (in Russ.). DOI: 10.24411/2686-7818-2020-10058.
6. Litvinova T. M., Galuzina I. I., Zasova L. V., Prisyazhnaya N. V. Medical Education in Russia: Vectors of Reboot in Pandemic Conditions. *Natsional'noe zdavookhranenie*, 2021: 2: 1: 12–20 (in Russ.). DOI: 10.47093/2713-069X.2021.2.1.12-20.
7. Prisyazhnaya N. V., Reshetnikov A. V. Education during the Pandemic: Vectors of Digital Transformation. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 4: 149–151 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250018694-6.
8. Reshetnikov A. V. *Medical Sociology: Handbook*. Moscow, Meditsina, 2010: 864.
9. Reshetnikov A. V., Prisyazhnaya N. V., Vyatkina N. Yu. The Transition to Remote Education Format in Medical University: Opinion of Students about Transformation of Education Process at the Outset of COVID-19 Pandemic. *Problemy sotsial'noj gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny*, 2022: 30: 3: 364–370 (in Russ.). DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-3-364-370.
10. Rybakova M. V. Risks of Education Transformation: A Retrospective Analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2021: 4: 84–96 (in Russ.). DOI: 10.34823/SGZ.2021.4.51633.
11. Sapunov A. V., Sapunova T. A. Analysis of Unemployment Indicators in the Russian Federation. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2021: 4–2: 120–123 (in Russ.). DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-2-120-123.
12. Cherednichenko G. A. Employment after Universities on the Materials of the Russian Statistics Committee Survey. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 8: 91–101 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250000764-3.

The article was submitted on: July 26, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda V. Prisyazhnaya, Candidate of Sociological Sciences, Deputy Director for Scientific Work of Institute of Social Sciences, Sechenov University
Nadezhda Yu. Vyatkina, Assistant of Department of Sociology of Medicine, Economy of Health Care and Medical Insurance of Institute of Social Sciences, Sechenov University

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7
EDN: GGLASB

Номо Ludens в игровом мире постправды

Ссылка для цитирования: Мамедов А. К., Комиссаров С. Н., Коркия Э. Д. Номо Ludens в игровом мире постправды // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

For citation: Mamedov A K., Komissarov S. N., Korkiya E. D. Homo Ludens in the post-truth game world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

AuthorID РИНЦ: 376690

Мамедов Агамали Куламович¹

¹Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

akmnauka@yandex.ru

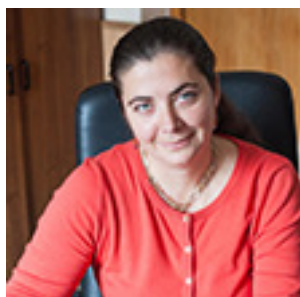

AuthorID РИНЦ: 348859

Комиссаров Сергей Николаевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

prcult@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 807461

Коркия Эка Демуриевна¹

¹Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

ekakorkiya@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются характеристики феномена постправды, как термина, обозначающего радикальную трансформацию СМИ, отказавшихся от свободы слова и объективности информации в угоду геополитическим интересам Запада, рассматривается содержательное наполнение концепции «постправды» в современном научном дискурсе; отмечается, что вступление цивилизации в эпоху освоения информации как ведущего

ресурса требует от научного сообщества осмысления проблематики, связанной с конечностью связи семантических объемов публичной информации с реальностью, что отражено в феномене постправды. Авторы исследуют истоки этого явления, в полной мере проявившего себя лишь в первые десятилетия XXI в. и связанного с коммуникационным «взрывом» и информационной революцией, которые возвели информацию в ранг нового глобального ресурса. Фрагментация восприятия реальности в феномене постправды выступает как средство защиты психики человека от информационного перепроизводства, в условиях которого информация используется как инструмент осуществления геополитических интересов коллективного Запада, владеющего львиной долей мировых СМИ. Авторы не склонны идентифицировать постправду исключительно с ложной информацией и предлагают рассматривать ее результат практического освоения и разнонаправленного осмысления обществом множественности реальностей, естественно присущих человеческим существам. В статье представлены способы концептуального рассмотрения феномена постправды в рамках соотнесения различных исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся мотивацией коммуникативной деятельности. Четыре таких состояния (Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus) устойчиво демонстрируются условиями социального развития, однако четкое представление о том, к какому из этих видов можно отнести человека того или иного исторического периода или социально-политической группы, отсутствует. Постправда рассматривается авторами как системное явление, являющееся следствием взаимоотношений элементов трёх социальных процессов. К ним относятся: а) игроизация бытия, требующая от индивида включения в повседневный опыт множественности окружающих его реальностей; б) невротизация социальной жизни вследствие высокого информационного давления; в) трансформации СМИ, выражающейся в усилении взаимозависимости функций информирования, развлечения и идеологического влияния. Предложен способ анализа адресатов постправды через соотнесение исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся способом мотивации коммуникативной деятельности.

Ключевые слова: постправда, информация, коммуникация, множественные реальности, игра, СМИ, невротизация социальной жизни, Homo Ludens, Homo Mythicus, Homo Historicus, Homo Novus

О правде и неправде

Последние десятилетия наглядно показали деградацию многих социальных институтов западного общества, однако в наибольшей степени перерождение затронуло средства массовой информации, которые превратили основополагающие принципы свободы слова и объективности информации в свободу дезинформации и клеветы в угоду геополитическим интересам американского олигархата. Не случайно в этом году исполняется 30 лет со времени первого употребления термина «постправда». И, безусловно, эволюция западной журналистики эти десятилетия была направлена на овладение данным феноменом. Мы не станем всерьёз рассматривать вывод политика о нелояльных ему СМИ, пример Д. Трампа дает ясно понять, как болезненны и полны лжи могут

быть их отношения, но попытаемся разобраться в том, какие изменения в информационном сопровождении жизни и политических событий делают его «постправдой».

Согласно Оксфордскому словарю термин «постправда» был впервые употреблен в 1992 году. Однако вспышка интереса к нему произошла лишь в 2016 г., когда рост частоты употребления составил 2000% по сравнению с предыдущим годом, причем в качестве прилагательного к существительному политика [38], и большей частью¹ в контексте голосования по Brexit и выдвижения в президенты от республиканцев Д. Трампа. Определение, данное постправде в словаре, указывает на обстоятельства, в которых объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем эмоциональные призывы [37].

Исследователи феномена постправды М. В. Черников и Л. С. Перевозчикова полагают, что «...главным объективным обстоятельством, обусловившим кризис современного Правдо-понимания и Правдо-применения, можно считать кризис так называемой классической философии Правды, которая берёт своё начало как минимум в период Античности и оплодотворяет как теоретическую мысль, так и поведенческие практики западноевропейской цивилизации практически до второй половины XX в.» [32, с. 98]. К этому мнению, прежде всего, хотелось бы добавить, что кризис правды можно обнаружить и в Античности (минимум 534 г. до н. э.), а значит он – явление отнюдь не современное. Родоначальником кризиса правды, насколько мы знаем благодаря классическим античным письменным источникам, является Феспид, отец жанра трагедии. Плутарх пишет об этом так: «Солон, будучи от природы любопытен и охотник учиться, и в старости своей предавшись беспечности и забавам и утешая себя пиршествами и музыкою, захотел быть зрителем Феспиды, который представлял сам, по обыкновению древних. По окончании представления Солон спросил у него: “Не стыдно ли тебе так лгать в присутствии такого множества людей?” Феспид отвечал, что нет ничего дурного в том, чтобы говорить и действовать таким образом для забавы. “Да! – сказал Солон, ударив сильно в землю палкою. – Но мы, похваляя и уважая сию, вскоре найдём её в условиях и в делах наших” [20, с. 147].

А вот пример самой философии Правды, также относящийся к Солону и оставленный нам Плутархом: доказательством перед спартанским судом принадлежности острова Саламин афинянам стали как Гомеровские поэмы, так и «некоторые пифийские прорицания, в которых Саламин назван островом Ионийским» [20, с. 133]. Сегодня трудно представить, чтобы некая публикация, кроме, конечно, официальных государственных постановлений, априори считалась бы свидетельством истины, ведущим к политическим, юридическим и экономическим последствиям.

¹ О некоторых событиях этого периода официальная западная наука и даже журналистика предпочитают забыть.

Коммуникационный «взрыв», информационная революция, массовая компьютеризация, возникновение кибернетики, благодаря которой информация стала рассматриваться как нечто самостоятельное – всё это свидетельства того обстоятельства, что мы вступили в эпоху освоения информации как нового глобального и представляющегося на этом этапе в принципе неистощимым ресурса, ровно как в свое время неистощими казались ресурсы природные [37, с. 51]. Уже сегодня наступает время, когда вступать в полемику относительно конечности семантических объемов связи публичной информации с реальностью, ею описываемой, что, по нашему мнению, наиболее точно отражено в феномене постправды, необходимо.

Период «дикого» капитализма в области информации реплицируется через реализацию интерпретаций. Возникновение же такого системного явления, как фрагментации образа восприятия реальности (в феномене постправды), – это новый эволюционный этап защиты психики человека от информационного перепроизводства. Эксплуатация феномена постправды связана с капиталистическим отношением к информации, как к ничейному ресурсу, который можно обратить на свои идеологические, политические и экономические цели.

В семантическом пространстве как научного, так и общественного дискурса встречается мнение, что постправда соотносится с проблемой ложной информации. Такая интерпретация является частностью, как результат борьбы постправды с собой ради снижения источниковой конкуренции. Мы хотим предложить иную интерпретацию проблематики и предлагаем рассматривать постправду как результат практического освоения (включающего разнонаправленное осмысление) социумом множественности реальностей, естественно присущих человеческим существам. К такой интерпретации оказывается ближе всего концепция Игры – как определению образа комфортного настоящего и нас, рассматриваемых в этой системе как Homo Ludens. Решение связать феномен множественности реальностей с игровым пространством, расширяющимся по мере высвобождения ресурсов сознания от целей биологической проблемы выживания, приходит через возрастающие потребности в Игре как способе существования. И через «цифровое слабоумие», которое коренится в убеждении о малой значимости идей по сравнению с «бетонными» аргументами реальности, а также во всё большей дифференциации навыков и возможностей населения оперировать технологиями современного мира (проблемой «цифрового неравенства»).

Нельзя не увидеть в постправде последствия общемировой трансформации СМИ, которые так и не пришли к единому пониманию своей роли в обществе, что объяснимо исходной коммерческой или государственной зависимостью. Сегодня можно видеть СМИ, конкурирующие с социальными сетями, СМИ, ставшие рупором конкретных лидеров *opening-leader* этих сетей или ставшие новостными спикерами бизнес-структур. Их общая черта – отсутствие баланса между информированием

и идеологической работой с аудиторией по формированию определенного взгляда на события или мир в целом. Вместо баланса одна задача оказалась включена в другую.

Отдельно следует сказать о таком явлении как, фактчекинг¹, – инструмент, казалось бы, призванный фильтровать ложную, фейковую информацию. К высокой конкуренции на информационном рынке, побуждающей СМИ или каналы отдельных opening-leader к активному поиску информации, которую можно было бы первыми предложить своей аудитории, присоединяются риски того, что эта добытая информация является ложной или фейковой. Однако процесс проверки вовлекает новые источники, проверка которых расширяет круг источников, также требующих дополнительной проверки. В итоге ситуация приводит субъекта проверки к ситуации выбора доверенного источника знания, а по сути, источника веры. И это касается только принятия фактов как истинных. «Что же касается смысла этих фактов, то это, конечно, зависит от системы идей, в свете которых их предпочитают интерпретировать» [27, с. 55]. В итоге фактчекинг работает, как задумывался, только на самом примитивном уровне. Такие организации, как Bellingcat или WikiLeaks, несмотря на то что создавались как информационные хабы², расследующие во имя правды и информирования общественности, регулярно сталкиваются с обвинениями в деятельности в пользу вражеских спецслужб (всегда разных, что может равно свидетельствовать как об их продажности, так и о ложности обвинений). Уровня, способного проверить такие обвинения, просто не существует.

Расширение феномена постправды является следствием невротизации общества. Классификация функциональных нарушений ВНД³ по психотическому или невротическому типу⁴ – рабочий инструмент психологов и психиатров – всегда активно использовалась философами, социологами и культурологами⁵. Аналогии между психическими нарушениями индивида и проблемами общества применяли Э. Канетти, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Ж. Лакан и мн. др. К социальным проблемам, поднимаемым в этих аналогиях, относятся: маски и роли, конфликты, вызванные противоречием социальных ролей; функциональные затруднения, связанные с ростом объемов переработки информации, например, «изменения мозгового кровообращения в зависимости от стадии невроза – функци-

¹ fact (англ.) – факт, checking (англ.) – проверка.

² hub (англ.) – узел, концентратор.

³ ВНД – высшая нервная деятельность.

⁴ «По Международной классификации болезней (МКБ-10) в категорию психических расстройств входят невротические расстройства, связанные со стрессом, а также соматоформные. Традиционное разделение на неврозы и психозы в МКБ не предусмотрено, но тем не менее довольно активно используется в современной медицинской практике» [17].

⁵ В предисловии к работе Н. Лоро С. Ермаков предлагает мыслительную конструкцию, определяющую потребность в таких аналогиях: «Мы могли бы позволить себе небольшую теоретическую фантазию и сказать, что в “Разделенном городе” есть четырехугольник мыслящих – философ, антрополог, психоаналитик и историк, между которыми находится предмет: политика, политическая мысль» [10, 13].

ональная анемия или гиперемия» [33, с. 108], которую постулировал еще Мейнерт, наставник Фрейда; доказанная Жан-Мартеном Шарко¹ материальная значимость гипнотических интервенций² и др.

Ниже мы попытаемся раскрыть современную проблематику взаимоотношений элементов системы, которая получила в настоящем научном дискурсе теоним «постправда».

Множественные реальности и игра

Характеристиками «культурной логики позднего капитализма» (Ф. Джеймисон) в числе прочих являются многослойность, множественность интерпретаций. Расцветающая на этом фоне киберкультура как будто разворачивает перед нами бесконечность множества уже вполне себе возможных³ для длительного погружения реальностей. Но и без реальностей, создаваемых языками программирования, в обществе, «в котором социальная реальность структурирована дискурсами (во множественном числе)» [7, с. 657], каждый волен (а на практике обусловлен) выбирать для себя «собственную» картину мира, руководствуясь набором из двух базовых мотиваций деятельности – достижения успеха или избегания неудач. С позиций феноменологического анализа среди основных явлений, наполняющих наше бытие, наряду со смертью, трудом, господством и любовью, «столь же изначальна, как и эти феномены» [26, с. 338], присутствует игра – «не просто калейдоскоп игровых актов, но прежде всего основной способ человеческого общения с возможным и недействительным» [26, с. 342]. В этом феномене реализуется «суперсила» Homo Sapiens – сила воображения. Проницая все сферы человеческой жизни, эта суперспособность фантазировать «открывает нам возможность освободиться от фактичности, от непреклонного долженствования так-бытия, освободиться хотя бы не в действительности, а “понарошку”, забыть на время невзгоды и бежать в более счастливый мир грез. Она может обратиться в опиум для души. С другой стороны, фантазия открывает великолепный доступ к возможному как таковому, к общению с быть-могущим, она обладает силой раскрытия, необычайной

¹ Шарко показал, что «невротические симптомы порождаются самой мыслью». В доказательство Шарко вызывал с помощью внушения под гипнозом или в состоянии бодрствования искусственные параличи, которые затем снимал [29, с. 106].

² Гипнотические интервенции заключаются в активной пропаганде, информационной обработке общества в политических, религиозных или экономических интересах. «В процессе своего развёртывания имперская машина проявляет целый ряд новых признаков, таких как неограниченная область действий, их сингуляризация и символическая локализация, а также соединение всех аспектов биополитической структуры общества с репрессивным действием. За отсутствием лучшего термина мы будем продолжать называть это “вмешательством”, интервенцией. ... <- это> действия господствующей системы производства и коммуникаций в унифицированном мире» [25, с. 46]. Гипнотическим её делает отсутствие здоровой критичности к воспринимаемой информации, поскольку она исходит от источника с высоким статусом.

³ virtualis (лат.) – возможный.

по значению. Фантазия – одновременно опасное и благодатное достояние человека, без неё наше бытие оказалось бы безотрадным и лишённым творчества» [26, с. 338].

Стремление к философскому осмыслению феномена игры в человеческой деятельности можно констатировать как минимум со времен античности, а его активное практическое освоение в рамках широкого общественного дискурса принадлежит современному нам культурному этапу, и если культура сама по себе «берёт начало не как игра и не из игры, но в рамках игры» [30, с. 557], то культура общества постмодерна – это игра играми: «языковые игры» (Витгенштейн), «игры истины» (Фуко), «ритма» (Гадамер), «письма» (Барт), «науки» (Лиотар), список можно продолжать.

«Согласно теории игр, люди обладают набором игр, основанных на конкретных наборах известных взаимодействий. Другие могут играть в игры, которые достаточно запутанны, чтобы позволить разыгрывание более или менее стереотипных драм. У игр есть свои правила, своя публика и свои тайны. Некоторые люди играют, нарушая правила, по которым играют другие. Некоторые играют в необъявленные игры, делая ходы, которые может расценить как задумчивые или откровенные лишь знаток подобных тайных и необычных игр. Подобным людям – предполагаемым невротикам или психотикам, – возможно, необходимо подвергнуться церемонии психиатрической консультации, приводящей к диагнозу, прогнозам и рецептам» [13, с. 248–249]. Социологическое понимание этого высказывания основывается на том, что сквозным содержанием темы выступают «люди», а не «индивид». Речь идет о том, что социально выстроенный образ жизни в своем психическом протяжении является наиболее влиятельным фактором современного эволюционного отбора Homo Sapiens Sapiens. Не будем забывать, что это определение человеческого вида сугубо биологично, в социологическом же смысле – Homo Ludens – участник экономических и психологических игр, способность выигрывать в которых является фактором выживания в социально обусловленной среде.

Со времен (в мифологическом понимании категории времени) возникновения «Homo Historicus», начавшего придумывать свою историю как обоснование своих действий и целей в настоящем и обнажившего тем самым принцип «истолкования» себя как имплицитный способ и свойство собственного бытия, количество модусов, в которых раскрывается бытие, в том числе и современного человека, продолжает множиться¹. Таким образом, реальность всегда остается неким пространством сумрака, «...где не дано полной прозрачности, совершенной ясности, окончательной просветленности. <...> Человеческое понимание погружает себя в мистерию, не имея возможности исчерпать её» [26, с. 84].

¹ См., напр.: Homo Confusus (Т. В. Черниговская), Homo Mobiludens (Л. А. Беляева, О. Н. Новикова) и т. п.

Утрата значения действия как социального в условиях «общества спектакля» (Г. Дебор) компенсируется уходом в микросоциальные структуры. Все наработки социальных взаимодействий переносятся в сетевые коммуникации, которые «наделены принципиально новой возможностью фиксировать и распространять личный нарратив, формируя и направляя общественные дискурсы» [6, с. 41], попутно преодолевая кризис идентичности созданием собственного зеркала из сетевого контента, в избытке поставляемого нарративом эпохи гипертекста. С позиций социального управления эта системная перестройка означает, что если раньше для эффективной реализации власти требовалось единое политическое информационное поле, то в настоящем для выполнения той задачи требуется обеспечение всех типов инакомыслия соответствующим контентом. Инструментом регулирования контента, дробления источников информации в соответствии с их идеологическим посылом выступает постправда.

Эффектом упомянутых выше аспектов системной перестройки социума становится активация творческого начала (способности к фантазии у Е. Финка) даже для организации обыденной жизни, что сближает ее с художественным произведением, а «произведения искусства, как и мозг человека, существуют вблизи неустойчивого, критического состояния» [8, с. 36]. То, что обычная жизнь – это такое же художественное произведение, как ставший популярным жанром стрим прохождения компьютерных игр, по-своему описал Й. Хейзинга: «Так человечество всё снова и снова творит своё выражение бытия, второй, вымышленный мир рядом с миром природы» [30, с. 518]. Однако и этот мир все равно небезопасен. «Игра Жизни» вызывает беспокойство и депрессию, и это не только неприятно, но смертельно опасно в психосоматическом плане, как регулярная адреналиновая буря, возникающая в результате борьбы за повседневное существование. А. Р. Уилсон замечает, что только человеку свойственно беспокоиться о самых обычных обстоятельствах, даже не достигающих уровня проблемы. Поэтому внутренний мир человека в событийном пространстве невротичен, дискретен и склонен к шизофреническому расщеплению, соответственно исполняемым социальным ролям. Эти роли значимы не сами по себе, но лишь в соответствии их представлению данному социальному пространству.

Трансформация СМИ

Сегодня постправда является заметной чертой медиа-дискурса вообще и одной из популярных тем научного анализа деятельности СМИ. Свидетельством фокусировки междисциплинарного научного подхода в сфере гуманитарных наук стали результаты научной конференции «Политика постправды в современном мире», состоявшейся в 2017 г. в Санкт-Петербургском государственном университете, наглядно свидетельствующие о количестве работ отечественных учёных в этом направлении. Несмотря на многоплановость рассматрива-

емых исследователями аспектов, для данного этапа исследований можно сделать обобщающий вывод: качественно-количественные замеры контента ведущих СМИ показывают высокую степень субъективности (которую рассматривают и как идеологизацию) как информирующего, так и аналитического контента. Инструментальный уровень анализа выявляет также и медиатехнологии, способствующие конструированию и распространению постправды, такие как персонификация в сфере политических новостей, эмоционализация информационного контента, упрощение (схематичность), юмористическая подача, верификация и легитимация информации за счёт массовости её распространения (соцсети).

Качественные методы анализа дискурса СМИ М. В. Берендеевым заключались в исследовании его изменений. Контент предоставила «Gazeta Wyborcza»¹. На материалах 128 публикаций было показано, что «практически все инверсии привязаны к дискурсу постправды, в которых апелляция к интерпретациям или авторскому видению мира является более “сильной” конструкцией текста. Не менее 30% текстов не содержат логических выводов и доказательств, в их конструкциях лежит некоторый набор меседжей, направленных на эмоциональное восприятие массового потребителя информации, незнакомого с реалиями или их исторической и политической канвой». При этом «в структуре ранжирования СМИ играет роль не просто дискурс-транслятора, а активного агента массовой коммуникации, конструирующего международное содержание образов государств и доносящего их до широкой аудитории» (4, с. 25–26).

Анализ С. И. Кузиной был направлен на изучение заголовков французских СМИ, освещавших крупные политические события, связанные с Россией. Была показана принужденная интерпретация новостной повестки, направленная на дискредитацию политики России и лично президента В. Путина. Количественный анализ публикаций, посвященных социальнозначимым темам, позволяет описать структуру публикаций. В структуре французских новостей о нашей стране 80% публикаций было посвящено политической повестке, 20% экономике и культуре. По данным журнала «Коммерсантъ. ВЛАСТЬ» в структуре публикаций крупнейших мировых СМИ политике и международным отношениям с Россией отводится 45%, экономике и бизнесу – 36,3%, культура и спорт занимают 18%, остальные темы 0,7%. Высокая политизованность западной прессы указывает на область интересов не столько читающей публики, сколько тех, кто стоит за публикациями и определяет «повестку дня». «Понятие “постправда” стало новым названием процесса политической борьбы, идеологического противостояния, использующего как реальные факты, так и эмоциональное ими манипулирование» [10, с. 116].

Качественный анализ интернет-коммуникаций Д. С. Мартьяновым позволяет ему сделать вывод о том, что «противоречия глобализации привели к расколу элит национальных государств, а затем – к противостоянию между элитами, когда глобалистский левый дискурс столкнулся

¹ «Газета избирателя» – польская ежедневная общественно-политическая газета, одно из самых известных современных польских изданий.

с антиглобалистским правым. Поскольку речь идет не только о векторах развития и об идеологиях, но и о системах стереотипов, неизбежным стало возникновение такого информационного противостояния, которое стало принято соотносить с «политикой постправды» [14, с. 138].

Качественный анализ изменений в обществе приводит М. М. Мчедлову к уточнению понятия «постправда» и его социальной значимости. «Эпистемологическая проекция феномена “постправды” как формирующейся “реальности” связана как с постоянно используемым для описания качественно-новых современных реалий предикатом “гибридный”, так и с трансформацией критериев истинности. Востребованность его эвристического потенциала гуманитарного знания для объяснения и интерпретации “гибридных” явлений и процессов очевидна, однако сама суть гуманитарной интерпретации осложняет в данной ситуации познавательные процедуры» [18, с. 146]. Автор приходит к выводу о корреляции распространения феномена постправды и изменений политической реальности и перестройке социальности.

А. В. Свиридов, вслед за А. Г. Дугиным, связывает [22, с. 209–211] качественные исследования с изучением геополитических процессов в трансформирующемся мире.

Полагаем, в концепции постправды выразилась консолидация задач, возлагавшихся на журналистику в течение 30 последних лет:

- развлечение публики;
- информирование;
- идеологическое влияние в пользу определённого мнения.

Перестройка, осуществлённая от 1990-х гг. к третьему десятилетию XXI в., заключалась в агглютинации этих трёх основных функций, и это природа каждой публикации в СМИ. Перефразируя Карло Гольдони, современные СМИ – это уже «слуга трех господ», двое из которых народ, желающий развлечения и быть в курсе событий, а третий – «заказчик музыки» (различные группы элиты). Когда журналистика развилась настолько, что нашла способ интерактивного приспособления характера своего контента к требуемому политическому запросу, чтобы стало возможно отвечать на политические и экономические вызовы, – она стала журналистикой постправды. Это, конечно, не деградация, хотя современная журналистика абсолютно конъюнктурна. Ответственность за эту конъюнктурность принадлежит доминирующему в обществе политическому кредо. Однако качество конъюнктурности может рассматриваться не как дефектное, а как максимально эффективное для развлечения, информирования и аффектирования – эмоционального нацеливания аудитории на проблемы, наиболее важные для заказчика контента, то есть «аффективного» менеджмента.

Одна из основных задач СМИ заключается в том, чтобы информировать широкую общественность о функционировании тех политических идей, во власти которых она пребывает, то есть быть медиатором между властью и обществом. Соответственно, если СМИ начинают функ-

ционировать в соответствии с каким-либо трендом, для его понимания следует рассмотреть выгоды от данного тренда для «сторон», коммуницирующих посредством данного медиатора [37, с. 19]. В этой связи примечательно, что штатные пресс-службы при органах власти и силовых структурах стали появляться в России как раз порядка 30 лет назад. Их появление было обусловлено, с одной стороны, запросами общества, с другой – необходимостью вести агитационно-пропагандистскую работу в процессе становления нового формата российской государственности, что уже содержит в себе некий конфликт: «организация изначально генерирует новости, подающие информацию в определённом ключе, предлагая населению своего рода постправду» [15, с. 142]. Дело дошло до того, что «государство становится все менее провайдером прав, защиты, помощи и идей и все более провайдером новостных раздражителей и примитивных эмоций высокой амплитуды» [15, с. 116].

На другой стороне этой информационно-коммуникационной оси оказывается персональное сознание, витальной задачей которого является сохранение своей целостности в обстоятельствах информационного давления, та самая «аудитория», за которую ведут конкурентную борьбу ньюсмейкеры и ретрансляторы информационных потоков. Опорой для сохранения целостности становится формирование собственного «понимающего» коммуникационного пространства, разделяемого референтной группой и желательно подтвержденного офлайн, поскольку потребность в межличностном общении никто не отменял. Это сходно с формированием своего рода внутрикорпоративной культуры когда отдел бухгалтерии верит в гадалок, а отдел программистов – в инопланетян.

«...Мы оказались во множестве виртуальных коммуникативных миров. Никакому Уэльсу и не снилось, сколько реальностей на самом деле есть на Земле» [2, с. 116], а в условиях высокотехнологичного “базиса” и “надстройки” постмодернистской культуры «виртуальная реальность не менее реальна, чем физическая» [27].

Исследуя нарратив избирательной кампании Д. Трампа 2016 г. средствами риторики, Б. Маккомински делает важное наблюдение, раскрывающее механизм комплиментарности «постправдивого» контента, обеспечивший Трампу поддержку избирателей: «в его речах отображались просто “какие угодно черты личности, которые могут выиграть в борьбе за риторическую повестку дня”, поэтому в мире существует ровно столько же Дональдов Трампов, сколько существует аудиторий, причём указание на их несходство не будет иметь негативных последствий, так как “в постправдивом риторическом мире откровенная неблагонадежность может оказаться более ценной личностной чертой, нежели притворная благонадёжность”, особенно если принять во внимание все растущее недоверие даже к тем институциям, что прежде считались поборниками истины и критического мышления» [17].

Невротизация социальной жизни

То, что выдается за цифровой переход общества к новым обстоятельствам современной реальности, по своей социально-эволюционной сути является переходом к бинарной логике «свой-чужой», «хорошо-плохо», и чем больше современного человека ставят перед этим бинарным выбором, тем он больше соответствует так и оставшейся недостаточно развитой, но гениальной концепции «Homo Confusus». И тем более критерием психической неустойчивости и вызовом обыкновённой рациональности предстает активация всех его социальных страхов. Преодоление этой невротизации легко удаётся только социальным психопатам (о нашествии которых предупреждал О. Хаксли), руководствующимся вариативной логикой «и да, и нет», или шизоидам с открытой логикой «оба и». Что же касается невротиков, то их логический подход отвергает предлагаемые варианты согласно исключающей схеме «ни то, ни это», психическая норма логического выбора «то или это» также содержит куда меньше возможностей приспособиться к реальности шизоидов и психопатов, которые постепенно занимают ключевые позиции в реальном мире.

В предыдущем абзаце была отражена схематизация принципов рационального мышления, ставящая невроз ключевой проблемой современности и принуждающая подавляющее большинство «нормальных» и «тревожных» граждан порождать множественные миры постправды в целях защиты сознания от травмирующей фрустрации. В отношении человеческого благополучия Т. Шибутани увидел невроз как результат нарушений взаимоотношений, ведущий к фатальному эскапизму: «Невроз – это, по-видимому, продукт ряда нарушений в межличностных отношениях, а они могут происходить даже в очень стабильной обстановке. Но в изменяющемся обществе люди, занимающие маргинальное положение¹, периодически оказываются в ситуациях, где вероятность конфликтов со значимыми другими максимальна. Следовательно, соответственно увеличивается возможность отчуждения от самого себя» [34, с. 495]. Возникает ощущение, что автор забыл то, что написал выше, более точно и универсально определив невроз на основании учения И. П. Павлова как результат изменений шаблонов реакций, увеличивающий дистанцию между стимулом и подкреплением или потребностью в более тонкой дифференциации стимулов. Между тем в результате цифровой революции именно с такими задачами сталкивается субъект постправды. Нарушения взаимоотношений индивида может и не быть, а вот изменение шаблонов реакций и утончение критериев дифференциации поступающей информации равно для всех становятся фильтром искусственного отбора современного обывателя.

Попытка разобраться в доступных способах построения выводов из наглядных шаблонов мышления – это тяжёлое испытание для человека, желающего сохранить критичное восприятие мира постправды.

¹ Такое положение Шибутани связывает не с персональными качествами индивида, а именно с числом и качеством его социальных связей.

М. М. Бахтин полагал¹, что критичное, не подверженное уловкам социума мировоззрение доступно только человеку, исключённому из общества, но притом имеющему право на такое исключение. То есть добровольно и с желанием противопоставляющего себя обществу. Быть шутком, блаженным, пророком или попасть в липкие сети постправды – это ещё далеко не все испытания, выпавшие на долю современного внушаемого представителя вида Номо.

«Совместима ли индивидуальная свобода с высокой степенью индивидуальной внушаемости? Смогут ли уцелеть демократические институты в условиях подрывной деятельности, которую ведут изнутри демократии квалифицированные манипуляторы сознанием, поднатревшие в науке и искусстве эксплуатации внушаемости как индивида, так и толпы?» [27, с. 152] – задавался вопросом О. Хаксли. Он рассчитывал на возможность решения с помощью просвещения, образования и законодательной регуляции использования человеческой слабости. Сегодня в России общество столкнулось с недоработками во всех трёх сферах. Слабость защиты граждан со стороны закона проявляется как в росте числа мошеннических преступлений, так и низком уровне возмещения убытков потерпевшим. Методы, когда злоумышленники пользуются внушаемостью и доверчивостью граждан, сейчас часто называют социальной инженерией.

«Социальная инженерия – это искусство введения жертвы в заблуждение, когда она сама сообщает все необходимые коды и пароли аферистам. Стратегия злоумышленников заключается в игре на человеческих слабостях, чтобы заставить человека раскрыть какую-то информацию или предоставить доступ к сетям данных. Такие методы мошенники использовали всегда, и львиная доля инцидентов происходила с их применением. «Социнженерия всегда была популярной, – подтвердил CNews руководитель департамента информационно-аналитических исследований компании Т. Hunter И. Бедеров. – Но сегодня – особенно» [19]. Характер преступлений имеет корреляцию с состоянием общества. Уязвимость связана с высоким уровнем невротизации², пристрастной ограниченностью современного образования³ (вследствие невозможности управляющим образованием институтам договориться о приоритете развития широты кругозора или частных компетенций), что касается просвещения, то этот вопрос тем меньше интересен власти, чем больше требуется консо-

¹ «Им присуща своеобразная особенность и право – быть чужим и в этом мире, ни с одним из существующих жизненных положений этого мира они не солидаризируются, ни одно их не устраивает, они видят изнанку и ложь каждого положения. Поэтому они могут пользоваться любым жизненным положением лишь как маской» [3, с. 412].

² Психологический словарь весьма уважаемого авторства указывает на то, что невротизм нельзя путать с неврозом, что именно невротизация присуща здоровым людям и проявляется «эмоциональной неустойчивостью, тревогой, низким самоуважением, вегетативными расстройствами» [9, с. 204].

³ «Какова культура, такова и школа; от культуры зависит, станет ли школа зоной возвышающего или задерживающего развития для ребёнка. И, напротив, какова школа, такова и культура. Школа может выступать двигателем развития культуры» [1, с. 664].

лидация общества. Исходя из текущих политических условий, вряд ли стоит рассчитывать на качественный рост общественного самосознания и критического мышления в обозримом будущем [21, с. 138].

Тенденции трансформации современного общества

Когда мы хотим наименее пристрастно оценить современный этап развития общества, требуется соотнести его с исторически значимыми эволюционными состояниями. К таким состояниям можно отнести Homo Mythicus, которое, согласно популяризатору этого названия Ж. Сорелю, наступает, как состояние готовности к политическому поступку, «...когда страстью одушевляются массы, мы можем описать картину, образующую социальный миф» [18, с. 49]. М. Я. Гефтер отмечал, что в этом состоянии человек провел большую часть исторической жизни. Он же оставляет нам подсказку, когда говорит о нем, что надо видеть именно «миф как способ жизни человека» [5, с. 40]. Представление о том, что человек является носителем качества, по которому можно назвать наш вид, нельзя приписать конкретному историческому периоду или конкретной социально-политической группе. Такое качество необходимо соотносить с другими качествами, определяющими локальный исторический этап или социально-политическую группу, то есть достаточно устойчиво демонстрируемыми тенденциями социального развития. Применительно к феномену постправды в настоящем нас интересуют четыре из них: Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus.

Причин, по которым мы рассматриваем именно эти состояния общества, – три. Во-первых, историческая близость/актуальность, во-вторых, их социальная значимость/актуальность, в-третьих, эти состояния представляют собой легко читаемую и взаимосвязанную систему, обусловленную параметрами различия своего потенциала относительно среды и источника ресурсной опоры.

Таблица 1 (Table 1)

Корреляция поведения *Correlation of behavior*

Сравнение состояний	Внутренний	Внешний
Потенциал	Homo Mythicus	Homo Historicus
Ресурс	Homo Ludens	Homo Novus

О первых двух, Homo Ludens и Homo Mythicus, мы упоминали выше. Отметим, вряд ли случайно совпадение черт, господствующих в обществе акцентуаций¹, с представленными видами Homo.

¹ Т.е. черт, определяющих индивидуальность, о которых К. Леонгард говорит как о конечном числе типов, которые можно соотнести с психическими формами девиаций [9, с. 446].

Определённая связь, конечно, существует, и её предстоит выявить. По нашему мнению, Homo Ludens сегодня отражает нормативную группу, следующую задаче отбора социальных принципов и приспособляющую складывающуюся реальность, в основном информационную, к собственной системе поиска стратегий выживания биологического вида. Именно они руководствуются логикой выбора: «или, или». Именно они пытаются отпозиционироваться от носителей исторического наследия, ведомых ностальгическими образами, не имеющими ценности в настоящем Homo Historicus. Диагонали в приведенной таблице занимают субъекты, качества которых находятся в контрарных отношениях.

Homo Historicus в нашем представлении указывает на критерии мировоззрения, заключающиеся в соотношении текущих вызовов с прежним опытом решений. Чисто исторический [36, с. 16] взгляд на феномен указывает в его лице на утраченный хронотоп. То есть Homo Historicus – это «прошлый» человек, бытие которого закончилось в прежних веках. Взгляд культурологический и социологический замечает, что прошлое не данность, а результат конструирования, тщательного отбора из множества разрозненных событий той цепи, которая сможет лучше объяснить, охарактеризовать нас в настоящем. Бахтин, анализируя Гёте, пишет, что, конструируя своё прошлое, мы планируем будущее [3, с. 300–301]. Гефтер указывает, что «человек – это существо, которое изобретает прошлое. Отсюда выросла отрасль знания, где эта творческая игра приобретает форму реконструкции прошлого» [5, с. 172]. А также про значимость образа: «Мир сокрушает человека лавиной фактов, но образ – это мост над миром!» [5, с. 273]. То есть там, где присутствует идеология, там происходит процесс рационализации эмоционального прошлого. Образ отца, деда или далекого предка становится путеводной нитью нашего настоящего. Мы продолжаем опасаться будущего, но нам не надо более его планировать, ведь у нас есть «одна цель – один путь». Логика, которой пользуется Homo Historicus, – это логика невротизма, поскольку заключается в отвержении наличествующих возможностей, уклонении от любых испытаний и следовании путем наименьшего сопротивления.

Среди типов нашего паноптикума субъектов постправды осталось сказать только про Homo Novus, чье психопатическое отношение к реальности следует чёткому мотиву достижения. Ценности, представляющиеся такому сознанию, исключительно рафинированы: признание, известность, власть, деньги. Происхождение определения связывают с очень древней историей: «Homo Novus. Так называли человека, не принадлежащего к сословию сенаторов, который первым в своем роду добивался или добился избрания в консулы» [31, с. 37], то есть субъекта, способного к преодолению социальных, финансовых препятствий и других стратификационных преград. Есть более современная трактовка [25], которая обусловлена ограниченной позицией наблюдателя, где Homo Novus предстает человеком будущего, которого ещё только планируется выпестовать в результате образования и воспитания. В этом ключе мы ничего не знаем о нём.

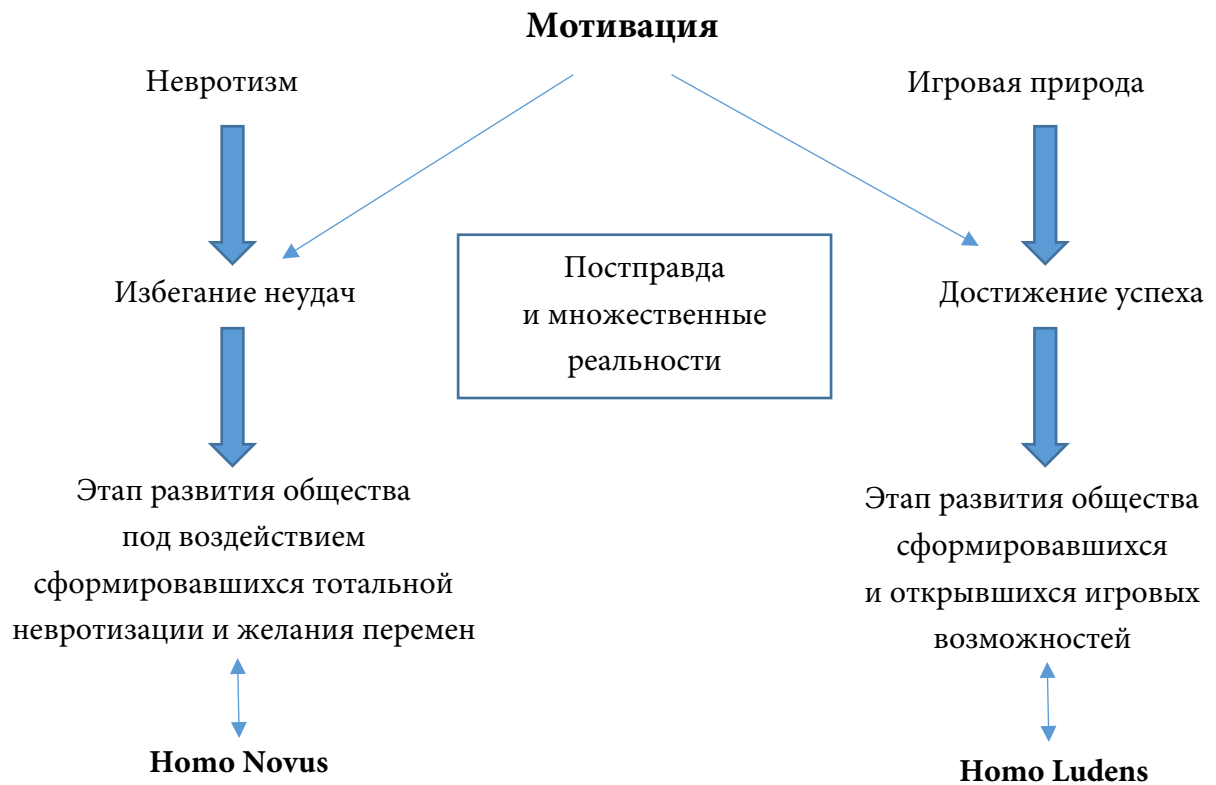

Рис. 1. Мотивационное поле личности
 Figure 1. Motivational field of personality

Заключение

В статье представлены способы концептуального рассмотрения феномена постправды в рамках современного научного дискурса и анализа адресатов постправды путём соотнесения исторически значимых эволюционных состояний индивида, различающихся мотивацией коммуникативной деятельности. Выделяя четыре состояния (Номо Mythicus, Номо Ludens, Номо Historicus, Номо Novus) как устойчиво демонстрируемые тенденции социального развития, авторы приходят к выводу, что конкретному историческому периоду или конкретной социально-политической группе нельзя приписать чёткое представление о том, что человек является носителем качества, по которому можно отнести его к одному из вышеуказанных видов. Рассматривая их более подробно, авторы сравнивают их с точки зрения потенциала и ресурса этих типов как субъектов постправды. Методологическое значение имеет авторская позиция, состоящая в том, что говорить о феномене постправды можно там, где обнаруживается её субъект.

Предлагая описанные выше модусы Номо как наиболее крупное членение, имеющее семантическую природу различения сути ее сообщений, адресатов постправды, авторы приходят к выводу, что различия, заложенные в роде адресатов, определяют как сам факт возникновения

феномена постправды, так и её риторику. Поскольку «между прекрасными вещами этого здешнего мира установлены и закреплены традицией, освящены религией и официальной идеологией ложные и искажающие подлинную природу вещей связи» [3, с. 420]. С этой точки зрения Homo Ludens и Homo Novus представляют собой – особенно на фоне происходящих трансформаций медиакоммуникационной сферы – наиболее социально активные и прогрессивные – с точки зрения повышения уровня организации и усложнения внутренних связей – силы [35], разделённые не только типом мотивации, но и отношением к поступающей информации.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.: ИПП; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. 768 с.
2. Асмолов А. Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. М.: Просвещение, 2012. 447 с.
3. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.) / Ред. С. Г. Бочаров, В. В. Кожин. М.: Русское слово, 2012. 877 с.
4. Берендеев М. В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе) // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
5. Гефтер М. Я. Третьего тысячелетия не будет. Русская история игры с человечеством: опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском. Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. М.: Европа, 2015. 398 с.
6. Горлач М. Е. Преодоление пессимизма концепции постмодернизма // Общество: философия, история, культура. 2021. № 9. С. 39–42. DOI: 10.24158/fik.2021.9.6.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Олейникова. М.: Ин-т Гайдара, 2019. 808 с.
8. Евин И. А. Искусство и синергетика. М.: Едиториал УРСС, 2004. 164 с.
9. Краткий психологический словарь / Сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. 431 с.
10. Кузина С. И. Постправда в процессах формирования политического имиджа России // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.

11. Леонгард К. Акцентуированные личности / Пер. с нем. В. Лещинской. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 446 с.
12. Лоро Н. Разделённый город: Забвение в памяти Афин / Пер. с фр., предисл. и примеч. С. Ермакова. М.: НЛО, 2021. 360 с.
13. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб.: Белый Кролик, 1995. 352 с.
14. Мартьянов Д. С. Факторы политики постправды и неовиртуальность // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
15. Мовчан А. Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. М.: Альпина Паблишер, 2019. 598 с.
16. Мораев Ф. В. Феномен постправды в повседневной работе пресс-служб региональных органов исполнительной власти (на примере Ленинградской области) // Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
17. Морозов А. В. Ответ на вопрос: что такое постправда? Перспектива проблематологии [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2019. № 3. С. 93–105. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1048> (дата обращения: 18.08.2022). DOI: 10.17805/ggz.2019.3.8.
18. Мчедлова М. М. Эпистемологическая проекция феномена «постправды» // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
19. Патракова А. В России выросло число денежных афер. Половина мошенничеств через банкоматы связана с социальной инженерией [Электронный ресурс] // CNews. 2022. 20 мая. URL: доступа: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-05-20_v_rossii_vyroslo_chislo_denezhnyh (дата обращения: 18.08.2022).
20. Плутарх (ок. 45–ок. 127). Сравнительные жизнеописания / Полн. пер. с древнегреч. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. 1503 с.
21. Рубинштейн С. Л. Человек и мир. СПб., 2012. 210 с.
22. Свиридов А. В. Постмодерн и постправда в контексте геополитических трансформаций // Политика постправды в современном мире. Мат. Всеросс. науч. конф. с межд. участ. / Под ред. О. В. Поповой. СПб.: Скифия-принт, 2017. 282 с.
23. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. 293 с.
24. Уилсон Р. А. Психология эволюции / Пер. с англ. М.: ООО ИД «София», 2006. 304 с.
25. Фанталов А. Н., Малязина М. А. Номо повус и деятельность И. И. Бецкого на ниве российского Просвещения // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 3 (43). С. 161–166.

26. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А. В. Гараджа, Л. Ю. Фуксон. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. 432 с.
27. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / Пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2019. 192 с.
28. Ханин З. Ближневосточная политика в «эпоху Трампа» – взгляд из Иерусалима [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8CWne66jtus&t=304s>, свободный (дата обращения: 08.07.2017).
29. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.
30. Хёйзинга Й. Осень Средневековья. Номо ludens. Эссе / Сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2019. 1232 с.
31. Цицерон М. Т. (106–43 до н. э.). Диалоги: О государстве. О законах / Пер. с лат.; изд. подгот. И. Н. Веселовский и др. М.: Наука, 1966. 224 с.
32. Черников М. В., Перевозчикова Л. С. Проблема правды в современном обществе // *Философия и общество*. 2019. № 1. С. 95–110. DOI: 10.30884/jfio/2019.01.06.
33. Шерток Л., де Соссюр Р. Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда / Пер. с франц., вступ. ст. Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1991. 288 с.
34. Шибутани Т. Социальная психология / Пер. с англ. В. Б. Ольшанского. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 544 с.
35. Энциклопедический социологический словарь / Под общ. ред. акад. РАН Г. В. Осипова. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.
36. Номо Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю. Л. Бессмертного: в 2 кн. Кн. I / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2003. 797 с.
37. Korkiya E. D., Mamedov A. K., Vasiliev A. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse // *EurAsian Journal of BioSciences*. 2020. Vol. 14. No. 2. P. 5103–5108.
38. Korkiya E. D., Mamedov A. K. Features of self-design in the virtual world // *Социодинамика*. 2022. № 3. С. 1–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.37580.

Получено редакцией: 9.10.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Мамедов Агамали Куламович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Комиссаров Сергей Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором исследований социокультурных и медиакоммуникаций, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Коркия Эка Демуриевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии коммуникативных систем социологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7

EDN: GGLASB

Homo Ludens in the Post-Truth Game World

Agamali K. Mamedov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: akmnauka@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2607-7546

Sergey N. Komissarov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: prcult@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5154-3385

Eka D. Korkiya

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

E-mail: ekakorkiya@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3136-8433

For citation: Mamedov A K., Komissarov S. N., Korkiya E. D. Homo Ludens in the post-truth game world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 115–136. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.7; EDN: GGLASB

Abstract. The article analyses the characteristics of the phenomenon of post-truth as a term denoting a radical transformation of the media, that abandoned freedom of speech and objectivity of information in favour of the geopolitical interests of the West, considers the content of the concept of “post-truth” in modern scientific discourse; it is noted that the entry of civilisation into the era of mastering information as a leading source requires the scientific community to comprehend the problems associated with the finiteness of the connection between the semantic volumes of public information and reality, that is reflected in the phenomenon of post-truth. The authors explore the origins of this phenomenon, that fully manifested itself only in the first decades of the 21st century and is associated with the communication “explosion” and the information revolution, that elevated information to the rank of a new global resource. The fragmentation of the perception of reality in the phenomenon of post-truth acts as a means of protecting the human psyche from information overproduction, where information is used as a tool for implementing the geopolitical interests of the collective West, that owns the lion’s share of the world media. The authors are not inclined to identify post-truth solely with false information and suggest considering it as the result of practical assimilation and multidirectional understanding by society of the multiplicity of realities naturally inherent in human beings. The article presents ways of conceptual consideration of the phenomenon of post-truth in the framework of correlating various historically significant evolutionary states of an individual, differing in the motivation of communicative activity. Four such states (Homo Mythicus, Homo Ludens, Homo Historicus, Homo Novus) are consistently demonstrated by the conditions of social development, but there is no clear idea to which of these types a person of a particular historical period or socio-political group can be attributed to. Post-truth is considered by the authors as a systemic phenomenon, that is a consequence of the relationship between the elements of three social processes. These include: a) gamification of existence, requiring the individual to participate in everyday experience of the plurality of surrounding realities; b) neuroticisation of social life due to high information pressure; c) the transformation of the media, that is expressed in the increased interdependence of the functions of information, entertainment and ideological influence. The authors propose a method for analysing post-truth addressees through the correlation of historically significant evolutionary states of an individual, that differ in the way of motivating communicative activity.

Keywords: post-truth, information, communication, multiple realities, game, media, neuroticisation of social life, Homo Ludens, Homo Mythicus, Homo Historicus, Homo Novus

References

1. Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya i konstruirovaniye mirov [Cultural and historical psychology and the construction of worlds]. Moscow, IPP, Voronezh, NPO «MODEK», 1996: 768 (in Russ.).
2. Asmolov A. G. Optika prosveshheniya: sociokul'turnye perspektivy [Optics of enlightenment: sociocultural perspectives]. Moscow, Prosveshcheniye, 2012: 447 (in Russ.).
3. Bakhtin M. M. Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3: Teoriya romana (1930–1961 gg.) [Collected works: in 7 vol. Vol. 3: Theory of the novel (1930–1961)]. Ed. S. G. Bocharov, V. V. Kozhinov. Moscow, Russkoye slovo, 2012: 877 (in Russ.).
4. Berendeev M. V. Inversion of the image of the country and the politics of post-truth in media discourse (Russia in the Polish case). In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
5. Gefter M. Ya. Tret'yego tysyacheletiya ne budet. Russkaya istoriya igry s chelovechestvom: opyty politicheskoye, istoricheskoye i teologicheskoye o Revolyutsii i Sovetskom mire kak Russkom. Mikhail Gefter v razgovorakh s Glebom Pavlovskim [There will be no third millennium. Russian history of the game with humanity: political, historical and theological experiences about the Revolution and the Soviet World as Russian. Mikhail Gefter in conversations with Gleb Pavlovsky]. Moscow, Evropa, 2015: 398 (in Russ.).
6. Gorchach M. E. Overcoming the pessimism of the concept of postmodernism. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2021: 9: 39–42 (in Russ.). DOI: 10.24158/fik.2021.9.6.
7. Jamison F. Postmodernism, or the Cultural Logic of late capitalism. Transl. from Eng. by D. Kravchik; ed. by A. Oleynikov. Moscow, In-t Gaidara, 2019: 808 (in Russ.).
8. Evin I. A. Iskusstvo i sinergetika [Art and synergetics]. Moscow, Editorial URSS, 2004: 164 (in Russ.).
9. Kratkiy psikhologicheskoy slovar' [A brief psychological dictionary]. Comp. L. A. Karpenko; gen. ed. by A. V. Petrovsky, M. G. Yaroshevsky. Moscow, Politizdat, 1985: 431 (in Russ.).
10. Kuzina S. I. Post-truth in the processes of forming the political image of Russia. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
11. Leonhard K. Aktsentuirovannyye lichnosti [Accentuated personalities]. Transl. from Germ. by V. Leshchinskaya. Moscow, EKSMO-Press, 2001: 446 (in Russ.).
12. Loro N. The Divided city: Oblivion in the Memory of Athens. Transl. from Fr., preface and note by S. Ermakov. Moscow, NLO, 2021: 360 (in Russ.).
13. Lang R. D. Raskolotoye «YA» [Split “I”]. St. Petersburg, Belyy Krolik, 1995: 352 (in Russ.).
14. Martianov D. S. Factors of post-truth politics and neovirtuality. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
15. Movchan A. Russia in the post-Truth era: Common sense against information noise. Moscow, Alpina Publisher, 2019: 598 (in Russ.).
16. Moraev F. V. The phenomenon of post-truth in the daily work of the press services of regional executive authorities (on the example of the Leningrad region). In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
17. Morozov A. V. The answer to the question: what is post-truth? Perspective of problematology. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2019: 3: 93–105. Accessed 18.08.2022. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1048> (in Russ.).
18. Mchedlova M. M. Epistemological projection of the phenomenon of “post-truth”. In Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip. Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
19. Patrakova A. The number of money scams has increased in Russia. Half of ATM fraud is related to social engineering // CNews. 2022. May 20. Accessed 18.08.2022. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-05-20_v_rossii_vyroslo_chislo_denezhnyh (in Russ.).

20. Plutarch (ca. 45–ca. 127). *Sravnitel'nyye zhizneopisaniya* [Comparative biographies]. Full transl. from ancient Greek. Moscow, Eksmo; St. Petersburg: Midgard, 2006: 1503 (in Russ.).
21. Rubinstein S. L. *Chelovek i mir* [Man and the world]. St. Petersburg, 2012: 210 (in Russ.).
22. Sviridov A. V. Postmodern and post-truth in the context of geopolitical transformations. In *Politics of post-truth in the modern world. Mat. of the All-Russ. Scient. Conf. with intern. particip.* Ed. by O. V. Popova. St. Petersburg: Skifiya-print, 2017: 282 (in Russ.).
23. Sorel J. *Razmyshleniya o nasilii* [Reflections on violence]. Moscow, Falanster, 2013: 293 (in Russ.).
24. Wilson R. A. *Psikhologiya evolyutsii* [Psychology of evolution]. Transl. from Eng. Moscow, OOO ID "Sofia", 2006: 304 (in Russ.).
25. Fantalov A. N., Malyazina M. A. Homo novus and I. I. Betsky's activity in the field of Russian Enlightenment. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019: 3 (43): 161–166 (in Russ.).
26. Fink E. The main phenomena of human existence. Trans. from Germ. by A. V. Garadzha, L. Yu. Fukson. Moscow Kanon + ROOI «Reabilitatsiya», 2017: 432 (in Russ.).
27. Huxley O. Return to the brave new world. Transl. from Eng. by A. Anvaer. Moscow, AST, 2019: 192 (in Russ.).
28. Khanin Z. Middle East politics in the "Trump era" – a view from Jerusalem. Accessed 08.12.22. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8CWne66jtus&t=304s> (in Russ.).
29. Hardt M., Negri A. *Imperiya* [Empire]. Transl. from Eng., ed. by G. V. Kamenskaya, M. S. Fetisova. Moscow, Praksis, 2004: 440 (in Russ.).
30. Huizinga J. *Autumn of the Middle Ages. Homo ludens. Essay. Comp., preface. and transl. from Netherl. by D. V. Silvestrov; comment by D. E. Kharitonovich.* Moscow, KoLibri, Azbuka-Atticus, 2019: 1232 (in Russ.).
31. Cicero M. T. (106–43 BC). *Dialogi: O gosudarstve. O zakonakh* [Dialogues: About the state. On the laws]. Trans. from lat.; ed. prepar. by I. N. Veselovsky [et al.]. Moscow, Nauka, 1966: 224 (in Russ.).
32. Chernikov M. V., Perevozchikova L. S. The problem of truth in modern society. *Filosofiya i obshchestvo*, 2019: 1: 95–110 (in Russ.). DOI: 10.30884/jfio/2019.01.06.
33. Shertok L., de Saussure R. *Rozhdeniye psikhoanalitika. Ot Mesmera do Freyda* [The birth of a psychoanalyst. From Mesmer to Freud]. Trans. from Fr., introduce. by N. S. Autonomova. Moscow, Progress, 1991: 288 (in Russ.).
34. Shibutani T. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Transl. from Eng. by V. B. Olshansky. Rostov-on-Don, Feniks, 1999: 544 (in Russ.).
35. *Entsiklopedicheskiy sotsiologicheskii slovar'* [Encyclopedic sociological dictionary]. General ed. by G. V. Osipov. Moscow, ISPI RAN, 1995: 939 (in Russ.).
36. *Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya Yu. L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: To the 80th anniversary of the birth of Yu. L. Immortal]. In 2 books. Book I. Ed. by A. O. Chubaryan. Moscow, Nauka, 2003: 797 (in Russ.).
37. Korkiya E. D., Mamedov A. K., Vasiliev A. The problem of truth in social knowledge: the modern discourse. *EurAsian Journal of BioSciences*, 2020: 14: 2: 5103–5108.
38. Korkiya E. D., Mamedov A. K. Features of self-design in the virtual world. *Sociodinamika*, 2022: 3: 1–22. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.37580.

The article was submitted on: October 9, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Agamali K. Mamedov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, head of department of sociology of communication systems, Lomonosov Moscow State University

Sergey N. Komissarov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Research Sector of Socio-cultural and Media Communications, Institute of Sociology of FCTAS RAS

Eka D. Korkiya, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of sociology of communication systems, Lomonosov Moscow State University

РИСКИ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.8

EDN: IHZAZS

Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки

Ссылка для цитирования: Найденко В. Н. Пресечение проявлений насильственного этнорелигиозного экстремизма: экспертные оценки // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 1. С. 137–154. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.8; EDN: IHZAZS

For citation: Naydenko V. N. Suppression of manifestations of violent ethno-religious extremism: expert assessments. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 137–154. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.8; EDN: IHZAZS

Найденко Виталий Николаевич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

vnaidenko@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 722172

Аннотация. В условиях роста социальной напряжённости повышается опасность этнорелигиозного экстремизма, который негативно влияет на взгляды и ценностные ориентации различных групп российского населения, ухудшает социальное самочувствие общества, провоцирует рост протестного потенциала, угрожает национальной безопасности России. В статье рассмотрены проблемы эффективности деятельности государственных и общественных структур по пресечению акций этноэкстремизма и проанализирована практика использования в этих целях добровольных общественных формирований. Проведённый автором статьи двухэтапный опрос (с применением методов анкетирования и глубинного интервью) 20 экспертов, являющихся высококвалифицированными специалистами в области противодействия этноэкстремизму, результаты социологических исследований ФНИСЦ РАН и ВЦИОМ, выводы доклада МБПЧ, а также анализ научных работ и публикаций СМИ по теме исследования показали, что максимально эффективными (экспертная оценка «5» по пятибалльной шкале) являются пресекательные действия ФСБ и НАК. Достаточно высокую оценку результативности этой работы получили Росгвардия и полиция («4»). Среднюю оценку эффективности исследуемой деятельности («3») получили казаческие организации. Пресекательная деятельность ДНД получила оценку «2». Наименее эффективными («1») признаны действия других общественных формирований правоохранительной направленности (объединений ветеранов силовых структур, отрядов самообороны, молодёжных патрулей и др.), а также общественных этнорелигиозных организаций, не имеющих прямого отношения к правоохранительной деятельности. Исследование показало, что 75% экспертов считает оправданным использование добровольных общественных формирований право-

охранительной направленности (казачества, ДНД и др.) для пресечения насильственных этнорелигиозных проявлений, и прежде всего сепаратистской направленности. При этом 35% экспертов полагает правильным такое использование практически в любых этноконфликтных ситуациях, а 40% – выступает за их использование только в экстренных обстоятельствах, когда государственные службы не могут самостоятельно пресечь внезапную угрозу. Вместе с тем 25% опрошенных экспертов считает неоправданным использование добровольных формирований, поскольку только государство имеет право на легитимное применение насилия. Результаты оценки деятельности государственных и общественных структур, проанализированных в статье, целесообразно использовать при выработке мер по повышению эффективности противодействия насильственному этноэкстремизму, укреплению гражданского единства, достижению межнационального и межконфессионального согласия в российском обществе.

Ключевые слова: этнорелигиозный экстремизм, социальное напряжение, государственные структуры пресечения этноэкстремизма, ФСБ, Росгвардия, полиция, общественные формирования правоохранительной направленности, казаческие организации

Этнорелигиозный экстремизм представляет собой сложное социально-политическое явление, включающее идеологию и практику нелегитимного использования насилия и разжигания вражды и ненависти на национальной, расовой или религиозной основе для достижения субъектами социально-политического противоборства своих целей [14]. Этноэкстремизм является долговременным негативным фактором российской общественно-политической жизни, поскольку обладает масштабным и динамичным характером, прямо или косвенно угрожает многим видам национальной безопасности – внутривнутриполитической, экономической, духовной, государственной, общественной, военной и другим [15].

Этнорелигиозные экстремистские проявления негативно влияют на взгляды и ценностные ориентации различных групп российского населения, ухудшают социальное самочувствие нашего общества, провоцируют рост протестного потенциала и напрямую связаны с уровнем социального напряжения в стране [13].

Проведённый ФНИСЦ РАН в 2021 г. массовый опрос (2 тыс. респондентов) в рамках общероссийского исследования «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз» позволил определить уровень социального напряжения в российском социуме. Опрашиваемым задавался вопрос: «Как Вы оцениваете общую ситуацию в России в целом?». Результаты анализа полученных оценок приведены в таблице 1.

Приведённые в таблице 1 данные свидетельствуют о высоком уровне социальной тревожности в российском обществе: 62,1% опрошенных оценили ситуацию в стране как кризисную или катастрофическую, 26,3% – как спокойную, 11,6% – затруднились ответить.

Таблица 1 (Table 1)

Оценка социальной ситуации в России в целом
Assessment of the social situation in Russia as a whole (N=2000)

Оценка ситуации в России в целом	Количество ответивших, %
Ситуация нормальная, спокойная	26,3
Ситуация напряжённая, кризисная	52,6
Ситуация катастрофическая	9,5
Затруднились ответить	11,6

Российская стратегия противодействия экстремизму подчёркивает особую опасность этнорелигиозного экстремизма: «Одним из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность, осуществляемая националистическими, радикальными общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривластной и социальной обстановки в стране»¹.

В последнее время в России фиксируется рост насильственных экстремистских проявлений. По информации МВД России, в январе–июне 2021 г. в нашей стране зарегистрировано 1271 преступление террористического характера (+7,4% по сравнению с аналогичным периодом 2020 г.) и 603 преступления экстремистской направленности (+36,4%). По оценкам МВД, количество таких преступлений продолжает расти².

Большинство террористических и экстремистских преступлений, как показало исследование, были совершены по мотивам этнорелигиозной вражды и ненависти.

Так, только в июне–июле 2021 г. в ряде российских регионов предотвращено несколько терактов, которые готовили сторонники запрещенной в России террористической организации «Исламское государство». В результате спецопераций, которые проводились в Москве, Астрахани и Кабардино-Балкарии, 6 террористов были уничтожены, а 2 – задержаны³.

Результаты исследования Московского бюро по правам человека (МБПЧ) «Проявления агрессивной ксенофобии и радикального национализма в Российской Федерации в январе–августе 2021 года» также свидетельствуют о росте в 2021 г. количества межнациональных и этнорелигиозных конфликтов, хотя в предыдущие годы был явный тренд на

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/ (дата обращения: 12.11.2021).

² В России за полгода выявили более 1870 террористических и экстремистских преступлений // ТАСС. 20.07.2021. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/11946909> (дата обращения: 15.10.2021).

³ МВД зафиксировало рост числа преступлений экстремистской направленности в России // Ведомости. 20.06.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/07/20/878936-mvd-zafiksirovalo-rost-chisla-prestuplenii-ekstremistskoi-napravlenosti-v-rossii> (дата обращения: 12.10.2021).

их спад. По данным МБПЧ, увеличилось общее число «ксенофобских» нападения, актов вандализма, проявлений нетерпимости на этнической и религиозной почвах. Если в первом полугодии 2020 г. было зафиксировано 7 этноэкстремистских нападения, то в тот же период 2021 г. – уже 17. Число пострадавших в результате актов «ксенофобской» агрессии также выросло: 8 пострадавших в 2020 г. и 19 – в январе–августе 2021 г. Актов вандализма на национальной и религиозной почве увеличилось с 19 до 23. Расширилась также география таких нападения [16].

В связи с этим важной задачей российских государственных и общественных организаций является своевременное пресечение наиболее опасных проявлений этнорелигиозного экстремизма. Успешное её решение будет способствовать надёжному обеспечению национальной безопасности страны, достижению консолидации российского общества, упрочению межнационального и межконфессионального согласия, укреплению гражданского единства. Подробнее о концепции гражданской идентичности см.: [2; 5; 12; 18; 19].

Проведённое в 2019 г. автором настоящей статьи исследование позволило выявить наиболее вероятные угрозы этноэкстремистских проявлений, которые в ближайшие 5–7 лет будут оказывать негативное воздействие на национальную безопасность России, и определить их потенциал по пятибалльной шкале. Наиболее высокую экспертную оценку вероятности получили такие угрозы, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления (средняя величина «5»). Достаточно высокую оценку вероятности («4») получили конфликты между Центром и регионами, а также призывы к совершению насильственных действий под националистическими лозунгами. Среднюю экспертную оценку вероятности этноэкстремистских проявлений («3») получили призывы к свержению существующей власти, а также насильственные действия в отношении представителей органов власти и правоохранительных органов, российских граждан другой национальности и иностранных граждан. Наименьшую же вероятность осуществления («2»), по мнению экспертов, имеют попытки изменения основ конституционного строя, а также создание и деятельность незаконных вооружённых формирований.

В связи с этим важными научными и практическими задачами являются оценка степени эффективности пресечения российскими государственными и общественными структурами насильственного этноэкстремизма, а также выяснение мнений экспертов об оправданности использования в пресекающих мероприятиях добровольных общественных формирований.

Основные гипотезы настоящего исследования состояли в том, что: 1) наиболее эффективной в области пресечения этноэкстремизма является деятельность таких государственных органов, как ФСБ и НАК; 2) среди общественных структур самыми результативными представляются действия казаческих организаций; 3) участие добровольных общественных формирований правоохранительной направленности в пресечении акций этноэкстремизма является оправданным и необходимым.

Эмпирическую базу исследования составили: результаты опроса 20 экспертов; массового социологического исследования ФНИСЦ РАН «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз»; всероссийских опросов ВЦИОМ «Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона» и «Российский полицейский – 2021»; исследования МБЧП «Проявления агрессивной ксенофобии и радикального национализма в Российской Федерации в январе–августе 2021 года»; анализа научных работ и публикаций СМИ, характеризующих деятельность российских государственных и общественных институтов по пресечению акций насильственного этноэкстремизма.

В настоящей статье представлены подтверждения гипотез исследования и актуальные обоснования их результатов.

Для решения основных задач исследования в ноябре 2021 г. автором настоящей статьи был проведён двухэтапный опрос 20 экспертов, включавший анкетирование и глубинное интервью. Вначале эксперты заполнили заранее подготовленную по теме исследования анкету. После этого (в соответствии с разработанным гайдом глубинного интервью) было проведено их интервьюирование. В каждом случае гайд адаптировался в зависимости от хода интервью, а также с учётом потенциала и интересов каждого эксперта.

Опрошенные эксперты являются квалифицированными специалистами в сфере деятельности международных организаций, российских органов государственной и муниципальной власти, правоохранительных органов, в области юриспруденции, науки, образования и культуры. Они имеют опыт работы в Экспертно-аналитическом управлении Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи СНГ, Антитеррористическом центре СНГ, Евразийском информационно-аналитическом консорциуме, Совете Безопасности Российской Федерации, ФСБ России, аппарате НАК, Министерстве юстиции России, Министерстве науки и высшего образования России, Главном управлении региональной безопасности Московской области, Московском госуниверситете им. М. В. Ломоносова, МГИМО (Университет) МИД России, профессиональном сообществе аналитиков «Русская аналитическая школа».

Эксперты имеют практический, аналитический, научный и педагогический опыт в обеспечении безопасности России в этнорелигиозной сфере. Некоторые из них имеют опыт проведения научных исследований в области противодействия этноэкстремизму.

В ходе экспертного опроса исследовалась эффективность деятельности основных государственных и общественных структур по пресечению насильственных акций этнорелигиозного экстремизма и анализировалась практика использования в этих целях добровольных общественных формирований. Сам перечень основных субъектов антиэкстремистской деятельности предварительно обсуждался с экспертами, их обоснованные предложения по этому вопросу были учтены при разработке гайда глубинного интервью.

Опрашиваемым экспертам был задан вопрос: «Как Вы оцениваете степень эффективности деятельности государственных и общественных структур России по пресечению акций этнорелигиозного экстремизма». Эффективность этой деятельности оценивались экспертами по шкале от «1» до «5», где «1» – минимальная эффективность, «5» – максимальная. Результаты анализа экспертных оценок приведены в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Оценка эффективности деятельности государственных и общественных структур по пресечению акций этнорелигиозного экстремизма, один ответ по каждому субъекту, N=20

Evaluation of the effectiveness of the activities of state and public bodies in the suppression of actions of ethno-religious extremism (one answer for each subject, N=20)

Субъекты	Оценка эффективности (средние величины по выборке)
ФСБ	5
НАК	5
Полиция	4
Росгвардия	4
Казаческие организации	3
ДНД	2
Другие общественные формирования правоохранительной направленности (объединения ветеранов силовых структур, отряды самообороны, молодёжные патрули и др.)	1
Общественные этнорелигиозные организации, не имеющие прямого отношения к правоохранительной деятельности	1

Как видно из данных таблицы 2, максимально позитивную оценку эффективности деятельности по пресечению акций этнорелигиозного экстремизма («5») получили ФСБ и НАК.

Оценивая деятельность органов ФСБ, один из экспертов, опрошенных автором настоящей статьи, отметил:

«Роль ФСБ наиболее эффективна в пресечении самых острых экстремистских проявлений этнорелигиозного характера: актов терроризма, действий по созданию подпольных структур и незаконных вооружённых формирований, попыток свержения легитимных органов управления и захвата властных полномочий. Важное значение имеют также предпринимаемые органами ФСБ меры по выявлению и пресечению угроз международных террористических организаций (МТО), действующих с территориями государств Ближнего Востока, Северной Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии, Закавказья, Афганистана, Турции и Украины».

Выводы опрошенных экспертов об эффективности антиэкстремистской деятельности ФСБ подтверждаются данными руководителя Службы по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ России А. С. Седова, который проинформировал, что в 2010–2020 гг.

на стадии подготовки было предотвращено более 170 террористических актов в различных регионах страны. Выявлено и нейтрализовано около 700 ячеек МТО и свыше 270 этнорелигиозных экстремистских структур, функционировавших на территории России. На длительные сроки закрыт въезд в нашу страну около 50 тысячам иностранцев [20, с. 28].

Другой опрошенный эксперт положительно оценил деятельность НАК:

«НАК успешно организует межведомственную координацию силовых структур и правоохранительных органов в подавлении агрессивного этнорелигиозного экстремизма на Северном Кавказе. При этом наиболее весомым является вклад НАКа в организацию операций по разгрому бандгрупп и террористических ячеек, связанных с МТО».

Позитивные экспертные оценки деятельности НАК подтвердил заместитель директора ФСБ – руководитель аппарата НАК И. Г. Сироткин, который отметил, что с 2006 г. по 2021 г. в результате координационной деятельности НАК на территории СКФО при проведении оперативно-боевых мероприятий и контртеррористических операций при оказании вооруженного сопротивления было уничтожено более 2,5 тысячи бандитов, среди которых свыше 330 бандглаварей и эмиссаров МТО. Задержано около 4,5 тысячи боевиков, склонено к отказу от противоправной деятельности более 900 террористов и их пособников. Изъято около 82 тысяч штатных и самодельных взрывных устройств, около 16 тысяч единиц стрелкового оружия и более 22 тонн взрывчатых веществ. Своевременно принятыми органами безопасности и правопорядка мерами предотвращено около одной тысячи преступлений террористической направленности [21].

Достаточно высокую оценку эффективности работы по пресечению акций этнорелигиозного экстремизма («4») получила Росгвардия (табл. 2).

Создание в 2016 г. войск национальной гвардии как самостоятельной силовой структуры значительно повысило потенциал России в области обеспечения национальной безопасности и расширило возможности адекватного и быстрого реагирования на возникающие угрозы этнорелигиозного экстремизма [1; 6].

Один из опрошенных экспертов отметил следующие важные функции Росгвардии:

«Росгвардия самостоятельно или в тесном взаимодействии с ФСБ, НАК, полицией и другими госорганами решительно пресекает наиболее острые этнорелигиозные проявления в процессе защиты жизненно важных объектов и во время различных массовых мероприятий. Достаточно упомянуть, что национальные гвардейцы охраняют от экстремистов Керченский мост и другие важные объекты Керченского пролива. Подразделения Росгвардии обеспечивают безопасность оперативно-разыскных операций и следственных действий, проводимых другими силовыми структурами. Росгвардия может также участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению междуна-

родного мира и безопасности, что создаёт условия для их применения в антиэкстремистских операциях за границей при возникновении такой необходимости».

Директор Федеральной службы войск национальной гвардии России В. В. Золотов сообщил, что в 2016–2020 гг. национальные гвардейцы приняли участие в обеспечении безопасности более 120 международных общественно-политических, спортивных и иных официальных мероприятий [7, с. 47].

Полиция, получившая достаточно высокую экспертную оценку эффективности («4»), является одним из главных субъектов пресечения акций этнорелигиозного экстремизма (табл. 2).

Министр внутренних дел России В. А. Колокольцев по этому поводу отметил, что в 2016–2020 гг. в рамках противодействия насильственному экстремизму органами МВД выявлено 1,9 тысячи фактов возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, 596 – публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, 228 – организации деятельности экстремистских организаций, 71 – организации экстремистского сообщества, 32 – финансирования экстремистской деятельности, 14 – публичных призывов к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации [9, с. 31].

Положительные экспертные оценки эффективности деятельности полиции по пресечению акций насильственного этноэкстремизма подтверждаются выводами всероссийского социологического исследования ВЦИОМ «Российский полицейский – 2021», в ходе которого изучалось отношение российского социума к полиции в целом (опрошено 1600 россиян методом телефонного интервью).

На вопрос ВЦИОМ «Как Вы в целом оцениваете работу полиции в вашем регионе?» 37% россиян дали положительную оценку полиции (32% – «хорошо» и 5% – очень хорошо); 42% – оценили работу полиции «средне»; 13% – дали негативную оценку (8% – «плохо» и 5% – «очень плохо»); 8% – затруднились ответить. Отвечая на вопрос «Доверяете ли Вы сотрудникам полиции Вашего региона или не доверяете?», 57% россиян выразили доверие сотрудникам полиции (15% – «определённо доверяю» и 42% – «скорее доверяю»); 35% – высказали недоверие (16% – «определённо не доверяю» и 19% – «скорее не доверяю»); 8% – затруднились ответить [17].

Научные исследования казачества как исторически сложившейся уникальной социокультурной общности [3; 4; 10; 11] свидетельствуют о высоком потенциале казаческих организаций в обеспечении национальной безопасности России¹, и прежде всего в сфере этнорелигиозных отношений [22].

¹ Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы. Утверждена указом Президента Российской Федерации от 9 августа 2020 г. № 505. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения: 25.10.2021).

По обобщенному мнению опрошенных экспертов, казаческие организации получили среднюю оценку эффективности пресекательной деятельности («3»). Однако следует учитывать, что в рейтинге негосударственных субъектов казаческие структуры показали самый высокий результат. См. табл. 2.

Так, оценивая роль казачества в пресечении этнонационального экстремизма, один из опрошенных экспертов отмечает:

«Казаческие структуры, особенно те, которые включены в Государственный реестр казачьих обществ России, добровольно взяли на себя обязательства по несению государственной службы и этим существенно отличаются от других общественных организаций правоохранительной направленности: ДНД, объединений ветеранов вооружённых сил, отрядов самообороны, молодёжных патрулей и т. д.»

Кроме охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности казаческие организации охотно участвуют в организации военно-патриотического воспитания молодёжи, в подготовке призывников к военной службе, в обучении казаков во время их пребывания в запасе. Всё это повышает роль и значение казачества в противодействии насильственному экстремизму, особенно в предупреждении и пресечении террористических акций, массовых беспорядков, вооружённых столкновений и массовых драк на этнорелигиозной почве».

Другой эксперт заявил:

«Высокая патриотичность казачества и готовность добровольно выступить на защиту российских интересов, в т. ч. и за пределами нашей страны, не только оказывают стабилизирующее воздействие на этнорелигиозные процессы в конкретных регионах, но и в значительной степени способствуют укреплению российской общегражданской идентичности в целом. Члены казаческих организаций социально сплочены и обладают высоким уровнем мобилизационной готовности. Они осознают необходимость своего участия в защите не только территорий своего проживания, но и всей России».

Выводы опрошенных экспертов подтверждаются результатами массовых социологических исследований. Так, проведённое в 2017 г. ВЦИОМ исследование «Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона» позволило определить отношение казачества к обеспечению безопасности в этом регионе. Исследование проводилось с применением метода личного формализованного интервью 750 казаков старше 18 лет, проживающих в СКФО (Ставропольский край, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Северная Осетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Ингушетия).

Опрашиваемым был задан вопрос: «Какую роль сегодня играют казаки в вопросах обеспечения безопасности и стабильности в Вашем регионе?». Результаты анализа оценок интервьюированных казаков приведены в таблице 3.

Таблица 3 (Table 3)

**Оценка роли, которую играют казаки
в обеспечении безопасности и стабильности на Северном Кавказе***

*Assessment of the role played by the Cossacks
in ensuring security and stability in the North Caucasus (N=750)*

Какую роль сегодня играют казаки в вопросах обеспечения безопасности и стабильности?	Количество ответивших, %
Казаки играют ключевую роль в вопросах обеспечения безопасности в регионе	8
Казаки играют важную роль в вопросах обеспечения безопасности в регионе	34
Казаки играют определённую роль в вопросах обеспечения безопасности в регионе	41
В вопросах обеспечения безопасности казаки не играют никакой роли	10
Затрудняюсь ответить	7

Примечание. «По результатам исследования ВЦИОМ «Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона».

Приведённые в таблице 3 данные свидетельствуют о достаточно высокой оценке респондентами роли казаческих структур в обеспечении безопасности на Северном Кавказе. Позитивную роль казачества отмечают 83% опрошенных, при этом 42% оценивают её как «важную» или «ключевую», а 41% определяет эту роль более скромно – как «определённую». Вместе с тем 10% респондентов признают, что в вопросах обеспечения безопасности и стабильности казаки «не играют никакой роли», а 7% – затруднились ответить [8].

В ходе исследования ВЦИОМ изучал также вопрос об оценке потенциала казачества в обеспечении безопасности и стабильности на Северном Кавказе. Опрашиваемым был задан вопрос: «Можно ли сказать, что потенциал казачества в вопросах обеспечения безопасности сегодня используется в полной мере?». Результаты анализа оценок интервьюированных казаков приведены в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

**Оценка потенциала казачества
в обеспечении безопасности и стабильности на Северном Кавказе***

*Assessment of the potential of the Cossacks
in ensuring security and stability in the North Caucasus (N=750)*

Используется ли сегодня потенциал казачества в вопросах обеспечения безопасности в полной мере?	Количество ответивших, %
Однозначно да	14
Скорее да	24
Скорее нет	26
Однозначно нет	29
Затрудняюсь ответить	6

Примечание. «По результатам исследования ВЦИОМ «Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона».

Как видно из таблицы 4, меньшая часть опрошенных (38%) полагает, что потенциал казачества используется сегодня в полной мере (14% – «однозначно да», 24% – «скорее да»). Большая же часть респондентов (55%) считает, что потенциал казачества в обеспечении безопасности и стабильности Северного Кавказа используется сегодня не в полной мере (29% – «однозначно нет», 26% – «скорее нет»). При этом 6% опрошенных затруднились ответить [8].

Эффективность работы добровольных народных дружин по пресечению насильственных акций этноэкстремизма получила экспертную оценку «2» (табл. 2).

Наименьшую оценку эффективности деятельности по пресечению насильственных акций этноэкстремизма («1») получили другие общественные формирования правоохранительной направленности: объединения ветеранов силовых структур (напр., «Боевое братство») и правоохранительных органов, молодёжные (студенческие) патрули, группы самообороны и др. См. табл. 2.

По оценкам одного из опрошенных экспертов:

«В связи с неблагоприятной криминогенной обстановкой, сложившейся в отдельных местностях России, а также недостатками в работе полиции некоторые российские граждане инициативно создают сообщества по защите женщин и детей от возможных преступных посягательств агрессивных мигрантов. Люди не чувствуют себя защищёнными».

Такого рода экспертные оценки подтверждаются результатами анализа материалов СМИ. Так, жители района Новые Ватутинки (Новомосковский административный округ Москвы), где 4 ноября 2021 г. мужчину с ребёнком избили четверо выходцев из Азербайджана (арестованы судом по обвинению в покушении на убийство)¹, активно обсуждают в Интернете вопрос о создании народных дружин для обеспечения общественного порядка.

Жители поселения Сосенское Новой Москвы уже формируют группы для защиты нуждающихся в этом граждан. По заявкам, создаваемым в чате социальной сети, активисты сопровождают одиноких женщин и девушек от метро до дома. *«В вечернее время боимся выйти на улицу, ... мигранты ходят группами, еще и в нетрезвом состоянии...»* – рассказала одна из жительниц Коммунарки².

В ходе опроса, проведённого автором настоящей статьи, изучалось мнение экспертов об оправданности использования добровольных общественных формирований (казачества, ДНД и др.) для пресечения, в т. ч. с использованием силы, акций этнонационального экстремизма. Результаты проведённого анализа приведены в таблице 5.

¹ Арест на два месяца. Фигурантов дела о драке в Новой Москве отправили в СИЗО // Газета.ru. 07.11.2021. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/07/14177017.shtml> (дата обращения: 12.11.2021).

² Резчиков А. Стычка в Новой Москве требует показательного процесса // Взгляд. 06.11.2021. URL: <https://vz.ru/incidents/2021/11/6/1087406.html> (дата обращения: 12.11.2021).

Таблица 5 (Table 5)

**Экспертная оценка оправданности использования
добровольных общественных формирований (казаческих организаций, ДНД и др.)
для пресечения акций этнорелигиозного экстремизма**

*Expert assessment of the justification for using
voluntary public formations (Cossack organisations, DND, etc.)
to suppress actions of ethno-religious extremism (N=20)*

Использование добровольных общественных формирований:	Количество ответивших
Оправданно, поскольку является формой помощи государству со стороны ответственных граждан	7 (35%)
Оправданно только в экстренных обстоятельствах, когда государственные органы не могут (не считают целесообразным) самостоятельно пресечь внезапную угрозу	8 (40%)
Неоправданно, поскольку только государство имеет право на применение насилия	5 (25%)

Проведённый опрос показал, что большая часть экспертов – 75% считает оправданным использование добровольных общественных формирований (казачества, ДНД и др.) для пресечения этнорелигиозных экстремистских акций. При этом 35% от общего количества респондентов полагает правильным такое использование общественных формирований практически в любых этноконфликтных ситуациях, а 40% опрошенных выступает за использование их только в экстренных обстоятельствах, когда государственные органы не могут самостоятельно пресечь внезапную угрозу. См. табл. 5.

Вместе с тем меньшая часть опрошенных экспертов – 25% считает неоправданным использование добровольных общественных формирований в операциях и мероприятиях по пресечению акций этноэкстремизма, поскольку «только государство имеет право на применение насилия» (табл. 5).

Наименьшую оценку эффективности деятельности по пресечению этноконфликтов («1») получили общественные этнорелигиозные организации, не имеющие прямого отношения к решению правоохранительных задач (табл. 2).

По словам одного из экспертов:

«Национальные диаспоры, землячества, национально-культурные объединения и другие общественные организации этнической или религиозной ориентации в силу специфики своей деятельности могут, главным образом, предупреждать и локализовывать проявления этнорелигиозного экстремизма, а не пресекать их. Пресечение требует соответствующей физической подготовки и психологической настроенности. Наиболее успешно с этой задачей справляются государственные силовые структуры и казачьи организации».

Вместо заключения

Выдвинутые автором статьи основные гипотезы в процессе исследования нашли своё подтверждение. *Этнорелигиозный экстремизм, преследующий цели подрыва единства и нарушения территориальной целостности Российской Федерации, а также дестабилизации внутриполитической обстановки, представляет в современных условиях одну из основных угроз безопасности нашей страны.*

Большинство террористических и экстремистских преступлений, выявленных за последние годы на территории России, были совершены по мотивам этнорелигиозной вражды и ненависти. Наиболее высокую экспертную оценку вероятности этноэкстремистских проявлений в ближайшие 5–7 лет получили такие угрозы, как террористические акты, этнонациональные конфликты и массовые антиобщественные проявления.

Пресечение деятельности насильственного этнорелигиозного экстремизма является важнейшей задачей, стоящей перед российским государством и обществом.

Анализ деятельности субъектов пресечения насильственных акций этнорелигиозного экстремизма показал, что максимально результативными являются действия ФСБ и НАК (экспертная оценка «5»). Достаточно высоко эксперты оценили эффективность работы Росгвардии и полиции («4»).

Казаческие организации получили среднюю оценку результативности («3»), но в рейтинге общественных (негосударственных) организаций их деятельность является, как показало исследование, наиболее полезной. Дальнейшее развитие казачества и использование его потенциала в противодействии этноэкстремизму будет эффективным при условии опоры на лучшие казаческие традиции: патриотизм, желание приносить пользу своему народу, готовность к активному участию в защите государства и общества, высокий уровень сплочённости и мобилизационного потенциала. Целесообразно более активно привлекать российское казачество к участию в мероприятиях, направленных на укрепление гражданского единства, гармонизацию этнонациональных отношений, противодействие экстремизму и сепаратизму, предупреждение и пресечение конфликтов на национальной и религиозной почве; на развитие связей с проживающими за рубежом соотечественниками.

Изучение вопроса о целесообразности привлечения добровольных общественных формирований к пресечению насильственного этноэкстремизма показало, что большая часть – 75% экспертов считает их использование вполне оправданным. Вместе с тем меньшая часть – 25% опрошенных экспертов считает неоправданным их задействование в пресекательных мероприятиях, поскольку только государство имеет право на легитимное применение насилия.

Проблема эффективности пресечения акций насильственного этноэкстремизма имеет важное значение для обеспечения государственной и общественной безопасности Российской Федерации, укрепления гражданского единства, достижения межнационального и межконфессионального согласия в российском социуме. Поэтому рассмотренные в настоящей статье вопросы нуждаются в постоянном мониторинге в рамках комплексного изучения этнорелигиозного экстремизма и мер противодействия этому опасному явлению.

Библиографический список

1. Абазов А. Б. Анализ и задачи ОВД по предупреждению и пресечению экстремистских действий в современной России // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 101–102.
2. Бараш Р. Э. Гражданская идентичность россиян: динамика и перспективы // Вестник Российского философского общества. 2020. № 1–2. С. 94–104. DOI: 10.21146/1606-6251-20193/4-94-104.
3. Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/61_2017bredikhin.htm?ysclid=leo9b80t43469820613 (дата обращения: 16.09.2021).
4. Бугай Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 4. С. 148–163. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13.
5. Горшков М. К., Тюрина И. О. Синтез этнонационального и гражданского как основа российской идентичности // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. № 1. С. 44–57. DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57.
6. Грищенко Л. Л., Кадыров Б. Н. Применение органов внутренних дел и войск национальной гвардии Российской Федерации в мероприятиях по противодействию экстремизму // Академическая мысль. 2020. № 1. С. 92–97.
7. Золотов В. В. Участие войск национальной гвардии Российской Федерации в борьбе с терроризмом // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1. С. 45–49.
8. Казачество Северного Кавказа как фактор стабильности региона. М.: ВЦИОМ. 2017. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2017/kazachestvo.pdf (дата обращения: 16.09.2021).
9. Колокольцев В. А. Об итогах работы МВД России по противодействию терроризму и обеспечению правопорядка в 2016–2020 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1. С. 31–37.

10. Коневиченко И. Л. Казачество в правовом пространстве России: история и современность: моногр. СПб.: ГУАП, 2016. 130 с.

11. Мациевский Г. О. Государство и казачество: на пути к государственной службе // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. № 4. С. 64–172. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.14.

12. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты: моногр. / Отв. ред. Л. М. Дробижева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.

13. Найденко В. Н. Вероятность экстремистских угроз в этнонациональной сфере России // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 4. С. 111–125. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607.

14. Найденко В. Н. Основные тенденции этнонационального экстремизма в России // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы развития: мат. XIX Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 25.09.2020 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2020. С. 143–145.

15. Найденко В. Н. Этноконфликтность в контексте национальной безопасности России // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 150–162. DOI: 10.17976/jpps/2020.01.11.

16. Проявления агрессивной ксенофобии и радикального национализма в Российской Федерации в январе–августе 2021 года. Доклад Московского бюро по правам человека. 25.10.2021. URL: https://vid-1.ria.ru/ig/pressmia/2021/20211025_xeno-report-2021.pdf (дата обращения: 20.11.2021).

17. Российский полицейский – 2021. Аналитический обзор ВЦИОМ. 10.11.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-policeiskii-2021> (дата обращения: 15.11.2021).

18. Рыжова С. В. Обобщённое доверие и чувства к России как компоненты общероссийской идентичности // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 2. С. 27–41. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8101.

19. Самсонова Т. Н., Цыганкова Д. Н. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества // Теория и практика общественного развития. 2020. № 11. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/11/sociology/samsonova-tsygankova.pdf (дата обращения: 15.10.2021).

20. Седов А. С. ФСБ России в борьбе с терроризмом в 2006–2020 годах // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1. С. 27–29.

21. Сироткин И. Г. О деятельности Национального антитеррористического комитета за 15 лет // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2021. № 1. С. 17–21.

22. Торхов Я. А. Вопросы национальной безопасности и институт казачества // *Юридические науки: проблемы и перспективы: мат. III Междунар. науч. конф. (Казань, май 2015 г.)*. Казань: Бук, 2015. С. 48–52.

Получено редакцией: 26.04.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Найденко Виталий Николаевич, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.8

EDN: IHZAZS

Suppression of Manifestations of Violent Ethno-Religious Extremism: Expert Assessments

Vitaly N. Naydenko

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vnaydenko@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-0878-4204

For citation: Naydenko V. N. Suppression of manifestations of violent ethno-religious extremism: expert assessments. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 137–154. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.8; EDN: IHZAZS

Abstract. Growing social tension increases the danger of ethno-religious extremism, that negatively affects the views and value orientations of various groups of the Russian population, worsens the social well-being of society, provokes an increase in protest potential, and threatens Russia's national security. The article deals with the problems of the effectiveness of the measures of state and public structures in the suppression of ethno-extremist actions and analyses the practice of using voluntary public formations for these purposes. A two-stage survey conducted by the author of the article using the methods of questionnaire and in-depth interviews of 20 experts who are highly qualified specialists in the field of countering ethno-extremism, the results of sociological studies of the FCTAS RAS and VCIOM, the conclusions of the IBHR report, as well as the analysis of scientific papers and media publications on the topic of the study showed that the most effective (expert rating "5" on a five-point scale) are the preventive actions of the FSB and the NAC (National Anti-terrorism Committee). The National Guard and the police received a fairly high assessment of the effectiveness of this work ("4"). Cossack organisations received an average assessment of the effectiveness of the researched activity ("3"). The suppressive activity of the DND (Voluntary People's Squad) was rated "2". The actions of other public law enforcement formations (associations of veterans of law enforcement agencies, self-defense units, youth patrols, etc.), as well as public ethno-religious organisations that are not directly related to law enforcement activities, were recognised as the least effective ("1"). The study showed that 75% of experts consider it justified to use voluntary public law enforcement formations (Cossacks, DND, etc.) to suppress violent ethno-religious manifestations and, above all, the ones of the separatist nature. At the same time, 35% of experts believe that such use is correct in almost any ethno-conflict situation, and 40% are in favour of their use only in emergency circumstances, when government services cannot eliminate a sudden threat on their own. At the same time, 25% of the surveyed experts consider the use of voluntary formations unjustified, since only the state has the right to legitimate use of violence. The results of the assessment of the activities of state and public structures analysed in the article are recommended for the use in developing measures to increase the effectiveness of countering violent ethno-extremism, strengthening civil unity, and achieving interethnic and interfaith harmony in Russian society.

Keywords: ethno-religious extremism, social tension, state structures for the suppression of ethno-extremism, FSB, National Guard, police, public law enforcement formations, Cossack organisations

References

1. Abazov A. B. Analysis and tasks of the Internal Affairs Department for the prevention and suppression of extremist actions in modern Russia. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 2018: 3: 101–102 (in Russ.).
2. Barash R. E. Civic identity of russians: dynamics and prospects. *Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva*, 2020: 1–2: 94–104 (in Russ.). DOI: 10.21146/1606-6251-20193/4-94-104.
3. Bredihin A. V. Ethnosocial identity of the modern Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 2017: 61. Accessed 16.09.2021. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnosotsialnaya-identichnost-sovremennogo-rossiyskogo-kazachestva> (in Russ.).
4. Bugaj N. F. Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019: 4: 148–163 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13.
5. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Synthesis of ethno-national and civil as the basis of Russian identity. *Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya*, 2018: 1: 44–57 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-1-44-57.
6. Grishchenko L. L., Kadyrov B. N. The use of the internal affairs bodies and the troops of the national guard of the Russian Federation in measures to counter extremism. *Akademicheskaya mysl'*, 2020: 1: 92–97 (in Russ.).
7. Zolotov V. V. Participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the fight against terrorism. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2021: 1: 45–49 (in Russ.).
8. Kazachestvo Severnogo Kavkaza kak faktor stabil'nosti regiona [Cossacks of the North Caucasus as a factor of stability in the region]. Moscow, VCIOM, 2017. Accessed 16.09.2021. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/ns_doklady/2017/kazachestvo.pdf (in Russ.).
9. Kolokol'cev V. A. On the results of the work of the Ministry of Internal Affairs of Russia on countering terrorism and ensuring law and order in 2016–2020. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2021: 1: 31–37 (in Russ.).
10. Konevichenko I. L. Cossacks in the legal space of Russia: history and modernity. St. Petersburg, GUAP, 2016: 130 (in Russ.).
11. Macievskij G. O. State and Cossacks: on the way to public service. *Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019: 4: 64–172 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.14.
12. Interethnic accord at all-Russian and Regional Dimension. Socio-cultural and religious contexts: [monograph]. Ed. by L. M. Drobizheva. Moscow, FNISC RAN, 2018: 552 (in Russ.).
13. Naydenko V. N. The likelihood of extremist threats in the ethno-national sphere of Russia. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2019: 10 (4): 111–125 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.607.
14. Naydenko V. N. The main tendencies of ethno-national extremism in Russia. In Science, education, society: trends and development prospects: Mat. XIX Intern. scientific-practical. conf. (Cheboksary, 25.09.2020). Cheboksary, CNS «Interaktiv plyus», 2020: 143–145 (in Russ.).
15. Naydenko V. N. Ethnic conflict in the context of Russia's national security. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2020: 1: 150–162 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2020.01.11.
16. Proyavleniya agressivnoj ksenofobii i radikal'nogo nacionalizma v Rossijskoj Federacii v yanvare–avguste 2021 goda [Manifestations of aggressive xenophobia and radical nationalism in the Russian Federation in january–august 2021. Report of the Moscow Bureau for Human Rights. 25.10.2021]. Accessed 20.11.2021. URL: https://vid-1.ria.ru/ig/pressmia/2021/20211025_xeno-report-2021.pdf (in Russ.).
17. Russian Police Officer – 2021. Analytical review of VTsIOM. 10.11.2021. Accessed 15.11.2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskii-poli-ceiskii-2021> (in Russ.).
18. Ryzhova S. V. Generalized trust and feelings towards Russia as components of the all-Russian identity. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9 (2): 27–41 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.2.8101.

19. Samsonova T. N., Cygankova D. N. The main problems and directions of achieving the consolidation of Russian society. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2020: 11. Accessed 15.10.2021. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2020/11/sociology/samsonova-tsygankova.pdf (in Russ.).
20. Sedov A. S. FSB of Russia in the fight against terrorism in 2006–2020. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2021: 1: 27–29. (in Russ.).
21. Sirotkin I. G. On the activities of the National Anti-Terrorism Committee for 15 years. *Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta*, 2021: 1: 17–21 (in Russ.).
22. Torhov Ya. A. National security issues and the institution of the Cossacks. In *Legal sciences: problems and prospects: Mat. III Intern. scientific conf. (Kazan, May 2015)*. Kazan, Buk, 2015: 48–52 (in Russ.).

The article was submitted on: April 26, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly N. Naydenko, Doctor of Law, Associate Professor,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

РАЗВИТИЕ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.10

EDN: ZKXAKA

Качественная составляющая индивидуальной программы социально-экономического развития региона, входящего в состав Енисейской Сибири

Ссылка для цитирования: Монгуш С. П. Качественная составляющая индивидуальной программы социально-экономического развития региона, входящего в состав Енисейской Сибири // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 155–165. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.10; EDN: ZKXAKA

For citation: Mongush S. P. The qualitative component of the individual programme for the socio-economic development of one of the regions of the Yenisei Siberia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 155–165. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.10; EDN: ZKXAKA

Монгуш Снежана Петровна^{1,2}

¹Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН, Кызыл, Россия;

²Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия

fqkey@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 788581

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы обоснования разработки и реализации индивидуальных программ социально-экономического развития (ИПСЭР). Регионы отбирались на основании исследования четырех показателей (среднедушевые денежные доходы населения; доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума; уровень безработицы; инвестиции в основной капитал на душу населения) в трёхлетнем периоде социально-экономического развития среди 85 субъектов РФ. Среднедушевые денежные доходы населения рассматривались как показатели, характеризующие покупательную способность населения. Прогноз показателя среднедушевых денежных доходов населения выявляет потенциальные покупательные возможности населения анализируемой территории. Показатели доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе, использовались для характеристики уровня бедности, а его прогноз – уменьшение (увеличение) денежных поступлений населения конкретной территории, доступных для сбережения. Показатели уровня безработицы, рассматривались как определяющие и характеризующие уровень и темпы экономического развития территории. Показатели инвестиций в основной капитал на душу населения изучались как характеризующие отобранные территории со стороны инвестиционной площадки для будущего развития предпринимательской деятельности. Индивидуальные программы социально-экономического развития предназначены для создания определенных условий для опережающего социально-экономического развития. Цель исследования – изучение

качественной составляющей ИПСЭР региона с низким уровнем развития. При этом был использован комплекс методов (сравнение, картография и т. д.), для того чтобы промежуточный апробационный результат исследования был наиболее релевантным. С учётом поставленной цели анализ индивидуальных программ социально-экономического развития регионов проводился авторами с позиции качества ИПСЭР и её реального влияния на экономику региона с низким уровнем развития, также ИПСЭР рассмотрена как одна из возможных путей улучшения социально-экономического положения региона с низким уровнем развития в ареале страны. При этом трендовой основой разработки рассматриваемого стратегического документа выступает его «неповторимость/индивидуальность», то есть действенность программных мероприятий подстроена под потенциальное хозяйственное развитие региона с низким уровнем развития. Результат исследования будет носить промежуточно-рекомендательный характер, так как ИПСЭР реализуются на территориях с низким уровнем развития до 2024 г. На основе результатов исследования, а также на основе других изысканий научного сообщества можно рекомендовать региональным властям выявить для себя слабые стороны программы и при пролонгации ИПСЭР до 2027 г. минимизировать её отрицательные аспекты и повысить положительные эффекты для экономики региона.

Ключевые слова: программа, регион, низкий уровень развития, мероприятия, эффекты, аспекты

Введение

Общэкономическое положение проблемных регионов обусловлено низкими социально-экономическими показателями развития по сравнению со среднероссийскими. Это порождает множество проблем не только экономического, но и социального характера, что требует разработки таких экономических модуляторов¹, которые будут применены и реализованы именно на конкретной территории, при учёте всех её основных экономических и социальных индивидуальных особенностей. Отсюда вытекает дифференциация социально-экономических статусов регионов России, которые в последнее время сильно разнятся [4]. Правительством России постоянно разрабатываются необходимые мероприятия для активизации проблемных экономик, такие как индивидуальные программы социально-экономического развития.

Енисейская Сибирь (далее – ЕС)

ЕС состоит из трёх субъектов Федерации: Красноярский край, Республика Хакасия и Республика Тыва [5]. Общая площадь ЕС 2597 тыс. км², это второй по площади макроэкономический район страны (I – Дальневосточный макрорегион с площадью 6952,6 тыс. км²). На

¹ Модулятор – составная часть экономического процесса управления, которая при этом изменяет установленный процесс в соответствии с экономическими колебаниями (влияние входа и выхода), с обратными связями и с эффектом как плюсового (не значит, что хороший), так и минусового (не значит, что плохой) влияния.

начало 2022 года в ЕС проживали 3 710 116 чел., по численности населения макрорегион занимает последнее место среди других экономических районов страны. Так, на первом месте по численности населения – Центральный макрорегион (32 106 557 чел.), на II – месте Южный макрорегион (16 434 898 чел.), и на III месте – Волго-Камский макрорегион (14 947 298 чел.)¹.

ЕС можно охарактеризовать как интеграционное начало трёх отличных по уровню развития регионов страны (рис. 1) [3].

Рис. 1. Енисейская Сибирь в пространственном отражении страны

Figure 1. Yenisei Siberia in the spatial reflection of the country

ЕС устойчиво входит в первую десятку экономических районов страны по объему валового регионального продукта – по итогам 2019 г. – 3027 млрд руб., IX место в стране².

Среднедушевые показатели ВРП ЕС устойчиво превышают средние по российским экономическим районам страны: в 2019 г. это превышение составило 2,5 раза. Еще более выраженным (3,1 раза) является превосходство её регионов по душевому производству валового регионального продукта над субъектами Федерации, расположенными на территории Сибирского федерального округа. Около 60% ВРП обеспечивает промышленный комплекс макрорегиона. Макрорегион ЕС – активный участник внешней торговли России, на его долю приходится 1,9% внешнеторгового оборота страны в 2020 г. В 2020 г. объем экспорта составил 8,1 млрд долл. США, импорта – 2,8 млрд долл. США. Внешнеторговые

¹ Численность населения РФ по МО на 1 января 2022 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.05.2022).

² Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. Росстат. 2021 г. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 11.05.2022).

операции осуществлялись свыше 100 странами мира. Лидирующее положение в экспорте макрорегиона занимают цветные металлы, древесина и продукты её переработки. В 2020 г. объем инвестиций в основной капитал составил 530,9 млрд руб. Объем инвестиций в основной капитал ЕС формирует около 30% всех инвестиций Сибирского федерального округа. ЕС [2], выступает универсальным мостом между восточными и западными частями страны, являясь точкой притяжения человеческих ресурсов и инвестиционных средств [1]. При этом координация инвестиционной площадки в ЕС основана на позиции «межрегиональной», в которой исключается конкуренция единомышленников. Усиливаются взаимодействия и взаимосвязи регионов, как и предусматривается в стратегии пространственного развития РФ¹, в национальных целях развития РФ² и в других основополагающих федеральных документах.

Основной вектор исследования направлен на регион, входящий в ЕС. Используется сравнительный метод. Данный регион является «слабым звеном», а ИПСЭР может стать для него новацией стратегического планирования, которая даст импульс дальнейшему развитию региона и улучшению социально-экономического положения в сравнительном пространственном ареале РФ на перспективу.

Характеристика Республики Тыва как территории, входящей в состав ЕС

Республика Тыва – субъект Российской Федерации, который входит в состав Сибирского федерального округа и граничит на юге с Монголией. Тыва обладает равноудалённым положением от восточных и западных границ РФ. Площадь республики составляет 168,6 тыс. км²: 21-е место среди всех субъектов РФ, или 0,98% территории. По плотности населения занимает 77-е место с показателем 1,9 чел. на км², что в 5 раз ниже, чем в среднем по стране. Территория Тувы характеризуется неблагоприятными природно-климатическими условиями для проживания и относится к территориям Крайнего Севера и приравненным к ним местностям. Горный рельеф занимает более 80% всей территории республики, 20% территории приходится на межгорные котловины, в пределах которых проживает основная часть населения, расположена в сейсмически опасной зоне (8–10 баллов по шкале Рихтера). Тува обладает значительными запасами полезных ископаемых: более 47% общероссийских запасов циркония, более 30% урана, более 5% меди, молибдена и нефелиновых руд, имеются значительные запасы цветных, редкоземельных и благородных металлов, угля.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 13.05.2022).

² Указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 13.05.2022).

Инвестиционные возможности Тувы осложнены инфраструктурными ограничениями, энергодефицитом и высокими ценами на электроэнергию, недостатком квалифицированного рабочего персонала. Отсутствие железной дороги серьезно сдерживает развитие горнодобывающей отрасли и желание крупных компаний инвестировать средства в расширение производства на территории региона. Регион не имеет развитой системы газопроводов и не подключена к единой системе газоснабжения. В республике тариф на электроэнергию составляет для населения 3,64 руб., для юридических лиц 5,84 руб. Кроме энергодефицита по электрической мощности, в регионе существует проблема по дефициту тепловой мощности. Промышленный комплекс характеризуется поздним началом индустриализации, высокой степенью износа основных средств, низким коэффициентом их обновления, устаревшими технологиями производства на большинстве предприятий. Слабая диверсификация производства, наличие инфраструктурных ограничений и отсутствие квалифицированных кадров отрицательно сказываются на их финансово-экономической устойчивости.

Индивидуальная программа социально-экономического развития

Минэкономразвития РФ на основании анализа социально-экономических показателей, отражающих уровень развития субъектов, был определен круг регионов, для которых разработали ИПСЭР на основе данных:

1. Среднедушевые денежные доходы населения.
2. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума.
3. Уровень безработицы.
4. Инвестиции в основной капитал на душу населения.

Практическая значимость представленного инструмента стратегического планирования «ИПСЭР»¹ для проблемных регионов – это возможность повышения уровня развитости, отвечающего современным требованиям рыночного хозяйства. По результатам 2024 г. при пролонгации до 2027 г. будут вырабатываться эффективные драйверные пути территориального развития регионов-реципиентов.

ИПСЭР для субъектов РФ с низким уровнем социально-экономического развития по сути стал, дополнительным трансфертом со стороны федерального бюджета (99/1), так как ограничительные меры, связанные с распространением коронавирусной инфекции (санитарно-эпидемиоло-

¹ Приказ Министерства экономического развития РФ от 25.10.2019 г. № 698 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы по разработке индивидуальных программ социально-экономического развития субъектов Российской Федерации с низким уровнем социально-экономического развития» (вносятся изменения на основании Приказа Минэкономразвития России от 01.02.2022 г. № 41). URL: <https://docs.cntd.ru/document/564332920>

гические ограничения), как и ожидалось, привели к снижению доходов бюджетов. ИПСЭР выступила в роли антикризисной опоры, которая позволила поддержать расходную составляющую региональных бюджетов по достижению национальных целей развития. Данная новация стратегического планирования позволила обеспечить устойчивость бюджетной системы субъектов с низким уровнем социально-экономического развития (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Субъекты с низким уровнем развития, отобранные по рейтингу
Минэкономразвития России для утверждения ИПСЭР¹

*Subjects with a low level of development, selected according to the rating of the
Ministry of Economic Development of Russia for the approval of IPSED*

Регионы	Основание	Место, занимаемое субъектом в РФ по ВРП на душу населения (2019 г.)	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (2019 г.), %	Величина прожиточного минимума на IV квартал 2019 г., руб.
Республика Алтай	Распоряжение Правительства РФ от 09.04.2020 года № 937-р	76	24,3	10041
Республика Карелия	Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 года № 973-р	30	15,7	13307
Республика Тыва	Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2020 года № 972-р	80	34,1	10384
Чувашская Республика	Распоряжение Правительства РФ от 03.04.2020 года № 865-р	74	17,4	9285
Псковская область	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 года № 926-р	66	16,2	10633
Республика Калмыкия	Распоряжение Правительства РФ от 12.04.2020 года № 992-р	64	23,5	9700
Республика Марий Эл	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 года № 927-р	68	20,1	9258

¹ Составлено авторами на основе ИПСЭР слаборазвитых регионов с Электронного фонда правовых и нормативно-технических документов (URL: <https://docs.cntd.ru> (дата обращения: 11.05.2022)), а также «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021»: Стат. сб. / Росстат. М., 2021. 1112 с.

Окончание таблицы 1

Регионы	Основание	Место, занимаемое субъектом в РФ по ВРП на душу населения (2019 г.)	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (2019 г.), %	Величина прожиточного минимума на IV квартал 2019 г., руб.
Республика Адыгея	Распоряжение Правительства РФ от 16.04.2020 года № 1043-р	72	12,6	9119
Алтайский край	Распоряжение Правительства РФ от 08.04.2020 года № 928-р	75	17,6	9704
Курганская область	Распоряжение Правительства РФ от 25.02.2020 года № 422-р	73	19,6	9795

Как видно из таблицы, по рейтингу ВРП на душу населения Республика Тыва занимает 80 место – 243 052,4 руб., что меньше среднероссийского показателя на 62,4% или 403 091,7 руб. в денежном эквиваленте. Наибольшая доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума – 34,1% при численности населения 324,4 тыс. чел. (на 1 января 2019 г.).

Наименьший размер величины прожиточного минимума в IV квартале 2019 г. наблюдался в Республике Адыгея (9119 руб.), что меньше среднероссийского показателя на 1490 руб.

Наибольшая величина данного показателя принадлежала Республике Карелия (13 307 руб.), что больше среднероссийского показателя на 2698 руб.

В Республике Тыва данный показатель был равен 10 384 руб., что меньше среднероссийского показателя на 225 руб., когда средний показатель по РФ был 10 609 руб.

В составе 10 субъектов ИПСЭР: 10% – это края, 20% – это области и 70% – национальные республики:

- Сибирский ФО: Алтайский край, Республика Тыва, Республика Алтай;
- Северо-Западный ФО: Республика Карелия, Псковская область;
- Южный ФО: Республика Адыгея, Республика Калмыкия;
- Уральский ФО: Курганская область;
- Приволжский ФО: Республика Марий Эл, Чувашская Республика.

При этом контрольное регулирование реализации ИПСЭР федеральным органом исполнительной власти (ФОИВ) распределено по иному алгоритму¹.

¹ Основной сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/formirovanie_individualnyh_planov_razvitiya_territoriy/ (дата обращения: 13.05.2022).

Качественная составляющая ИПСЭР региона, входящего в ЕС

Основными целями реализации ИПСЭР региона с низким уровнем развития являются снятие инфраструктурных ограничений, сдерживающих экономическое развитие, диверсификация экономики региона, рост производства продукции, проектирование и строительство инженерной инфраструктуры для строительства в регионе. Согласно ИПСЭР Тувы до 2024 г. в целом в программе запланировано 34 мероприятия на сумму 5050,54 млрд руб. Среди них создание санаторно-курортного и оздоровительного комплекса «Чедер», открытие автомобильного пункта пропуска через российско-монгольскую государственную границу Хандагайты в многостороннем статусе, организация производства кирпича и железобетонных изделий и т. п. Из федерального бюджета предусмотрено финансирование 99% (5000 млрд руб.) и 50,54 млрд руб., или 1% из бюджета региона. Можно с уверенностью утверждать, что это практически сказочные возможности, как «по щучьему велению, по моему хотению», другой формулировки и не надо.

Была произведена группировка основных мероприятий ИПСЭР по качественному влиянию на экономику региона с низким уровнем развития:

- *«прямые»* – на территории региона с низким уровнем развития после исполнения программы будут созданы реальные объекты (26,6%);
- *«косвенно прямые»* – сформулированные государственные механизмы будут оказывать реальную действенную помощь после завершения ИПСЭР независимо в 2024 г. или 2027 г. различным рыночным агентам данного региона (61,7%);
- *«утопически прямые»* – когда даже в потенциале нет возможности их реализовать, наблюдается «переоценка» своих возможностей (11,7%).

Наиболее «утопически прямыми» в данном регионе выступают мероприятия относительно строительства железной дороги Элегест – Кызыл – Курагино и строительства мусороперерабатывающего завода. Данные инвестиционные проекты очень затратные, крупный инвестор не хочет вкладывать свои средства в дотационный регион (дотация бюджета свыше 70%), при этом статус железнодорожной ветки Элегест – Кызыл – Курагино будет промышленной, то есть многотоннажные перевозки. В регионе с низким уровнем развития отсутствуют железные дороги пассажирского назначения, функционирует только автомобильный транспорт и в небольшом количестве авиационный. Водный транспорт функционирует только внутри региона, далее водный путь перекрывает Саяно-Шушенская гидроэлектростанция имени П. С. Непорожного – крупнейшая по установленной мощности электростанция России.

Проблемы строительства мусороперерабатывающего завода схожи. Они связаны с нехваткой инвестиций, а также с тем, что в регионе не вырабатывается столько мусора, чтобы можно было говорить о рен-

табельности строительства данного завода. На территории региона проживает всего 332 609 чел.¹, из которых 46% – сельское население (25,6% в среднем по РФ). Отнести его к статусу «миллионщика» невозможно. Отсутствуют в отраслевой структуре хозяйства региона и промышленные гиганты, которые производили бы определенные виды отходов, требующих их дальнейшей переработки, и т. п.

Исследователи пришли к выводу, что ИПСЭР должны содержать в себе мероприятия, которые могут «реально» внести положительный вклад в экономику региона с низким уровнем развития. Некоторые из них содержатся в нескольких стратегических документах субъекта. Если мероприятие слишком «громоздкое», по финансовым составляющим «неподъёмное» даже для крупных инвесторов, можно его «расчленить» на более мелкие составляющие: инфраструктурные отдельно скомпоновать под какие-то смежные проекты. Обычно в любом инвестиционном проекте инфраструктурная составляющая наиболее затратная, но без неё нельзя реализовать проект.

В настоящее время на территории региона начали реализовываться «прямые» мероприятия, хотя существуют определенные административные барьеры, которые предприниматели не могут преодолеть. Они начинают действовать, но потом оказывается, что из-за специфики деятельности предприятия её необходимо лицензировать или сертифицировать, а таковых полномочий у территории нет (отсутствие соответствующих разрешающих органов и высококвалифицированных специалистов определённых профилей).

Результаты косвенно прямых мероприятий будут наблюдаться ближе к концу срока ИПСЭР, то есть в 2024 г., так как региональным властям необходимо будет пролонгировать ИПСЭР до 2027 г., а для этого нужны результаты и эффективность реализации программы. Конец 2019 г. и периоды до 2022 г. оказались очень тяжелыми для экономик регионов в связи с пандемией COVID-19, приведшей к состоянию застоя в экономической деятельности региона. Начало 2022 г. связано со специальной военной операцией, его конец – с частичной мобилизацией². Данные политические шаги в перспективе будут влиять на социально-экономическое положение, особенно в регионах с низким уровнем развития, у которых бюджет дотационный, таких как Республика Тыва.

Библиографический список

1. Веселова Э. Ш. «Енисейская Сибирь» – первый макрорегион России // ЭКО. № 6 (528). 2018. С. 20–37. DOI: 10.30680/ЕКО0131-7652-2018-6-20-37.

¹ По данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://krasstat.gks.ru>

² Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

2. Веселова Э. Ш. Россию «разрежут» по-новому // ЭКО. 2018. № 6 (528). С. 7–19. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2018-6-7-19.

3. Монгуш С. П. Взаимодействие сибирских регионов в контексте реализации комплексного инвестиционного проекта «Енисейская Сибирь» // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 10 (391). С. 1921–1939. DOI: 10.24891/ni.16.10.1921.

4. Прохоров В. В., Зеленская Т. В., Рожнов И. П., Аврамчикова Н. Т. Инструменты стимулирования развития северных территорий Енисейской Сибири в новых экономических условиях // Фундаментальные исследования. 2022. № 7. С. 89–95. DOI: 10.17513/fr.43289; EDN: HQOTJG.

5. Mongush S. P., Avramchikova N. T., Maslova O. V., Zakharova L. N. Prospects of economic development of republic tyva project “Yenisei Siberia” // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk: DNIT, 2020. С. 67–73.

Получено редакцией: 23.09.2022

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Монгуш Снежана Петровна, младший научный сотрудник,
Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН;
аспирант Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.10

EDN: ZKXAKA

The Qualitative Component of the Individual Programme for the Socio-Economic Development of One of the Regions of the Yenisei Siberia

Snezhana P. Mongush

Tuva Institute of Integrated Development of Natural Resources SB RAS, Kyzyl, Russia;

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russia

E-mail: fqkey@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3435-0944

For citation: Mongush S. P. The qualitative component of the individual programme for the socio-economic development of one of the regions of the Yenisei Siberia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 155–165. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.10; EDN: ZKXAKA

Abstract. The article deals with the issues of substantiating the development and implementation of individual programmes for socio-economic development (IPSED). The regions were selected on the basis of a study of four indicators (average per capita cash income of the population; the share of the population with cash incomes below the subsistence level; unemployment rate; investment in fixed capital per capita) in a three-year period of socio-economic development among 85 constituent entities of the Russian Federation. Average per capita cash incomes of the population were considered as indicators characterising the purchasing power of the population. The forecast of the average per capita money income of the population revealed the potential purchasing power of the population of the analysed territory. The indicators of the share of the population with cash incomes below the subsistence minimum established in the region were used to characterise the level of poverty. Unemployment indicators were considered

as determining and characterising the level and pace of economic development of the territory. Indicators of investment in fixed capital per capita were studied as characterising the selected territories from the perspective of an investment platform for the future development of entrepreneurial activity. Individual programmes of socio-economic development were designed to create certain conditions for advanced socio-economic development. The purpose of the research is to study the qualitative component of the IPSED in a region with a low level of development. A set of methods was used (comparison, cartography, etc.) in order to make the intermediate approbation result of the study the most relevant. Taking into account the established goal, the analysis of individual programmes for the socio-economic development of the regions was carried out by the authors from the point of the quality of the IPSED and its real impact on the economy of a region with a low level of development. The IPSED is also considered as one of the possible driving ways to improve the socio-economic situation of a region with a low level of development. At the same time, the trending basis for the development of the considered strategic document is its “uniqueness/individuality”, that is, the effectiveness of programme activities is adjusted to the potential economic development of a region with a low level of development. The result of the study will be of an interim-recommendatory nature, since IPSED are implemented in areas with a low level of development until 2024. Based on the results of the study, as well as on the basis of other studies of the scientific community, it is possible to recommend to the regional authorities to identify the weaknesses of the programme for themselves and, when prolonging the IPSED until 2027, minimise its negative aspects and increase the positive effects for the region’s economy.

Keywords: programme, region, low level of development, activities, effects, aspects

References

1. Veselova E. S. “Yenisei Siberia” – the first macro-region of Russia. *EKO*, 2018: 6 (528): 20–37 (in Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-20-37.
2. Veselova E. S. Russia will be “cut” in a new way. *EKO*, 2018: 6 (528): 7–19 (in Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-6-7-19.
3. Mongush S. P. Interaction of Siberian regions in the context of the implementation of the integrated investment project “Yenisei Siberia”. *Natsional’nyye interesy: priority i bezopasnost’*, 2020: 16: 10 (391): 1921–1939 (in Russ.). DOI: 10.24891/ni.16.10.1921.
4. Prokhorov V. V., Zelenskaya T. V., Rozhnov I. P., Avramchikova N. T. Tools for stimulating the development of the northern territories of Yenisei Siberia in new economic conditions. *Fundamental’nyye issledovaniya*, 2022: 7: 89–95 (in Russ.). DOI: 10.17513/fr.43289; EDN: HQOTJG.
5. Mongush S. P., Avramchikova N. T., Maslova O. V., Zakharova L. N. Prospects of economic development of republic tyva project “Yenisei Siberia”: In European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS. Krasnoyarsk, DNIT, 2020: 67–73.

The article was submitted on: September 23, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Snezhana P. Mongush, Junior Researcher, Tuva Institute of Integrated Development of Natural Resources SB RAS; Postgraduate student of the V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.11

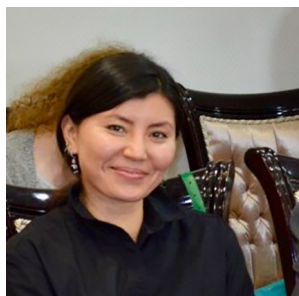
EDN: YYZEHN

От однополярности до бесполярности: к вопросу об изменениях в геополитической конфигурации мира

Ссылка для цитирования: Бийжанова Э. К. От однополярности до бесполярности: к вопросу об изменениях в геополитической конфигурации мира // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 1. С. 166–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.11; EDN: YYZEHN

For citation: Biyshanova E. K. From unipolarity to unpolarity: to the question of changes in the geopolitical configuration of the world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 166–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.11; EDN: YYZEHN

Бийжанова Элиза Камчыбековна¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

biyshanova@isras.ru

AuthorID РИНЦ: 892155

Этой теме было посвящено очередное заседание Научного совета ООН РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике», прошедшее в Институте социологии ФНИСЦ РАН 5 декабря 2022 г. под председательством чл.-корр. РАН Ж. Т. Тощенко (ИС ФНИСЦ РАН, РГГУ). В работе Научного совета приняли участие более 60 ученых, среди которых: проф. **В. Ф. Левичева** (РГГУ), **В. К. Левашов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН), **П. А. Ореховский** (ИЭ РАН), чл.-корр. РАН **М. Ф. Черныш** (ФНИСЦ РАН), проф. **В. Н. Ярская-Смирнова** (СГТУ имени Гагарина Ю. А.) и другие.

Актуальность обсуждения данной тематики связана прежде всего с очередными глобальными изменениями в мире: военными, цивилизационными, политическими, идеологическими, сопровождаемыми катастрофическими угрозами для всего мира.

Поскольку предложенная тема охватывает весьма широкий круг проблем, было принято решение сосредоточить обсуждение вокруг поиска ответов на следующие вопросы:

- Борьба за ресурсы или борьба ценностей – что движет современными мировыми конфликтами?
- Постколониализм или «сообщество единой судьбы человечества» – кто кого?
- Выстраивание биполярных коалиций – инструмент решения или усугубления мировых проблем?
- Социологическая теория о перспективах глобального мира. Перспективы и риски многополярного мира.

Основным докладчиком выступила **С. Г. Кирдина-Чэндлер** (ИЭ РАН) с темой «Биполярные международные коалиции»¹, дискуссионным стал проф. **Л. Н. Доброхотов** (МГУ им. М. В. Ломоносова).

Открывая работу заседания чл.-корр. РАН **Ж. Т. Тоценко** отметил, что цель работы Научного совета сформулирована в самом его названии, т. е. поиск прорывных, интересных или необычных идей, позволяющем концентрировать внимание социальных наук в целом и социологии в частности на значимых проблемах науки и общества. Также он отметил, что выступления на Совете не ограничены лишь его членами и его трибуна открыта для всех коллег, желающих обсудить свои научные изыскания с более широким кругом ученых.

Свое выступление **С. Г. Кирдина-Чэндлер** начала с обозначения процессов, наблюдаемых в последние годы в мире: наряду с деглобализацией, растет стремление к суверенизации, которая воспринимается как благо. Государства начинают все больше осознавать свою независимость, которая позволяет развиваться в соответствии со своими собственными представлениями. Данный процесс наблюдается в росте барьеров между странами (число физических стен между странами увеличилось); в программах рещоринга (*англ. reshore*), т. е. возврата производств на свои территории, в противовес тенденциям офшоринга, начавшимся в 1960-е, когда процесс был обратным – производства выводились за пределы своей страны (*offshore*), преимущественно в развивающиеся страны с дешевой рабочей силой; в технологической, культурной, политической суверенизации и т. п.

В этих условиях для РФ возникает ряд вызовов, одним из которых можно назвать столкновение и разрыв всех связей, которые Россия выстраивала с 1990-х гг. Другой вызов связан со специальной военной операцией (СВО), сложность этой ситуации для России заключается практически в одиночном противостоянии «коллективному субъекту», включающему в себя почти всю Западную Европу, США и ряд других стран, с которыми наша страна столкнулась на Украине. Силы оказались асимметричными, и все это происходит в определенном глобальном дискурсе, где России необходимо выстраивать альтернативные связи и коалиции, чтобы иметь возможность противостоять нынешним вызовам и угрозам.

¹ Дискуссия стала продолжением темы, начатой С. Г. Кирдиной-Чэндлер в журнале «Социологические исследования» (№ 10, 2022).

В этой связи у докладчика назрел вопрос: из-за чего возникают современные мировые конфликты: из-за борьбы за ресурсы или борьбы ценностей? По мнению С. Г. Кирдиной-Чэндлер, это взаимосвязанные вещи, с одной стороны, борьба за ресурсы обусловлена и в какой-то степени неизбежна из-за роста урбанизации и численности мирового населения, уменьшения этих ресурсов и т. п., с другой – возникает вопрос использования этих самых ресурсов. Ими необходимо распорядиться, в том числе коллективно, учитывая интересы всех, что уже становится борьбой ценностей.

Говоря о перспективах и рисках развития мира, докладчик отметила, что можно выстроить несколько схем геополитической его конфигурации, он может быть многополярным, биполярным, однополярным или сетевым (мир без полюсов).

Сетевой мир, по мнению Кирдиной-Чэндлер, нереален. Докладчик отметила, что некоторые ученые видят в этом феномене опасность, обусловленную его неопределенностью, непредсказуемостью, неустойчивостью. К тому же он не дает нам представлений о реальной структуре, распределении сил и т. п. Тем более что сетевые структуры не так нейтрально-горизонтальны, как это казалось ранее. Поэтому идея сетевого мира звучит привлекательно за счет идеи, что внутри него все равны, все между собой обмениваются ресурсами, однако в реальности эта идея выглядит утопически.

Однополярный мир, по оценкам зарубежных ученых, был неизбежен. По их мнению, весь мир рано или поздно будет однополярным. Если существует конкуренция, то она приведет к победе сильнейшего. Модель однополярного мира предполагает отсутствие войн, революций и т. п., все будут думать одинаково и существовать будут только институты и ценности западного либерализма. Однако, по мнению С. Г. Кирдиной-Чэндлер, однополярность нежизнеспособна исторически, что можно наблюдать уже сегодня: закат глобализации, который отмечается как ее сторонниками, так и ее противниками; США теряют свои позиции мирового гегемона. Согласно некоторым экспертным оценкам, «новая однополярность» не может быть моделью миропорядка, способного преодолеть мировой хаос. Также докладчик отметила, что сторонники однополярности – это люди с определенным взглядом на мир. Так, например, в США обсуждается борьба с Китаем, поскольку Штаты обеспокоены тем, что новым гегемоном может стать Китай, что, по их мнению, крайне неправильно и страшно. Из чего следует, что если кто-то привык видеть мир однополярным, то другие варианты конфигурации мира невозможны – возможна только смена гегемона.

Смысл, вкладываемый в термин «многополярный мир» сегодня транслируется как борьба с однополярностью. То есть понимание невозможности однополярного мира вынуждает искать другие варианты и одним из таких становится многополярность. В политическом контексте многополярность подразумевает равенство участия всех обществ и цивилизаций, рост и укрепление экономик разных стран. Прогнозы, опубликованные агентством «**Bloomberg**», показывают, что к 2030 г. США уступят свое место в рейтинге по реальному ВВП Китаю, Индия

поднимется с десятого места на третье, Бразилия к 2050 г. поднимется до четвертого места, Япония опустится до пятого места и т. д., причем Италия и Великобритания и вовсе перестанут входить в десятку ведущих мировых экономик, а рейтинг России поднимется с девятого на шестое место¹. Таким образом, согласно этим прогнозам, в пятерку лидеров, имеющих крупнейшие экономики, будут входить совершенно разные страны, с разными цивилизационными и культурными основаниями, соответственно будут весьма различные полюса силы, что, по мнению докладчика, затруднит возможности договориться между собой, поиск консенсуса и усилит неустойчивость этой модели миропорядка.

Наиболее возможной и устойчивой конфигурацией мира С. Г. Кирдина-Чэндлер видит биполярность. Биполярный мир предполагает разделение экономических и политических сфер влияния между двумя группами стран, вплоть до создания внутри полюсов военно-политических союзов, при этом четко разграничив границы, что в свою очередь будет способствовать соблюдению правил диалога и сотрудничества. Анализируя мнения, докладчик отметила, что они весьма различны. С одной стороны, утверждается существование биполярности только во времена противостояния Советского Союза и США, с другой – на глобальном уровне мир был и остается практически биполярным, он обречен быть таким, с третьей стороны, в современном мире существуют два четких полюса – западный и «незападный», при этом первый является более целостным, тогда как другой имеет более рыхлую структуру и состоит из различных стран, имеющих большие автономии.

Прослеживается и институциональное оформление биполярности, что выражается в концентрации материально-технологического потенциала, укреплении и развитии структур и связей стран внутри каждого из полюсов.

В качестве примера становления биполярных военно-политических союзов докладчик привела НАТО и Евросоюз (на 2022 г. включали 36 стран) в рамках западной коалиций, основу стран незападной коалиции составили такие организации, как СНГ, ШОС и БРИКС (на 2022 г. включали 26 стран). Причем, если говорить о количественной составляющей каждой из коалиции, следует отметить, что НАТО существует больше 70 лет, Евросоюз – 30 лет, тогда как старейшей организацией незападной структуры является СНГ, созданный в 1991 г., ШОС – в 2001 (до этого с 1996 г. называлась «Шанхайской пятеркой»), БРИКС – в 2006. Однако, несмотря на относительную молодость организаций незападного полюса, наблюдается устойчивый рост стран, входящих в них, – почти в два раза за последние 20 лет².

Как отметила С. Г. Кирдина-Чэндлер в самом начале своего выступления, на сегодняшний день наблюдается не столько борьба за ресурсы, сколько борьба ценностей. В поддержку этого тезиса она привела пример

¹ См. подроб.: Кирдина-Чэндлер С. Г. Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 3–16. DOI: 10.31857/S013216250022645-2.

² Там же.

ценностных различий двух коалиций – Банкогскую декларацию азиатских государств (1993), постулирующую необходимость рассмотрения человеческих прав в национальном и региональном контекстах, уважение к национальному суверенитету, невмешательство во внутренние дела государств. Тогда как Венская всемирная конференция (1993) выступила за то, что «универсальный характер прав и свобод человека не подлежит сомнению», что можно трактовать как безразличие к ценностно-культурным особенностям и различиям разных обществ.

В завершение доклада Кирдина-Чэндлер выразила надежду, что биполярные коалиции мироустройства будут укрепляться, что, по ее мнению, будет способствовать преодолению хаоса и в конечном итоге приведет к более устойчивому состоянию биполярного мира в целом.

Открывая дискуссию, проф. Л. Н. Доброхотов прежде всего отметил своевременность обсуждения представленной докладчиком концепции: «На моих глазах происходила эта страшная трагедия – уничтожение Советского Союза, и я никогда не забуду и чувство стыда, и чувство трагедии, когда с советского посольства на 16-й стрит¹ снимали флаг Советского Союза, а с другой стороны, я видел восторг американской публики по поводу происходящего». Наблюдая за различными реакциями на это событие, докладчик пришел к выводу, что мы (советское/российское общество) другие, не лучше или хуже, а просто другие. Если говорить в контексте темы, вынесенной на повестку данного заседания, можно отметить, что то, что для них является поводом для радости: падение Берлинской стены, а затем сокрушение СССР – это было для них моментом триумфа и восторга, что в последующем привело к объявлению себя победителями в холодной войне, и, соответственно, они стали той страной, которая провозгласила идею глобализацию и которая будет использовать ее в собственных интересах. Американские интересы известны с конца XVII в., т. е. времен первых поселенцев, уже тогда считавших, что «их сам господь уполномочил руководить всем человечеством в американских интересах». Для реализации этой идеи использовались различные инструменты, в конце концов приведшие к глобализации, а точнее, к американизации. Причем эта идея в остальном мире была воспринята как покоящаяся на объективных основаниях, объединении усилий всего человечества (например, в решении экологических проблем, энергоресурсов и т. д.). Однако одновременно с уничтожением СССР и союзников в Восточной Европе стало очевидным использование этого тезиса только для решения своих американских задач – установления американской диктатуры в мире, продвижения своих геополитических интересов, причем не американского народа, а американских властных структур. Наблюдения дискуссанта за американскими студентами и научным сообществом показали, что идея глобализации была воспринята ими более чем положительно. Однако после возвращения в Россию в начале 2000-х он отметил, что и большая часть российского общества также вос-

¹ Англ. 16th Street. До 1994 г. там находилась дипломатическая миссия СССР, а затем России, сейчас там располагается резиденция Посла России в США.

приняла глобализацию положительно, но совершенно не критично. Получается, что западно-либеральная интерпретация глобализации была механически воспринята в нашей стране, в т. ч. и теми, кто руководил перестроечными процессами и ликвидацией СССР, и теми, кто продолжил руководить страной уже в нулевых. Эта ситуация, по мнению Доброхотова, затруднила попытки показать не только студентам, но и коллегам, что глобализация просто обманка, используемая против национальных интересов нашей страны, противоречащая интересам России, что это лишь инструмент в руках Америки, который должен нас добить как суверенную, независимую державу со своей цивилизационной самобытностью. Также дискуссиант подчеркнул, что на сегодняшний день, спустя 20 лет, эта проблема не преодолена. На примере студентов МГУ, у которых он преподает, он отметил, что очень сложно показать большей части современной молодежи из числа учащихся реальной картину процессов, происходящих в мире. Это связано прежде всего с образовательными программами, учебниками, рекомендованной литературой, которые сами по себе в большинстве своем проповедают западно-либеральную, точнее – проамериканскую интерпретацию глобализации. Также докладчик отметил, что спустя несколько месяцев после начала СВО начали вносить изменения в эти учебные программы, что выражается в существенном сокращении доли американской и отечественной литературы западно-либерального характера.

Так что же заменит америкоцентричный миропорядок? Что его может заменить? Рассуждая об этом, Л. Н. Доброхотов отметил, что он и сам является сторонником биполярности. Наблюдая за заседаниями коалиций, членом которых является Россия, докладчик особо подчеркнул, что данные организации имеют более объективные основания для объединения, в них отсутствует диктатура одной страны и учитываются интересы всех стран-участниц, в отличие от того же НАТО, где главенствует американская повестка. В качестве примера он привел Турцию и Венгрию, которые, являясь членами НАТО, пытаются противостоять американскому давлению, говоря о своих национальных интересах, и количество таких стран скорее всего будет расти. Однако, несмотря на свою приверженность идее биполярности, докладчик выразил сомнения по поводу оптимистичности прогнозов С. Г. Кирдиной-Чэндлер после установления биполярного мира. Даже в этой геополитической конфигурации между двумя полюсами все равно будет происходить борьба, поскольку велики цивилизационные различия между ними, но надемся, что борьба будет происходить без угрозы ядерной войны и других катастрофических последствий. При этом необходимо учитывать, что будет сопротивление внутри самой незападной коалиции, ведь на сегодняшний день мы уже имеем поколение людей, выросших и воспитанных на соответствующих западных установках. Преодолеть это мировосприятие будет весьма сложно. К тому же есть люди, в том числе представители властных структур, которые этого просто не хотят, поскольку это противоречит их личным интересам и которые пытаются этот процесс саботировать.

В продолжение дискуссии чл.-корр. РАН **М. Ф. Черныш** справедливо отметил, что научному сообществу необходимо теоретическое осмысление происходящих на сегодняшний день процессов. Однако любая теория не остается без вопросов, на которые нужно отвечать. В этой связи в контексте обсуждаемой темы возникли такие вопросы, как: насколько в обществе стабильны и устойчивы нормы и ценности? Насколько само общество изнутри в плане ценностей и норм является целостным? Так ли едино российское общество внутри себя, при всей его мультикультурности и разноплановости в приверженности различным идеологиям? Разве то же американское общество внутри себя не расколото, учитывая, что и у них наблюдается разное отношение людей к разным нормам? В качестве примера ответа на первый вопрос **М. Ф. Черныш** привел изменения института семьи по сравнению с тем, что было в обществе XIX в., и не только в российском. В той же Англии в XIX в. нетрадиционные связи не только порицались обществом, но и принудительно лечились или даже уголовно преследовались, сейчас картина совершенно иная.

Отвечая на вопросы, поставленные **М. Ф. Чернышом**, **С. Г. Кирдина-Чэндлер** отметила, что, говоря о нормах и ценностях, разных культурах, следует помнить, что ни одна теория не может ответить на все вопросы и дать решение всех проблем. Теория сама по себе всегда частична и может ее использоваться только для анализа ограниченного круга проблем. Нормы и ценности в обществе не стабильны, они меняются так же, как меняется само общество. Предложенная биполярная структура мира, созданная, чтобы мир мог сосуществовать более гармонично, по ее мнению, представляется наиболее устойчивой. Сам концепт биполярности относится не столько к самим людям и их нормам и ценностям, а сколько к формам их структурных взаимосвязей во внешней среде.

Продолжая обсуждение **В. К. Левашов** (ИСПИ ФНИСЦ РАН) отметил, что, по его мнению, мир многомерен, а не двухмерен. В X и Y концепцию можно добавить еще и «Z», который самостоятельно проявился и стал объективной реальностью. Напрашивается вопрос: процесс глобализации носит объективный или субъективный характер? Также он отметил, необходимо более четкое понимание категорий, при помощи которых ученые пытаются исследовать и анализировать ту или иную проблему. Что из себя представляет глобализация как процесс, как объективное понятие, и что такое глобализм как отражение этого процесса? И отвечая на эти вопросы, следует учитывать, что понятие глобализации сейчас очень широко используется в публичной сфере и зачастую как идеологическое оружие. Также он отметил необходимость вспомнить, что термин «глобализация» появился задолго до его провозглашения Фукуямой, еще в середине 1960-х гг., в том числе в советской гуманитарной научной мысли.

Проф. **В. Ф. Левичева** высказала мнение, что, несмотря на все изменения, происходящие в мире, у изменчивости тем не менее есть границы, и это выражается в существовании иерархической структуры, существовавшей всегда, поскольку является фундаментальной в любых

человеческих обществах и сообществах с самого начала, в т. ч. и в России. Отличие в том, что нам на наших территориях, по большей части не с самыми благоприятными условиями, сложнее жить, поэтому мобилизационный ресурс в нас изначально заложен и более развит с точки зрения социального взаимодействия.

Состоявшаяся дискуссия позволила сопоставить различные точки зрения на возможные трактовки существующего и грядущего устройства мира – как однополярного, многополярного, двуполярного или сетевого. В докладе были представлены аргументы в пользу того, что наблюдается и усиливается процесс биполяризации глобального мира. На одном полюсе концентрируются страны так называемого коллективного Запада, в то время как на другом – незападные страны, включая Россию. Особое внимание привлекло обсуждение проблем глобализации, ее неоднозначной и даже противоположной трактовки: с одной стороны, как универсальности прав и свобод, с другой – как признание в этом процессе национального, регионального и религиозного аспекта. Отмечен и рост суверенизации во многочисленных ее вариантах с его как позитивными, так и негативными аспектами. В ряде высказываний прозвучали предложения о необходимости осмысления таких новых процессов и явлений как информационные войны, прокси-войны, феномен полуправды.

Получено редакцией: 16.03.2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бийжанова Элиза Камчыбековна, научный сотрудник Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.11

EDN: YYZEHN

From Unipolarity to Unpolarity: To the Question of Changes in the Geopolitical Configuration of the World

Eliza K. Biyzhanova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: biyzhanova@isras.ru

ORCID: 0000-0002-0401-8633

For citation: Biyzhanova E. K. From unipolarity to unpolarity: to the question of changes in the geopolitical configuration of the world. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 1. P. 166–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.1.11; EDN: YYZEHN

The article was submitted on: March 16, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Eliza K. Biyzhanova, Research Fellow of the Center for the Study of Russia's Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2023. Том 14. № 1. Дата выхода в свет 30.03.2023.
Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru
Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>